

САША КИНДЕР

ЯЩЕРЯНИ

АМА

— Долли, поверь мне, это ошибка, — серый взгляд мужчины совсем не выглядел виноватым.

Ещё бы. Он всё это время пытался оправдаться, играл со мной как и прежде и обманывал. Но я слишком сильно устала от этого.

— Н-не надо, п-пожалуйста... — прошептала больше для себя, — хватит.

Он дёрнул щекой. Психанул, подтвердив то, о чём я подумала. Хотел снова заставить меня поверить в его враньё.

И вот, на руках у меня двое детей, идёт процесс по нашему разводу, а я погружаюсь в воспоминания полуторалетней давности, когда мы оба ещё были счастливы. Смогу ли я простить? Чего стоит ложь? И на чью сторону встанет суд?

Измена. Няня для мужа

Саша Киндер

Глава 1

Я его люблю — давило в голове. Господи, как же сильно я его люблю. Перестала ему верить, поняла, что вместе нам никогда не быть, но от рези в груди избавиться не смогла. Да и не получилось бы, потому что с момента, когда я застала собственного мужа с другой, прошло не больше двух недель. Их нам дали на примирение до слушания, на котором мы оба сейчас и были.

И если я старалась не смотреть ему в глаза, то он, не скрываясь, давил на меня, как делал это все эти чертовы две недели бесконечных звонков, писем и преследования меня с детьми в каждом уголке нашего города. У него были связи — у меня ничего. Только обида и желание сбежать от него куда подальше.

— Долли, поверь мне, это ошибка, — серый взгляд мужчины совсем не выглядел виноватым.

Ещё бы. Он всё это время пытался оправдаться, играл со мной как и прежде и обманывал. Но я слишком сильно устала от этого.

— Н-не надо, п-пожалуйста... — прошептала больше для себя, — хватит.

Он дёрнул щекой. Психанул, подтвердив то, о чём я подумала. Хотел снова заставить меня поверить в его враньё.

В зал вошла полная судья, махнула черной хламидой и тяжело села в кресло за длинным столом. Мы же стояли каждый за своей стойкой в разных углах зала. Я не выдержала бы, будь между нами меньше этих пяти метров.

— Итак, приветствую вас на заседании по бракоразводному процессу. Истец — Долорес Эррера выступила с иском о расторжении брака в отношении ответчика — Эксалья Эррера. Ответчик согласен с заявлением? — судья смотрела в упор на моего почти бывшего мужа.

Удивлялась, наверное, почему такая недалекая как я разводится с красивым и обеспеченным мужчиной. А по нему было видно, что он богат. Он умел показать себя вообще. А ведь никто кроме меня в этом зале ещё не понял, насколько он умный, хитрый и... бабник.

Сердце стучало быстро. На глаза наворачивались слёзы обиды и усталости. Мне всё это надоело.

— Нет, — усмехнулся Эксаль, — я не хочу разводиться со своей женой. Она ошиблась, обвинив меня в том, чего я не совершал, забрала детей и не хочет со мной разговаривать. Во мне теплится надежда, что мы сможем решить всё здесь. Малой кровью.

Судья быстро перевела взгляд с него на меня. Если он был идеален во всём, то мой внешний вид был точно не таким притягательным — я очень много плакала в последнее время. Теперь никто не помогал мне с детьми, приходилось успевать заниматься домашними делами самостоятельно, а ещё нервничать из-за того, что Эксаль обивает порог каждой квартиры, которую я снимаю. Я выглядела измученной, уставшей и больной. По сравнению с прекрасным и спокойным ним, я чувствовала себя убитой.

— Насколько мне известно, у вас есть общий ребенок, место проживания которого тоже будет решаться на заседании. Это так? — судья.

Внутри всё похолодело. Мне было страшно, что он сможет забрать у меня Холли и Франко. А с его связями и деньгами...

— Двое детей, — прошептала.

Мужчина усмехнулся.

— Один, — поправил меня, — у нас общая дочь. Холли Еррера. Ей пять месяцев. Что же касается второго моего сына, то Франко у меня от первого брака, — он расплылся в улыбке, — и тот факт, что ты его... забрала, Долли, незаконен. Это можно квалифицировать как... кражу ребенка? Так нельзя делать, но мы поговорим об этом наедине, да, дорогая? — он хмыкнул, — так что делить положено только одного ребенка и имущество, однако и этого мы делать не станем, потому как решим проблему без развода.

Я прикрыла глаза. Точно дрожала.

— Ты мне врал, — тихое от меня, — я даже тебя слушать не хочу.

— Тем не менее придётся, — перебила меня судья, — такова процедура, истец.

Эксаль посмотрел на неё холодно и зло, но промолчал. Обычно он держал себя в руках, пока его не выведут из себя. Иногда он был вспыльчивым.

— Вы правы насчёт решения о ребенке, ответчик. Но мы должны отметить каждый аспект развода, — женщина заглянула в бумаги перед собой, — в вашем заявлении на развод нет иска о разделе имущества, — сказала она мне, — законодательно вы имеете права на половину нажитого в браке, а это... — её глаза расширились, — имущество на общую сумму в двести шестьдесят тысяч евро за полтора года. Эту выписку предоставил суду ваш муж.

Я поджала губы.

— Мне ничего от него не нужно, — подняла уверенный взгляд на судью.

Эксаль тяжело вздохнул и отвернулся. Смеётся надо мной?

— И это не смешно! — почти ровным голосом, — то, что ты сделал... это...

На мне остановились его серые глаза.

— Я лишь улыбнулся, Долли, — он пытался говорить мягко, — ты всегда была такой гордой. Я обожаю это в тебе.

Выглядело как насмешка. Я опустила голову, крепко ухватила за край своей деревянной стойки и попыталась заставить себя не плакать снова. Глаза защипало.

— Вам нужно написать отказ от совместно нажитого имущества в пользу ответчика, однако по документам у вас также имеется недвижимость, купленная в браке три месяца назад, — что-то читала судья, — эта часть имущества тоже должна быть разделена.

Эксаль отрицательно помотал головой.

— Это подарок, — выглядел уверенным он, — это полностью её дом. Не смотря на то, что она сбежала.

Судья явно думала какая я дура. У неё на лице было написано.

— Вам, ответчик, тоже необходимо будет написать отказ в пользу истца, — строго произнесла женщина, — итак. Причиной развода истец назвала измену. Суду нужны пояснения.

В ответ на её слова я медленно кивнула, вздохнула и начала:

— У меня была хорошая семья. Небогатая, но хорошая.

Эксаль хмыкнул.

— Они принижали тебя, а впоследствии вынуждали тянуть на себе, — перебил меня мужчина.

Я мотнула головой.

— Т-ты не прав, — снова шёпотом.

— Ответчик, я прошу вас выслушать версию истца, — судья, — после мы будем слушать

вашу позицию.

Он кивнул. А попытавшаяся успокоиться я нырнула в воспоминания, рассказывая о них не только суду, но и самой себе.

«Всю свою жизнь я жила в небольшом городке на краю Коста Брера. Океан, солнце и счастье были для меня частью детства. Но потом что-то пошло не так, и когда я стала подростком, будто ответственность за каждого члена семьи свалилась на плечи, я открыла глаза и почувствовала тяжесть жизни. Родители никогда не были богатыми, иногда даже занимали у знакомых деньги, чтобы прокормить большую семью из бабушки, мамы, четырех детей, включая меня, и приходящего отца. Последний любил выпивать, красть и бить маму, поэтому все дети любили его только в самом начале очередного визита — в конце он всегда оставлял заплаканную маму с синяками, нас без денег, а иногда ещё и с новым членом семьи.

Так было и в тот раз. Через три дня мне должно было исполниться шестнадцать, я кое-как сдала школьные экзамены и предвкушала спокойные трудовые будни — школа отнимала много времени, особенно когда занимаешься кучей подработок для подростков. Но все они были мелкими и плохо оплачиваемыми. Тогда должно было всё измениться, потому что я могла работать на полную ставку, как делал это старший брат, и хотела получать нормальные деньги. Всё было отлично.

До того момента, пока пришедший на эти три дня отец ушёл без наших накоплений, помимо тех собранных мной на праздничный ужин, а ещё оставил маме сюрприз — она сделала тест на беременность сразу после его ухода, после чего побежала за ним вдогонку, нашла через несколько часов и получила ещё и сломанную руку.

Она работала продавцом в магазине. Трудно представить, как именно мы должны были жить на зарплату с шабашек брата и бабушкину пенсию, учитывая, что к нам подблизались отцовские долги, а мама ушла на затянувшийся больничный сперва со сломанной рукой, а потом с ребёнком. Свой выпускной я, естественно, пропустила. И это казалось мне самым ужасным во всей этой истории, ведь к приходам отца я привыкла, но судьба решила дать мне ещё большего пинка, сделав это весёлым и радостным лицом старшего брата, пришедшего немного пьяным и разговорчивым на тихий и грустный семейный ужин.

Тогда снова были макароны. Терпеть не могу макароны.

— Я женюсь! — упал рядом со мной на стул Пабло, — приведу завтра знакомиться с вами. Она такая... вы бы видели её! Красавица. Из хорошей семьи и даже училась в институте! Представляете?

Мне почему-то стало смешно.

— Она тебе соврала, — хихикнула для него, — не может такая, как ты её описал, взглянуть на тебя, — смешок, — ты работаешь грузчиком, Паб. Ты скорее всего придумал её, когда перепил!

Парень скривился и отправил в рот ненавистные макароны.

— Заткнись, Долорес. Хоть так будешь выглядеть умнее, чем ты есть, — он толкнул меня в плечо, — вот кто сдохнет или в девочках, или в ближайшей канаве, как шлю...

— Прекратили! — рыкнула на нас мама.

Она последнее время была ну очень злой. Ещё бы нет.

— Что значит ты женишься?! — вспыхнула краской бабушка, — ты совсем сдурел? Мать на сносях, а ты придумал притащить в наш дом еще один... одну... да я тебя скорее выгоню, чем... пользы от тебя...

— Она хотя бы работает? — спросила у брата.

— Если из университета, то должна хорошо зарабатывать, — с надеждой смотрела на него мама, — ну же!

Пабло поджал губы.

— Мы будем снимать с ней квартиру, — заставил замереть всех нас он, — и мне плевать, что вы все скажете, ясно? Мне девятнадцать! Я сам могу распоряжаться собой и своей жизнью! Ха! И тем более деньгами. А вы... вон, вы сколько дней говорили, что Долорес теперь будет работать. У вас есть замена! Вот пусть она и пашет. А у меня новая семья, — он поднялся из-за стола, дернул его назад так, что почти уронил, опрокинул пальцами свою наполовину пустую тарелку и добавил, — разве я виноват, что ты без конца рожаясь от этого... — на маму, — что ты старая, — на бабушку, — а ты тупая и никому не нужная даже для того, чтобы тебя попользовать? — на меня, — эти мелкие не в счет, — на своих же сестер, — почему отцу можно уходить, а мне нельзя?! — к маме, — командуй теперь всеми ими. Я тут не при чём. Мне надоело тянуть вас!

По столу сперва попрыгали, а после застыли раскиданные с его тарелки макароны. Я смотрела на них с такой нехваткой сил, что горечь резала по животу и горлу. Бабушка начала ругаться, дети плакать, брат уходил, а мама бежала за ним так же, как делала это за отцом. Вскоре из комнаты ушла и бабуля. А я осталась одна. Вернее, с теми, кого стоило успокоить, но кто не мог поддержать меня.

Иногда казалось, что я одна думала про младших. Остальным было плевать. В то же день на плечи будто упало больше тяжести и ответственности, ещё не раздавив меня, но точно заставив осознать, что я не справлялась и с прежней кучей.

Просящая у судьбы и получившая лишь в мечтах возможность сделать всё немного легче я, поняла, что просто в моей жизни не будет никогда».

— Лучшая семья, — лениво, но как-то важно облокотился на свою тумбу Эксаль, — ты оправдывала каждого из них. В то время как они лгали тебе, использовали и давили, — он хмыкнул, — знаешь, что я понял за время нашего брака, Долли? — он подался ближе ко мне, сильнее надавливая, — ты привыкла к ссорам и тяжёлой жизни, потому и настраиваешь себя на эту гадость, — его глаза сверкнули, — ищешь во мне пороки, например.

Я отвернулась от него. Ему лишь бы показать себя как самого лучшего. Как доброго и понимающего. А до меня и в самом деле дошло, что счастливой мне никогда не стать. Всё всегда будет плохо.

— Вы начали издалека, — нахмурилась судья, — это так важно? Какое отношение ваша жизнь до брака, а тем более детство, имеет к разводу?

— Не давите на неё, — смотрел зло из-под ресниц на женщину Эксаль, — если она говорит про что-то, то это важно. Для неё.

Он упивался тем насколько он хорош. Какой солидный у него тон голоса, и насколько он сам по себе важный и защищающий. Он говорил, и не раз, что обожает это. А я, дура, влюблённо смотрела на него и восхищалась.

— Странно слышать от тебя такое, после того... что ты сделал, — рывком стёрла слезу. Мужчина дёрнулся.

— Что я сделал, Долли? — прошипел он, — ничего не было! Ты и сама это понимаешь, но хочешь немного пострадать. Ты же так долго этого не делала, — смешок, — я не изменял тебе. И не планировал. Единственное, о чём я сейчас жалею, это то, что мы с детьми не уехали из этого дурдома раньше!

Я фыркнула.

— Не изменял? Я что ли совсем дура?! — я тяжело дышала, но сдерживала крик, — я всё слышала и... видела! А-а ещё... как тебе было не стыдно? Ты же видел, что в комнате был Франко! Т-ты даже не подумал о нём, потому что...

— Вот именно! — перебил меня мужчина, — в комнате был мой сын. Я, по-твоему, из ума выжил, изменять тебе при сыне?

Я почти задохнулась.

— Значит ты не отрицаешь, что делал это без него? — губы дрожали, — и... и это наш сын, а не только твой.

Эксаль сперва замер, а после расплылся в улыбке, словно сдерживая смех.

— А знаешь, я рад, что ты отказывалась разговаривать со мной эти две недели. Теперь мы делаем это при людях, а значит будет больше шансов на то, что ты поймёшь, о чём именно говоришь, — улыбка с его лица сползла, — я даю тебе слово, что никогда ни единого раза не изменял тебе, Долли.

Какой же у него при этом был взгляд! Мне даже сейчас хотелось поверить ему и обмануться. Почувствовать, что всё снова хорошо на несколько дней, а после упасть ещё ниже.

Но у меня был пример мамы, которая прощала ужасные поступки отца, его пьянство, кражи и измены, и я не хотела быть такой, как она. Я хотела чувствовать, что меня любят хоть немного в ответ, и не закрывать глаза на правду.

— Я всё видела, — ответила ему, вздохнув, — и не один раз ловила тебя. Да даже твоя сестра подтвердила!

Мужчина закатил глаза.

— Гениальный пример, Долли. Мы оба знаем, что у неё в голове, — он всё ещё вальяжно опирался на стойку.

Его будто ничего не волновало, и ничего ему не угрожало. Он был расслаблен, словно знал, что победит.

— Вы настояли на свидетелях, — произнесла судья, — однако мы выслушаем их позже. После ваших доводов, истец, в подтверждение измены. Продолжайте вашу историю. Мы все ждем.

Я медленно кивнула, собралась с силами и выдавила:

— Когда брат ушёл нам стало очень тяжело. Я долго искала работу, бегая с одной подработки на другую, но без опыта и несовершеннолетнюю меня не хотели брать. Всё оказалось сложнее, чем я себе придумывала.

«Мне снова отказали. Как увидели мою просящую улыбку и протянутые документы, так сразу покачали головой и даже на собеседование не пустили. Хотя по телефону звали так сильно, сказали об ужасной нехватке персонала и... но оно уже было не важно. Я опять шла домой и ревела — это единственное, что я могла делать. Если бы мне платили деньги за слёзы, то моя семья была бы самой богатой в городе.

Хаоса в картину жизни добавляло то, что Карлос, которому полгода назад исполнилось двенадцать, постоянно дрался в школе, а маме приходилось зашивать его порванные вещи.

Семилетняя Агата должна была пойти в школу, и благодаря тому, что она прошла какой-то там тест для поступающих с высокими баллами, её приняли в школу получше в другом районе, а значит кто-то должен будет не только водить её, но ещё и купить в следующем месяце школьную форму, которая нам точно была не по карману. Не говоря о

тетрадах и прочей школьной гадости! Я боялась представить сколько стоит всё это. Зачем оно вообще нужно?

— Ну и? — сидела на лавке у ворот мама.

Она заметила меня первой — я снова ничего не видела перед глазами. С усилием лишь помотала головой ей в ответ.

— И в самом деле бесполезная! — фыркнула она, — твой брат хотя бы что-то мог, а ты?

Она никогда не обращала внимания на меня, разве что, если я не успевала что-то сделать или накосячила. Спасибо, что она слёзы не заметила — так бы вцепилась в них и продолжила орать.

— Господи, зачем я вас всех рожала? Чтобы вы мне в старости стакан воды не принесли? — продолжила она, пока я заходила в дом, — ни черта не можете без меня! Почему я должна тянуть вас всех на своей шее?!

Бабушка была мягче:

— Забери это чудовище! — сунула мне в руки младшую она, — спина от неё болит.

Она криво захромала к квадратному телевизору, подняв кучу пыли из кресла напротив.

— Что, сестренка, ты снова никому не сдалась? — рассмеялся Пабло, — говорил я тебе — иди в проститутки. Спрос будет... хотя, получать всё равно будешь мало, — он закинул в рот что-то из своей тарелки, — страшная же, как будто тебя уже лет двадцать кто-то...

— Заткнись! — крикнула на него бабушка, — телевизор не слышно из-за тебя, идиот!

Паб продолжил жевать:

— Так ты прибавь звук, дура, — закатил глаза он, — буду я ещё шептать ради тебя, ага.

Я села напротив него.

— Чтобы больше электричества намотало?! — заорала, вбежав домой, мама, — пошёл вон отсюда, советчик хренов!

Я поменяла позу малышки на руках, чтобы та смогла наконец уснуть. Глазки у неё закрывались ужу с минутой.

— Ты что здесь делаешь? — спросила у старшего брата, — неужели пришёл пожрать? А твоя невеста тебя почему не кормит?

Мне казалось, он бросит в меня свою тарелку. Он так иногда делал, когда вокруг не было никого из родителей. Но сейчас я была защищена.

— Завали, ясно?! — прорычал он, — где хочу, там и сижу. Или тебе жалко, курица? Ты-то сюда вообще ничего не купила.

— Долорес, чтоб тебя! Пошла вон отсюда в другую комнату! — мама, — надоели орать! Никакой от вас пользы, нахлебники чёртовы!

Я встала, думая только о том, что живот сводит от голода — я опаздывала утром и поесть не успела, а сейчас там будет этот идиот Паб, который каждую мою ложку прокомментирует. Лучше уж так, чем под всеми их взглядами и насмешками.

В комнате было прохладно, в отличие от кухни. А ещё темно от закрытых штор и окон — они здесь никогда не открывались, потому что были залеплены скотчем в нескольких местах и щелях в дереве. Это я придумала, потому что младшие вечно лезли туда и нередко резались, вот и... положила ребенка на кровать мамы — стало немного легче. Вчера пришлось поднимать кеги с пивом, потому что вторая моя сменщица заболела, а строящего мне глазки охранника в тот день не было. Да и просить его как-то было уже не забавно, как сначала — ему было больше сорока, а попытки меня облапать не под камерами наблюдения участились. Но это всё равно было лучшим вариантом подработки, продавцом меня взять не

могли, но помощником — запросто. Там хоть стабильно платили, а ещё просили оставаться всего на пол дня, из-за второй сменщицы. Так нам просто можно было меньше платить, потому что мы работали по пять часов каждая, но не полную смену для «взрослых». Брат так сказал — я хоть и терпеть его не могла, но иногда он говорил что-то не тупое.

Это немного и было проблемой, потому что найти себе что-то на вторую половину дня было сложно, мне было шестнадцать, а уходить на полную ставку куда-либо было глупо — меня могли уволить через некоторое время, а сюда не взять обратно. Я боялась остаться совсем без работы.

— ...как же ты надоел! — показала в дверном проёме Агата, — тебя сюда не звали, ты сам от нас ушёл! Так иди отсюда! Ты сказал, что мы тебе не нужны!

Она хлопнула за собой дверь и виновато посмотрела сперва на малышку на кровати, а потом на прижимающую палец к губам меня.

— Прости... — прошептала она, — просто этот дубина... он так бесит! Так орал, когда уходил, а теперь... — она звонко посмеялась, — ты слушала, что он сказал? — она дождалась, пока я помотаю головой, — они сняли квартиру, он уволился, думая, что будет жить за счёт своей невесты и... — хихик, — она сказала ему идти работать!

В душе стало как-то приятно, хоть это и было жестоко.

— Дебил, блин, — она залезла на кровать и развалилась у моего плеча, — все мальчишки дураки. Что наши братья, что во дворе! И, знаешь, я так рада, что не буду с ними учиться! Может в той школе мне будет лучше? Бабушка сказала, что там точно будут мальчишки поумнее.

Я улыбнулась.

— Надеюсь, что хоть ты будешь у нас хорошо жить, — я сощурила глаза, — приедешь лет через десять на дорожке машине, как скажешь мне: Долли, садись, я увожу тебя в свой пентхаус на побережье, чтобы ты больше никогда не работала и ела ананасы каждый день!

Она снова звонко рассмеялась, но уже через минуту поджала губы и крепче прижалась к моему плечу.

— Тебя опять не взяли? — пробурчала она, — они просто не видят какая ты хорошая! Добрая и... знаешь, если я разбогатею, то машина, на которой я приеду, будет твоя.

Она рывком села, порывисто меня обняла и застыла намертво. Она могла стоять так часами, если ей было плохо или она волновалась.

— Кстати! — она резко села, — я сегодня спёрла у Эрнандо, — она закатила глаза, произнесла имя соседа с насмешкой, — газету, но не ворчи по этому поводу — я это сделала для тебя.

Я хмыкнула. Сестра умела оправдываться.

— И знаешь для чего я это сделала? — у неё был хитрый взгляд, — мама сказала, что в интернете одни мошенники, и я так подумала... точнее бабуля сказала, что в их время все объявления о работе были в газете и их проверяли, так что... — она спрыгнула с кровати, протопала до своей и достала из под матраса журнал, — вот. Я даже за тебя почитала и нашла две вакансии, которые тебе понравятся, — она запрыгнула прямо на меня, — смотри! Вот эта мне больше всего пришлась!

Я прочитала: «Требуется няня. Опыт работы желателен. Зарплата достойная. Звоните, договоримся о встрече. Всему научим, всё расскажем!».

— Выглядит, как ещё большие мошенники, — пробурчала я, — сейчас никто не даёт объявлений в газеты, Агат. Так делали только во времена нашей бабушки.

Она закатила глаза.

— Возьми у мамы телефон и позвони! Тебе от этого что-то будет, скажи? — ткнула мне в грудь газетой она, — покусать они тебя точно не смогут. А вот я — да!

Я не сдержала улыбку. С сестрой сложно было грустить.

— Ладно, — скинула её с себя на кровать, — посиди с малышкой, — указала на спящую, — я быстро.

Возвращаться на кухню совсем не хотелось, но газета как-то странно придавала сил.

— Я нашла ещё работу, можно я позвоню с твоего телефона? — подошла к маме.

Женщина скривилась. Она терпеть не могла, когда кто-то просит её вещи.

— У тебя минута, — она вынула из кармана халата мобильный, — потратишь деньги, я выгоню тебя на улицу.

Я могла лишь кивнуть.

— Тебе лишь бы сказать мне какая я плохая, — фыркнула я, — я же не для себя стараюсь!

— Перед отцом рот открывай, собака! — кинула она мне вдогонку, — чтобы он тебе опять по роже съездил!

— Её не на помойку, а на панель, мам, — рассмеялся Паб, — жопу она себе отъела знатную!

— Тебя как будто спрашивали, — махнула на него рукой бабушка, — закрыл бы ты свой поганый рот, а.

Я вышла к лавочке, чтобы не слышать продолжения. Затем села и набрала номер из газеты.

— Здравствуйте, я по объявлению о работе, — выдохнула, — вам ещё нужна няня?».

Глава 2

— С этого момента она жила счастливо, никто не называл её собакой и не желал отправить туда, куда был сам не раз отправлен мной её брат, — ухмыльнулся Эксаль, — конец. Принцесса спасена, — он снова выглядел себялюбивым, — М. Ну да, помимо того раза, когда принцесса увидела гениальную постановку с участием короля, поверила в реальность происходящего и решила изъять у него детей и вновь вернуться в лирическое прошлое с... собаками и девицами лёгкого поведения.

Живот стянуло от ярости.

— Постановка, да! — не сдержалась в этот раз, — на которую повелась именно я! Конечно! Ты целовался в нашей комнате с этой... этой... «постановкой», а я повелась! Так и было! — даже плечо заболело от нервов, — может ты попался на неё? Или скажи мне, что я увидела не так. Ты её целовал! И это явно не в первый раз!

Мужчина закатил глаза.

— Не было такого, — скрестил руки на груди он, — ни на что я не вёлся и никого не целовал, — он глядел в упор в стойку, — как же это бесит! Господи, Долли, поедem домой, — указал мне на выход, — я сперва подумал, что ты не станешь... рассказывать так подробно, но сейчас у меня уже нет уверенности в этом, однако имеется чувство собственного достоинства. Поэтому отправляемcя домой, я тебя выслушаю, отвечу на все вопросы, и мы съедem к чертовой матери из этого дома и города!

Он сжимал челюсти с силой. И рычал, едва сдерживая крик. Мне становилось страшнo от такого его тона.

— Я тебе всё сказала, — прошептала, а после уверенно добавила, — я не... на помойке себя нашла, чтобы верить в твою ложь и тем более прощать измену.

Он устало прикрыл глаза рукой, повиснув локтями на своей стойке.

— О какой постановке была речь? — перебила тяжелое молчание судья, — и кто всё-таки в неё попался? Как было сказано вами.

— Она, — поднял взгляд на женщину Эксаль.

— Он, — одновременно с ним ответила я.

И мы посмотрели друг другу в глаза. Я видела его милую растущую улыбку, которой хотелось ответить. Как же хотелось улыбаться ему в ответ! Но всё заслоняло то воспоминание, где эти самые губы целует другая, а стоящая в дверном проёме я заставляю их отвлечься друг от друга.

— Долли, я же вижу, что тебе было так же тяжело, как и мне всё это время, — голос мужчины стал ласковым и вибрирующим, — ты устала. Каково это — справляться с двумя детьми в одиночку целых две недели? Ведь ты никого к себе не подпускала эти дни. А я был за стеной или дверью от тебя ежечасно, — он развернулся ко мне весь, — ты же хочешь домой, как и я. Как и наши дети. Сколько раз тебе пришлось успокаивать Франко, который просился к папе? М? — просящий взгляд, — Долли, я отвезу тебя домой, наберу ванну. Ты же хочешь ванну? Расслабишься, я могу даже оставить тебя одну на час, чтобы ты подумала и успокоилась, — он всё ещё давил улыбку, — я потру тебе спинку. Мы поговорим, вкусно поужинаем и...

Я подалась в его сторону.

— Потри спинку своей любовнице, — прошипела и отвернулась от него.

Несколько секунд в зале суда держалась тишина, а после... он заржал. Скотина.

— Это было хорошо, Долли, — кивал он, — это было мощно. Ты и в самом деле прозорливее меня, — похвалил, постепенно снова становясь серьёзным, — не хочешь домой, тогда чемоданы... хотя, можем и без них — купим по дороге самое необходимое, заберём детей от оплаченной тобой няни, и отправимся на самолёт. Улетим из этого города, я дам тебе возможность выбрать любую квартиру, какую ты захочешь, Долли. И будем жить вдв... вчетвером, — убеждающий взгляд, — как ты и хотела.

Звучало настолько райски и заманчиво, что картина буквально появлялась перед глазами. Сердце ещё так сильно щипало от его слов, что хотелось снова плакать и поверить ему, вот только... это я предлагала ему так сделать. И не раз. Это я звала его убраться подальше от чьих-либо мам и родственников. И это я умоляла его поверить мне. А он долго упирался.

— Уже поздно, — ответила ему сквозь зубы, — ты уже всё испортил. И мне всё равно кто это подстроил и как у них это получилось.

Эксаль помотал головой.

— Долли, это несерьёзно. Сколько раз мне нужно сказать тебе, что ничего не было, чтобы ты поверила? — снова почти злился он, — что я сделал не так? Почему ты мне не веришь?

— Тут сколько угодно повторяй. Если она вас увидела, — вставила своё слово судья.

Как зло он на неё посмотрел!

— Не мешайте, — «посоветовал» ей приказом, — вы вообще здесь, как необходимый, но бесполезный зритель. И это раздражает.

Я хмыкнула. Он сделал вид, что успокоился.

— Прости, Долли, — милым голосом, — ты же видишь, что я тоже устал и долго был на нервах.

— Ваша честь права, — криво сказала я, — ты зря повторяешь. Я и сейчас всё пересказать смогу.

Судья тяжело вздохнула.

— Так перескажите! — не выдержала она.

— Ещё одно грубое слово в её сторону, и вы забудете о судебском плаще, — успел до меня мужчина.

Я снова закатила глаза.

— Не было никакой грубости! — шикнула на мужа, — хватит, пожалуйста.

Судья откинулась на спинку своего кресла.

— Ваши угрозы точно найдут последствия, ответчик, если вы продолжите. Я вызову охрану и вас выведут из зала, — пыталась осадить его она.

Вот бы у неё получилось. У него были деньги и власть из-за них, поэтому он ехидно расплылся в улыбке и по стойке, не забыв лениво зевнуть. Козёл.

— Ваш муж всегда так себя ведёт? — поинтересовалась судья, вынув меня из задумчивости.

Я помотала головой.

— Он сейчас злится и... переживает, наверное, — засомневалась, — поэтому начинает защищать своё к-хм... он мне как-то сказал «что считает своим», так что... вот я и попала под его это «своё».

— Я так рад, что ты это понимаешь, — и в самом деле был счастлив мужчина, — но в

обычное время я хороший, Долли. Ты же знаешь, подтверди. Я хороший, спокойный и добрый, — хмык, — а ещё очень преданный. Поэтому тебе не изменял.

Мы с судьей переглянулись.

— Вернёмся к подстрекательству, — женщина скривилась, — или, вернее, как вы его там назвали?

— Постановка, — напомнил ей Эксаль, — моя семья тоже не сахар.

— Особенно мама, — кивнула я, — она прям... тяжёлый человек.

Женщина кивнула.

— И что же она сделала? — перевела взгляд с мужчины на меня судья.

— Знаете, я когда её в первый раз встретила...

«Это был просто огромный дом. Нет, не так — это был огромный домина у самого пляжа, который вроде как был даже огорожен, как их территория. Причём здесь было несколько таких домов — белых, каменных и многоэтажных. Здесь жили богачи со всего города. Мне пришлось идти пешком больше часа от остановки — сюда явно ездили только на своих машинах.

Интересно, сколько такой стоит? Наверное, купи меня какой-нибудь дурак на органы или... про что там шутил Паб? Так вот, наверное, я вся бы никогда столько не стоила, сколько одна калитка здесь. Красивая такая. Отковырнуть бы её и сдать на металлолом. Или как такое изделие было бы проще продать?

— Улица Ла Рамбла? — спросила у выглядывающей над этими самыми воротами женщины.

Вышло как-то странно.

— Какой номер дома тебе нужно, детка? — поливала цветы она, — или лучше назови фамилию, я скажу дворецкому тебя отвезти. Как ты вообще сюда попала? Долго шла?

Я испугалась, потому и мотнула головой.

— Не нужно меня куда везти! — отошла от нее подальше, — в-вы...

— Оу, не пугайся, — взмахнула лейкой в воздухе она, — никто тебя не обидит! Я только хочу помочь, милая. Так кто тебе нужен?

Я думала целую минуту доверять ей или нет. Но всё же решилась:

— Ее зовут Альба Еррера, — я пыталась выглядеть высокомерно, чтобы никто не увидел во мне... меня.

— Вернись на три дома назад, сверни в проулок справа и напротив будет дом Еррера, — женщина расплылась в улыбке, — у их садовника такие роскошные кусты олеандра... у меня почему-то в этом году они засохли, — она поджала губы, — жара, что ещё сказать.

— Зачем садить цветы, если можно посадить деревья, которые будут давать вам фрукты? — скрестила на груди руки я.

— Высаживать, детка, — на меня наставительно посмотрели, — правильно говорить так. А насчёт деревьев, то они у хозяина тоже растут. В саду, — она указала почему-то на дом, — и ему совсем не нужно много деревьев. А цветы красивые.

Она сама была прислугой здесь, вот в чём дело. А по внешнему виду казалась богатой. Особенно это платье. Может она ворует?

— Ладно, — махнула ей рукой я, — цветы, блин.

Звучало очень глупо. Я может тоже хотела себе столько земли за забором, что могла бы... нет, я бы точно всё засадила овощами, какими-нибудь. Сама ела и продавала. И у меня точно было бы много денег.

— Долорес! — встретила меня у ещё одного домины женщина, — наконец-то! Я уже хотела отправлять за тобой поиски! — она ждала, пока я подойду к тому самому коттеджу, про который говорила женщина с соседней улицы, — прости меня, я не догадалась, что ты без машины...

Я подошла, а она застыла с вопросом в глазах.

— Здравствуйте, я не думала, что до вас нужно будет идти пешком, — я смотрела на неё с мольбой, — и немного заблудилась. Простите.

Я опоздала на целый час.

— Сколько тебе лет, милая? — свела брови в одну женщина.

Я сглотнула от страха.

— Шестнадцать, — выдохнула я, — простите, что не сказала по телефону... потому что вы бы меня сразу отмели, а я... у меня трое младших детей в семье, так что я умею обращаться с ними и... как я поняла, у вас совсем маленький мальчик, а у меня ну очень много опыта общения с младенцами! И-и... я быстро учусь! У меня очень много свободного времени, так что я смогу даже оставаться на ночь, чтобы вы... отдохнули, — я вглядывалась в её качание головой и мне хотелось плакать, — пожалуйста, у-у меня... мне очень нужна эта работа. Я обещаю вам, что не подведу!

Мимо проехала машина. Женщина вмиг всполошилась, оглядела улицу по сторонам и схватила меня за руку.

— Следуем в дом, дорогая Долорес, — она хмыкнула, ведя меня вдоль забора, — Долли. Как мило. Ладно, — мы вошли в ворота, которые за нами быстро закрыл мужчина, — благодарю, Алехандро. Будь любезен, завари нам с Долли чай в гостиной.

Мои глаза округлились. И даже не от страха. Здесь был не просто сад с тупыми цветочками, не-а. Тут был газон! Просто так! Без всяких посадок, только с какими-то кустами вдоль забора.

— Ты права, Долли, олеандр в этом году очень сильно привлекает внимание, — женщина внимательно следила за мной, — так хорошо цветёт.

Первая комната здесь была размером как наша кухня. Вот только всё было здесь белым — пол зачем-то, стены (с маленьким ребёнком, ага!), даже лестница, которая уходила куда-то на второй этаж и была ограждена стеклянными перилами. Похоже на стерильный музей, вот что я подумала.

— Присаживайся, Долорес... Долли, — она поправила сама себя, — сейчас будет чай, и я тебе всё объясню.

Она бы меня так и так не взяла, зачем теперь говорить-то, что я ей не подхожу?

— Ты, видимо, не успела ещё поработать няней? — со странной улыбкой спросила она, — до которого времени у тебя школа?

Я мотнула головой, смотря на только что поставленный передо мной чай.

— Я закончила школу, — отодвинула от себя мелкую стеклянную кружку я, — и теперь ищу работу.

Альба Еррера вздохнула.

— Ладно, — она на секунду прикрыла глаза, — это в какой-то мере не моё дело, — она стала строгой и какой-то высокомерной, — ситуация такова, Долли — мой сын женат... к сожалению. Три месяца назад его жена родила сына, — она глотнула чай, — мы сразу же нашли малышу няню, но последний месяц она не может работать в полную смену. Только половину дня и ночь иногда, — она оправдалась, — тебе, конечно же, никто не скажет

оставаться на ночь. Ни в коем случае! Ты ещё слишком... молода, чтобы тебе работать так тяжело, — она скривилась, — почему ты вообще решила работать, а не учиться? Хотя! Это позже. Продолжу — я подала объявление в газету уже месяц как и... к сожалению или счастью, ты единственная претендентка за это время. Поэтому я смело могу назначить тебя второй няней. Но! — она подняла палец, — будь готова к тому, что мой сын проверит твою репутацию, семью и... всё, что ему заблагорассудится. Он, — она дернула щекой, — слишком сильно печётся о своём сыне, — тут она начала утешать сама себя, — все молодые отцы такие, — покивала, — наверное. Могу лишь сказать, что я буду радеть за то, чтобы ты осталась, — она улыбалась, но не мне, а будто чашке с чаем, — тебя проверит старая няня, его... мать, — её почти вывернуло, — и сам малыш.

Я медленно кивнула, понимая, что скорее всего меня никто здесь не оставит.

— А почему сама мама не сидит с мальчиком? — решила спросить.

Женщина подвисла.

— Такие вопросы плохо задавать в первый же день, Долли, — наставительно произнесла Альба, — но я отвечу тебе. Эта... жена моего сына очень болеет. Насколько мне известно, она не смогла оправиться после родов и... если честно и до них была такой, — она вдруг вспомнила, — не переживай, ты успеешь с ней познакомиться и понять... какая она. Вы с малышом будете сидеть на этаже её и моего сына.

Вот тут зависла я.

— Второй этаж полностью их? — переспросила.

Женщина кивнула.

— Это большой дом, — она выпрямила спину, — его построил мой сын. Поэтому мы решили сделать маленькое разделение по этажам — но всё равно, если случаются семейные ужины или другие... — она не смогла придумать слово, — другое... господи! Если мы хотим посидеть все вместе, то сын с внуком спускаются и ужин случается здесь или в столовой, — она указала на противоположную комнату.

Я смотрела на неё круглыми глазами. У них была столовая! И-и садовник! И... теперь будет две няни для одного мальчика.

— Получается, вашему внуку три месяца? — нахмурилась я.

Женщина возмущенно меня оглядела.

— Я прошу тебе это слово, Долорес, но впредь... — она надулась и немного пыхтела, — называй малыша сыном моего сына, — натянула губы в противной улыбке она, — разве я похожа на бабушку?

Она была похожа на сумасшедшую. Я помотала головой и решила ждать, когда она сама будет всё рассказывать. Иначе я снова могла сказать что-то, что ей не понравится.

— Ему три месяца, да, — была довольна моим ответом Альба, которая выглядела чуть моложе моей мамы.

Мне даже стало интересно сколько ей лет, потому что маме было тридцать пять, а беловолосая и немного полноватая Еррера однозначно была моложе. Она бы выглядела совсем молодой, если бы я не разговаривала с ней. Её выдавало то, что она подала объявление в газету, а не воспользовалась интернетом.

— С твоей стороны нужно будет лишь кормить ребенка заранее подготовленной смесью — её будет приносить по времени наш повар, — женщина смешно поджала губы, — менять подгузники и укладывать его спать. Но только в моменты, когда моего сына нет дома — в свободное от работы время он... — её это явно раздражало, — способен на общение с

малышом сам, — она сверкнула глазами, — а значит тебе можно будет отдохнуть! Уверяю тебя, что лучше всего будет, если ты спустишься на первый этаж ко мне! Я нахожусь здесь всегда, поэтому мы сможем поговорить о чём угодно, или... почему ты не пьешь чай? Тебе не нравится Тайши Улун? Я выписывала его прямым из Китая, этим... как его... Эксаль искал его в компьютере, гос-с-споди! К чёрту! — она разозлилась, но тут же спокойно продолжила, — я буду счастлива узнать больше про твою семью, друзей и интересы, — кивок, заставивший меня напрячься, — понравись мне, и я буду настаивать на утверждении твоей кандидатуры главной няней, — она по-заговорщицки подмигнула, — единственной проблемой тогда станет твоя невозможность работать в ночь, но я думаю, что мы договоримся с твоим папой и он позволит тебе оставаться у нас. Да, если ты подумала, что придётся всю ночь сидеть над ребенком, то ты ошиблась — мальчик спит крепко, так что тебе нужно будет вставать для кормления лишь раз в несколько часов. Однако об этом позже...

— Сколько вам лет? — не удержалась я.

От ярости она закрыла глаза, стиснула зубы и...

— Двадцать восемь? — решила слукавить, чтобы она не орала.

А она явно приготовилась. Но только до того, как услышала мою вторую фразу. После её лицо почти треснуло, губы растянулись до побеления, а глаза загорелись от счастья.

— Долли, детка, ты такая... милая девушка, — она будто упивалась тем, что я сказала, — моему старшему сыну двадцать шесть, — она важно кивнула, — и мне крайне приятно, что ты такое мне сказала, однако я... давно перебралась за сорок... пять. Поэтому не нужно такое спрашивать. Прошу тебя, солнце.

Я понуро кивнула.

— Простите, но вы вправду очень молодо выглядите, — я положила руки на колени под стол.

Мне казалось, что её ресницы начнут трепыхаться от блаженства. Она явно себя обожала.

— Продолжим наш разговор, — сделала глоток чая она, — пока что никаких ночных смен. Но я уже уверена, что мы с тобой здорово поладим, и ты станешь новой главной няней, — женщина была счастлива, — да, и ещё — Эксаль очень плохо относится к тому, чтобы его сын покидал пределы дома. Гулять вы сможете только по террасе, — она наклонилась ко мне, — не переживай, там замечательный вид на океан, тент от солнца и небольшой бассейн, если тебе будет угодно. К слову, никто не будет против, если ты захочешь искупаться или... да, наша кухня в полном твоём распоряжении. Повар, если ты захочешь, может приносить тебе... — она остановилась, — оу, нет, я передумала. Я очень хочу, чтобы ты спускалась на чай и приём пищи ко мне сюда! — снова возмутилась она.

А я вдруг подумала:

— Если нельзя выходить из дома, то как тогда ходить к врачу? Ему же каждый месяц нужно ходить в больницу, — я вспомнила, как забивала на это мама.

Особенно бесило это, когда у младшей появилась сыпь, и в больницу пришлось шагать мне, потому что мама была с ужасного похмелья. Я же пропустила в тот день школу.

— Мы вызываем врача на дом, — удивилась Еррера, — мальчик может подцепить и принести сюда любую болезнь и... заразу в этой больнице! И что тогда делать?

Я пожала плечами.

— Вот именно, — на секунду она взглянула на свои ногти и одобрительно кивнула, —

напомни о чем шла речь? Ах, да. В оплату твоего труда будет входить обед, завтрак, если ты пожелаешь, конечно же чай, и... я сейчас приняла очень хорошее решение, — она всплеснула руками, — я скажу водителю сына забирать и отвозить тебя каждый день! Отличная идея! У тебя же нет автомобиля? А у твоего отца? Не-ет? Как так? — мне не дали ответить, — это не имеет значения, — она достала из кармана телефон, положила его перед собой на стол и начала что-то искать, смешно хмурясь и тыкая пальцами в экран, — так, это не то... а где?.. хм. Вот! Сообщения! Смотри, Долли. Тот телефон, с которого ты мне позвонила у тебя с собой? — мне улыбнулись.

Я помотала головой.

— Это мамин, — помотала головой я, — у меня нет телефона.

На меня с удивлением уставились её тёмные глаза.

— Вообще? Как это... нет телефона? — она снова надулась, — даже такого, который с кнопками?!

Я кивнула медленнее, чем обычно. Женщина почти перекрестилась.

— Ладно, — хмыкнула она, — тогда... Алехандро! — позвала она дворецкого, а когда тот появился в дверях, — сейчас Долли продиктует тебе адрес, запиши его и передай Робэрто, что завтра в половину восьмого утра он должен забрать нашу новую няню, — она важно дёрнула головой, — Эксаль же не планирует ехать куда-либо в такую рань?

— Нет, синьора Еррера, — поклонился ей мужчина, — вас понял, передам.

Она махнула на него рукой.

— Если что закажу тебе такси, — покивала она.

А я все никак не могла выдавить из себя вопрос. Самый важный сейчас.

— А... эм... а п-платить мне будут? — все эти забирая меня из дома и попытки накормить чем-то с их стола точно будут выходить ну очень дорого.

И работать за еду и поездки...

— А я не сказала? — спохватилась Альба, — надо же! Какая оказия! Если учитывать, что ты будешь работать только половину дня, и у тебя испытательный срок, то... д-две тысячи е-евро, — она смотрела на меня так, будто я должна была отказаться сейчас же.

А я подавилась. Закашлялась и попыталась прикрыться, но всё равно вызывала у женщины брезгливость.

— П-простите, — выдохнула кучу воздуха из груди я, — это за... сколько месяцев?

Еррера нахмурилась, что-то подсчитывая в своей голове.

— Что значит «месяцев»? — не поняла она, — один. Зарплату платят раз в месяц, Долли. Ты никогда до этого не работала?

Я судорожно пыталась понять сколько это денег, но у меня никак не складывалось. На первой работе мне платили намного меньше. Насколько? На дофига! Я получала сотню евро в неделю, если работала каждые день по половине дня. Это четыре сотни в месяц. А здесь...

— Тебе не понравилось? Я могу поговорить с сыном насчёт надбавки, если тебе принципиально, но, к сожалению, обещать не могу, — она хмыкнула, — Эксаль ещё более упрямый и принципиальный.

Я пыталась в этот момент мотать головой хотя бы не так, чтобы она открутилась.

— Я согласна, — почти всхлипнула я, — о-очень согласна.

Женщина улыбнулась, кивнула мне и позвала дворецкого опять:

— Алехандро, принеси договор найма. Синьор Еррера оставил его в папке где-то в ящиках в прихожей. Да-да, в одном из комодов.

Мне казалось, что сердце сейчас порвётся.

— Официальная работа? — сжала пальцами край стола я.

— Конечно, — скривилась Альба, — Эксаль не стал бы... делать всё в темную, — дворецкий положил перед ней лист бумаги, — угу. Вот, я сперва отмечу всё ручкой, а когда ты пройдёшь испытательный срок... вернее, сегодня же проверим как к тебе отнесётся ребенок и... мой сын, а вот завтра, если всё будет хорошо, я попрошу Эксаля распечатать договор заново. Чтобы было красиво, — она была довольна, — тебя всё устраивает?

Я расправила плечи и улыбнулась.

— Да, — уверенно ответила ей.

И начала диктовать своё имя.

— Через два часа с работы приехал я, — довольно улыбался Эксаль, — беседа у нас вышла... — он хмыкнул, — странная.

Я тоже не сдержала улыбки и смущения.

— Я стеснялась тебя и немного боялась, что меня выгонят, — опустила глаза к полу, — твоя мама умеет пугать.

Мужчина повернулся ко мне, игнорируя судью.

— Ты всегда была очень милой, Долли. Это подкупало, — он готов был подойти ко мне.

Его остановил голос судьи, холодный и немного злой:

— Уточнение, истцу тогда было шестнадцать, а вам...

— Почти двадцать шесть, — он поправил меня и собственную маму, которая в тот момент сказала мне именно так, — и сразу сообщу, что даже не беря во внимания возраст согласия, который она успела перешагнуть на тот момент, к-хм... между нами ничего не было до её совершеннолетия, — он не весело усмехнулся, — вообще ничего.

Её честь скривилась.

— Было бы и в самом деле неприятно, ведь вы ко всему прочему были женаты на... первой своей супруге, — женщина его явно невзлюбила.

Эксаль кивнул, задумчиво оглядел судью и добавил:

— По этой причине я не стремлюсь обсуждать нашу личную жизнь в чьём-либо присутствии — если оценивать всё произошедшее морально, то я поступал... грубо.

Он ещё сгладил углы. Его можно было назвать подлецом, если бы... тут я поняла, что так и было! Он настолько изменник и подлец, что я с ним развожусь! Надо же, почти начала его оправдывать.

— Господь помилуй, — закатила глаза женщина, — боюсь представить, что ещё более крайнее вы могли совершить, кроме как... вспылать чувствами к шестнадцатилетней девочке.

Вот теперь она его ненавидела.

— Всё было не так, — мотнула головой я, — он... в этом плане он хороший. И до моих восемнадцати мы были друзьями.

Судья явно хотела бросить в меня что-то тяжёлое. А я была бы рада, честное слово. Голова болела от всего этого.

— Как я поняла, вы будете рассказывать историю ваших взаимоотношений поэтапно, — старалась успокоиться она, — что ж, не буду более торопить. Хотя это и делает из заседания... спектакль, — она не дала ничего сказать открывшему рот Эксалью, — что же касается вас, то в зависимости от изложения фактов истцом, к вам возможно будет применено административное, если не уголовное наказание, ответчик. Возраст согласия не может считаться таковым с разницей в десять лет!

Эксаль ехидно улыбнулся. Видно было, что ему плевать.

— Девять, — поправил он, скрестив руки на груди, — и я и в самом деле абсолютно ничего не предпринял до её совершеннолетия.

— Разница не велика, — поджала губы судья, — а ваши слова всё быстрее приближают факт развода, ответчик. Даже в прошлом диалоге можно было заметить ваше отношение к супруге. Вы не обратили внимания, истец? — на меня, — он назвал вас принцессой. А себе

королем. Это грубое и простое замечание, однако оно вполне способно определить... ваше положение.

Я могла только понуро кивнуть. И с грустью вспомнить, что так было всегда.

— Вы совершенно не подкупны эмоциям, ваша честь, — иронизировал мужчина, — и судите, конечно же, не имея никаких предрассудков, — он усмехнулся, — мы ещё ничего не узнали и не можем делать выводы, ведь так? Тем более такие категоричные, как тот, что был определён мне секунду назад.

Судья поджала губы.

— Я лишь даю оценку вашему поведению в зале суда, — отвернулась к бумагам снова она, — и словам вашей супруги.

— Обиженной и обманутой супруги, — подтвердил Эксаль, — Долли, — он задумался, — знаешь, мне очень интересно узнать то, каким ты видела меня в день первого знакомства, — он улыбнулся мне, — я уже говорил, что ты была ужасно милой, скромной и испуганной. Однако на тот момент я рассматривал тебя только как няню для моего сына, а потому... как думаешь, чем ты подкупила меня?

Я фыркнула. Не сдержалась и закатила глаза. Он снова давил на меня, заставляя болтать с ним так, будто ничего не произошло, а мы сидим дома перед телевизором или на террасе. Как же я скучала по нашему первому дому!

— Не догадалась? Ты была единственной у кого Франко не плакал на руках, — ответил сам на свой вопрос мужчина, — если ты не помнишь, то Ненси приходилось исхитряться и кормить его в кроватке, что было не особо... компетентно.

Я кивнула.

— Я полюбила его с первого взгляда, — посмотрела на судью.

И только через секунду до меня дошло, что сказала я про них двоих — моего старшего сына Франко и его отца. Сложно было не увидеть в них свою любовь — они оба... были слишком похожи и прекрасны. Жаль, что Эксаль остался таким ненадолго.

— Не могу сказать того же, — расплылся в улыбке муж, — всё же тебе и в самом деле было слишком мало лет, Долли. До меня дошло, что ты женщина, только когда тебе стукнуло чуть больше семнадцати, — смешок, — месяцев на семь.

Я тяжело вздохнула.

— Ты всегда был изменником и сволочью, — прошептала я, — с самого начала.

Но я этого не замечала.

«— Я не поднимаюсь на второй этаж, — меня вела по лестнице Альба Еррера, — только в случае крайней необходимости.

Я не очень понимала её.

— Почему? — решила спросить.

Ей это снова не понравилось:

— Потому что мой сын следует просьбам этой... его жены, которая с умом, как и со здоровьем, не дружит! — звучало жестоко, — она настолько проела мне плешь, когда была беременна, что я, даже не видя её сейчас, презираю её! Мерзавка! Знаешь... — она почти задохнулась от злости, — я много чего могу рассказать, но... я сомневалась в том, что этот мальчик от моего сына. Все месяцы, когда эта ненормальная ходила здесь, как царица. А после! — она пальцем отсчитала двери в коридоре, — да, сюда. Эта комната. В той живет эта... женщина. Так вот, и на следующий же день после рождения я тайно сделала тест ДНК для малыша.

Она открыла передо мной дверь.

— И что? — было интересно мне.

— Не знаю, как именно ей повезло, но родила она от Эксаля, проклятая, — почти рычала Еррера.

А я разглядывала большую светлую комнату, с голубыми стенами, широким диваном и кроватью почти посередине. А ещё длинный балкон-террасу с бассейном, лежаками и навесом.

— Как здесь красиво... — прошептала себе под нос.

Альба не обратила на меня внимания. Только медленно прошла до какой-то резной, видимо дорогушей колыбельки, заглянула туда и посмотрела на сидящую на диване женщину лет пятидесяти.

— Он спит, синьора, — отчиталась последняя.

— Здравствуйте, — улыбнулась ей я, — вы старая няня?

На меня сверкнули холодные глаза, пока тонкие губы не ответили неприятным тоном:

— Синьора Альба, вы уверены, что девчонка сможет управиться с младенцем? — я явно не понравилась прошлой няне.

— Ненси, сделай доброе дело — заткнись, — агрессивно зыркнула на неё Еррера, — Долли, детка, иди скорее, он будто специально хочет с тобой подружиться! Смотри, открыл свои глазки!

Словно по сигналу раздался младенческий странный крик. Он определённо отличался от детского.

— Можно мне? — обошла кровать с другой стороны, решив не дать пройти старой няне.

Ненси, кажется. Она мне совсем не понравилась.

— Да-да, конечно, — сделала шаг назад хозяйка этого дома, — для этого мы здесь.

Я подняла хрупкое создание на руки, сняла грязный памперс, что немного подбесило, и решила всё же пробурчать:

— Он же маленький, зачем держать его в этой гадости? — про подгузник, — у вас есть пеленки?

Вторая няня стиснула зубы, но указала на пеленальный комод у стены.

— И менять его каждые полчаса? — рыкнула эта Ненси.

Я достала из ящика всё необходимое, перепеленала и... ребенок сразу же затих. С младшей сестрой всегда так было. Со всеми детьми. Его глазки закрылись уже у меня на руках.

— На улице жарко, но дверь вы открыли, — указала на балкон я, покачиваясь, — представьте если бы вас оставили в этой штуке, — на подгузник, — на несколько часов.

Еррера смотрела на меня с восхищением. Я этого и ждала. Мне чертовски нужна была эта работа. Даже если бы прошлую няню сейчас же уволили — мне было всё равно. Я справлюсь лучше, быстрее и правильнее.

— Здесь кондиционер, — указала на коробку под потолком ехидная Ненси.

Я округлила глаза.

— Давайте тогда отодвинем кровать от... подальше. А-а вдруг его продует? Он же может заболеть! — я даже отошла от той стены, унеся малыша с собой.

Еррера была моя. Насколько зло она посмотрела на прошлую няню!

— Держи его на руках! — почти завопила Альба, — сейчас... — она взглянула на часы

на своей руке, — ещё пять минут, и придет мой сын и... господи, как же хорошо, что ты нашлась, Долли! — улыбка мне, — а с тобой я поговорю внизу, — зыркнула на Ненси, — так, что же...

— Что это за двери? — указала на одну из стен я.

Обе они были закрыты.

— Вот эта, — указала на ближнюю к выходу Еррера, — вход в спальню сына и... там сейчас спит жена моего сына, так что не тревожь её. Она... болеет. А вторая это ванная. Не переживай — она только для этой комнаты, потому что для... той стервы за стеной Эксаль велел сделать отдельный санузел. Как долго, интересно, она жрала его своими претензиями, чтобы он сотворил такое?

Её вопрос уже никого не интересовал. Всё потому, что дверь в комнату открылась, и в спальню вошёл мужчина. И если бы я могла сказать хоть что-нибудь в этот момент, то я бы рассказывала ему насколько он красивый, высокий и...

— Эксаль! — обрадовалась Еррера, — это Долорес — наша новая няня на первую половину дня! И я тебе сразу скажу, что скорее всего и на вторую, но... ты же сам сказал мне найти её, вот я и... я понимаю, что решать будешь ты сам, и проверять её можешь как угодно, но... я даю тебе огромные рекомендации и уверенность, что она нам подходит!

У него были тёмные карие глаза на совсем не таком смуглом лице, как у меня. Я вообще по сравнению с ним была выгоревшей, а он... длинные чёрные ресницы, какой-то уставший, но весёлый и добрый взгляд, родинка под правым глазом, тёмные брови, густые волосы, почти кудрявые и улыбка — от этой кривой ухмылки пели птички за окном, даже под палящим солнцем! Из-за неё шумело море и билось о скалы! От неё цвел этот дурацкий олеандр под окном в саду!

— И тебе доброго дня, мама, — он подошёл сперва ко мне, — и не плачет? — удивился мужчина, — можно мне?

Он забрал ребенка. Да, он подошел не ко мне, а к нему. Блин.

— Здравствуй...те, — прошептала я.

Дышать было тяжело. Как же красиво он улыбался!

— Привет, Франко, — его чётко очерченные губы коснулись лобика спящего малыша, — ты скучал без папы? К тебе даже бабушка сегодня поднялась, — смешок, — какая честь.

— Ох, отцовская кровь, — пробурчала Альба, — как же ты мне надоел со своими смешками! Где твоё воспитание, в конце концов? И... не нужно называть меня бабушкой.

Мужчине было всё равно — он уже сел на диван и принялся пристально меня разглядывать.

— Ты можешь сесть, Долорес, — кивнул на тот же диван он, — не будешь же ты стоять до ночи.

Он всё ещё улыбался. Но в этот раз для меня.

— Буду, — кивнула медленно я и покраснела, — стоять.

Эксаль усмехнулся.

— Мама, сколько ей лет? — и сразу же слова мне, — прости, Долорес, но ты будешь отвечать слишком долго. Мама?

— Шестнадцать, дорогой, — опустила в кресло старшая Еррера, — однако, мне она показала профессионализм за пять минут до твоего приезда. Она — алмаз! Не огранённый, но уже... — её взгляд скользнул по мне, — блестящий!

Эксаль думал с минуту так точно, не забывая рассматривать меня.

— Почему ты решила работать, Долорес? — наконец спросил он.

Я боялась сказать что-то неправильно.

— Мама сломала руку и не может ничего делать, — решила не врать.

Но и рассказывать всего я точно не планировала.

— А папа? — теперь Альбе стало интересно.

Мой кивок.

— Он с нами не живет, — выдавила я, — а у меня трое младших в семье, поэтому с ними всегда водилась я и... потому всё умею. И знаю.

Старшая Еррера закивала и вспомнила:

— Она умеет пеленать, — указала на малыша она, — а ещё она единственная, кто подумала о том, что здесь кондиционер!

Все посмотрели на коробку под потолком.

— Колыбельку нужно передвинуть подальше, — сцепила руки за спиной.

Тёмный взгляд мужчины снова остановился на мне.

— У тебя есть проблемы с законом? — заставил меня быстро замотать головой он, — у родственников?

Снова мотание. Вот тут ложь — отец не говорил, но с ним точно было что-то не чисто.

— Хорошо, — Эксаль задумался, — здесь и в коридоре, а также на первом этаже стоят камеры видеонаблюдения. Как ты к этому относишься?

Я оглядела комнату под потолком по кругу. Нашла почти сразу.

— Ладно, — нахмурилась я.

Зачем это, интересно?

— Как относишься ко времени? — опять странный вопрос.

— Она опоздала на час, — ответила ему его мать.

— Я просто заблудилась, — оправдалась перед ними, — и не думала, что здесь так долго идти.

Мужчина посмотрел на Альбу.

— Я уже договорилась с Роберто насчёт того, что он будет её возить, — она заставила его удивиться, — ей шестнадцать. Она юная девушка, и ей точно не стоит ходить по пустому району в одиночку!

Я могла бы поспорить. Я смогу отбиться. Не раз проверено, хоть и не на улице, а от знакомых, но всё же.

— Пусть будет так, — откинулся на спинку дивана Эксаль, — подпишем договор на месяц — не сойдемся по какому-либо вопросу, и разойдёмся без увольнений. По рукам?

Я кивнула.

— Не разойдёмся, — ответила испугано, но с улыбкой.

Старшая Еррера звонко рассмеялась.

— Какая же ты милая, Долли! — она встала и пошла к выходу из комнаты, — знала бы ты, как я рада, что ты остаёшься! Спустишься со мной вниз? Или... хотя, лучше оставайся ещё немного с малышом — я отмечу сегодня первый рабочий день, если ты никуда не планируешь.

Я радостно кивнула ей.

В этот момент в дверь постучали, а на пороге возникла женщина с бутылочкой в руках.

— Синьора Еррера! — позвала Альбу я, — м-можно ещё один... совет? Насчёт ребенка.

— Это ко мне — к ней бессмысленно говорить о подобном, — Эксаль забрал бутылочку у кивнувшей мне с интересом женщины, — теперь все вопросы и пожелания решаются со мной.

Я смутилась, но...

— Синьор Еррера, так неправильно. Если вы будете кормить его по времени, то... так не нужно. Нужно только когда он сам попросит, — неуверенно, — так можно и перекормить или... наоборот.

На меня странно смотрели все четверо присутствующих. Спасла меня, как ни странно, Альба:

— Долли, спустись со мной на первый этаж. На пару слов.

Я кивнула ей, опустила глаза к полу и прошла следом в коридор.

— Я сказала что-то не то? — голос дрожал, пока я шла вперед.

— То есть, ты думаешь, что педиатр ошибается? — ждал, пока ребенок проснётся, Эксаль.

Я обернулась. Я многое хотела ему сказать, но... у него было такое выражение лица, что вывод пришёл сам — он меня не услышит. Вообще. Он скорее всего и того врача не слышал, а сам решил, что так нужно. Еррера сказала, что он упрямый, а значит...

Я зашла обратно в комнату и уверенно ответила:

— Сходите... точнее, вызовите другого врача, и он скажет, что я права.

Мужчина поджал губы. Я уже была готова к увольнению, но на этот раз меня спасла открывшаяся дверь из комнаты жены Эксаля.

— Голова раскалывается, — прошептала сухими белыми губами она.

Она была очень измученной — почти белой, с жидкими и короткими волосами, безразличным взглядом и очень худым телом. Красивая... когда-то.

Мужчина сразу же встал, подал ребенка той няне и пошёл вместе со своей женой в ту комнату, в которую вскоре закрыл дверь.

— Отдай ребенка ей, — вернулась за мной Альба, — Долли, пойдёмте вниз. Ты и малыш Франко.

Ненси очень не хотела отдавать мне захныкавшего младенца. Однако у неё не было выбора, и я ловко положила ребенка на руку, второй открыла комод и взяла ещё одну пеленку, а после пошла на первый этаж за старшей Еррерой.

— Чем болеет жена вашего сына? — называть её как-то по-другому я не стала.

— У неё была ужасная эклампсия при беременности и родах, — женщина почему-то улыбнулась, — что-то там с давлением, судорогами и... я не разбираюсь. Этим занимается Эксаль. Могу сказать, что случились ужасные осложнения, и она почти умерла, — тяжёлый вздох, — последние месяцы она всё никак не может выздороветь. Будто ей не хватает внимания моего сына, и она... фу-х, да, не стоит ругаться. Врач сказал, что она будет трепать нам нервы не больше года, но что-то мне подсказывает... точнее, нам сказали, что год будет при плохом настрое и том поведении, которое она практикует сейчас. Вроде вечного лежания в кровати, капризов и создания образа постоянного недомогания, — она рассмеялась, — Эксаль сказал, что у неё послеродовая депрессия, а я скажу, что она симулянтка!

Спорить с ней я естественно не стала. Как и говорить то, что на той сорочке, в которой вышла жена синьора, была кровь.

— Надеюсь, он не станет снова вызывать ей врача! — ворчала Альба, — сколько трат и

времени она просит... взрослая женщина, а притязания ребенка! Почему он плачет? — на малыша.

Я достала из кармана припрятанную в нём ещё на втором этаже бутылочку. На меня смотрели пока что светлые глазки Франко. Надеюсь, они потемнеют, как у его папы. Тогда бы ему повезло.

— Он голодный, — положила мальчика правильно, — вы хотите сказать, что она... умрёт? — снова спросила про её невестку.

— Наде... к-хм... бог нас помилует, — выдавливала улыбку она и перевела тему, — он так хорошо у тебя кушает! Я так рада! Долли, почему ты не пьёшь чай?

Никто так и не убрал ту мою кружку.

— Спасибо, я не...

Она меня не слушала:

— Да, и еще несколько правил в отношении Эксаля, — женщина поджала губы, — не спорь с ним, он от этого становится раздражённым. Соглашайся, даже если он мелет чепуху, — она закатила глаза, — это в нём от его отца — тот тоже был человеком серьёзным и... словно каменным. Гены, что сказать! — ей это нравилось, — можешь делать как правильно, но только не при нём. Дальше... — она задумалась, — спрашивай всё у меня, потому что с ним разговаривать лучше... мне, а не тебе.

— Почему? — наклонила бутылочку сильнее я.

— Почему-почему! Сколько ты можешь спрашивать?! — фыркнула она, — потому что ему и моя болтовня не нравится! А мы с тобой обе любим посудачить, да?

Вот почему я ей нравилась. Я кивнула.

— Обращение к нему только «вы», «Эксаль». Ему не нравится, когда кто-то говорит «синьор», — она усмехнулась, — представь его лицо, когда ты сказала ему и первое, и второе! — она рассмеялась, — не стесняйся имени, так он потешит своё самолюбие, будто он не такой старый, — она всё ещё веселилась, — но никогда не говори «ты». Это точно будет ... перебор. Поняла?

Я кивнула. Малыш на руках уснул ещё на середине бутылочки.

— Дай бог, что вы сойдётесь характерами, — пробурчала Альба, — и ты продержишься долго».

— Мама любит привирать и повышать накал страстей, — подтвердил Эксаль, — я вполне сносно отношусь к критике, спорам и к чужому мнению.

Я посмотрела на него с удивлением.

— Сейчас? — решила уточнить, — когда ты виноват и знаешь про это, ты спокойно реагируешь?

Кто-то явно врал.

— Ответчик, мне не нужно жить с вами в браке полтора года, чтобы понять, что это не так, — поддержала меня судья.

Мужчина скрестил руки на груди.

— Когда я с тобой спорил, Долли? Хоть один пример, — он ещё и злился.

Я начала открывать рот, но лишь кивнула и отвернулась от его выразительных глаз, которые снова на меня как-то странно действовали.

— Ты споришь сейчас, — пробурчала для него.

Он мило улыбнулся мне.

— Как скажешь, Долли, — он почти мурчал, — я ужасный спорщик. Признаю. И прошу твоего прощения, — улыбка стала шире, — простишь меня, любимая? Хочешь, я больше не буду с тобой спорить? Только собери свою измученную по... фигурку, отдай её в мои руки, и я увезу тебя домой отдохнуть, спать и... любить меня в ответ.

Он всегда выглядел хорошо, в отличие от меня. Ни складок, ни пятнышка, ни пылинки на одежде или теле. Всегда выбрит, свеж и чист.

— Зачем я тебе? — вернулась ко мне мысль.

Как и слёзы, когда я смотрела в его глаза.

— Ты такой хороший, у-умный, богатый и кра-красивый, а-а я... — продолжила, заплакав по-настоящему.

Сегодня я даже краситься не стала. Просто умылась и собрала волосы в кривой хвост, чтобы они не липли к лицу.

— Ты мне очень нужна, Долли, — он был уверен, — я...

— А ещ-щё ты нашел себе новую... девушку, а я теперь тебе не нужна-а... — на последнем слове я сама сделала к нему шаг, чтобы он быстро приблизился и сжал меня в объятьях.

Тепло, надёжно и приятно. И совсем не страшно, но сердце разрывало от боли. Как же он пах! Мне казалось, что так пахнет у нас дома, а когда забрала детей и уехала от него, этот запах пропал.

— Всё будет хорошо, — шёпот мужчины на самое ухо, — поплачь, Долли. Ты переживала... тебе было плохо, но ты и сама поняла, что поступила поспешно. Не подумала, — он гладил меня по голове, пока я утыкалась лбом в его плечо, — ты погорячилась. Мы оба это понимаем, и в этом нет ничего страшного. Все будет хорошо, ч-ш-ш...

— Примирение? — с надеждой спросила судья, — вы решили простить его, истец? Конфликт исчерпан?

Меня как ледяной водой окатило.

— Хорошо? — подняла голову на мужа, — к-как это хорошо? — оттолкнулась руками

от его груди, — погорячилась?! Да... да я! — почти задохлась, — ты мне изменил, а я должна просто замолчать и... чтобы всё вернулось как было?! Да как у тебя совести хватает меня... трогать!

Эксаль закатил глаза.

— Повторюсь — измены не было, — скрипнул зубами он.

Я отошла на несколько шагов от него.

— Ты её целовал! Ту женщину! — я смотрела на него с круглыми глазами.

— Это случайность, — стоял на своем мужчина.

Я громко выдохнула.

— То есть этот факт вы не отрицаете, ответчик? — даже подалась вперед судья, — вы целовали другую на глазах у своей жены?

— И ребёнка, — пробурчала я, — а ещё я вошла случайно. Вернулась за бутылочкой для дочери в комнату.

Поднимать глаза теперь было страшно. Особенно когда он стоял почти близко. Но как же было хорошо в объятьях!

— Вам всем нужно повторять несколько раз? — повернул голову к женщине Эксаль, — это была случайность. Которая по определению от меня не зависит! Всё произошло быстро и неожиданно — я уже поговорил с той женщиной, мы всё решили.

Я фыркнула.

— И что решили? — поджала губы и взглянула на мужа исподлобья, — что ты продолжишь с ней спать? Или найдешь кого-то ещё?

Мне вмиг показалось, что он подойдет и ударит. Ему нужен всего шаг до меня и размах... которого не последовало. И не было никогда, но взгляд его горел ненавистью ко мне. Потому я всхлипнула, сжалась и сама отступила назад.

— Мне не нужен никто, кроме тебя и наших детей, Долли, — он, казалось, сейчас зарычит, — так что прекращай строить из себя обиженную всеми, а в особенности мной, и поехали домой! — он резко приблизился, схватил меня за руку и повернулся к судье, чтобы сказать ей, — заканчивайте этот балаган, несите мне бумаги, которые нужно подписать, и мы уезжаем.

Я закрыла рот рукой, боясь закричать ещё сильнее, чем вырвалось из меня секундой ранее. Эксаль застыл в ужасе, он явно не ожидал такой реакции.

— Займите свое место за своей трибуной, ответчик! — указала на стойку судья, — истец... вам нужно время успокоиться? Воды?

Я помотала головой, пока Эксаль всё ещё стоял, держа меня за запястье.

— Долли, господи... — он был испуган, — что я такого... я же ничего... — он выдохнул, усиленно думая, — что мне сделать, чтобы ты меня прос... чтобы ты поняла, что я не виноват? Я не отвечал ей, Долли, — снова начал давить, — ни в этот раз — ни в предыдущие.

Судья закрыла глаза рукой. Ей словно было стыдно за нас.

— То есть это происходило не раз? — пробурчала она, — замечательно, ответчик. Вы раскрыли сами себя. Есть смысл продолжать?

Эксаль аккуратно поставил меня к моей стойке, налил в стакан воды из бутылки, нервно и резко поставил её обратно и поднёс стакан к моему рту, молча, но яростно что то обдумывая.

— Есть, — сделала глоток я, — я хочу чтобы он понял, почему я ушла, — я почти

успокоилась, — и-и... чтобы вы оставили детей со мной.

На последнем слове мужчина дёрнулся, рывками дошёл до своей стойки и отвернулся от меня сам, с силой сжав стойку руками.

— Это больше похоже на мазохизм, истец, уж простите за такое определение, — рассматривала меня судья, — вы уверены?

Я кивнула. Эксаль нервно рассмеялся:

— А я говорил, что у неё небывалое стремление страдать! Колоссальное!

Я смотрела на женщину с надеждой.

— Он признал измену, истец, давайте на этом закончим? — у неё тоже была надежда.

Я помотала головой. Но за меня ответил Эксаль:

— Я сказал лишь то, что были... предпосылки, или... — он задумался, — были моменты, когда я мог изменить ей, но не стал. Ни в этот раз, ни в прошлые.

Судья скривила лицо.

— Знаете, что я поняла с вами двумя? — всплеснула руками женщина, — помимо того, что вы друг друга... стоите — вы похожи. И... давайте, истец. Мне и самой интересно узнать, как же два настолько разных человека сошлись и стали почти одинаковыми... со стороны упрямства уж точно.

Я обрадованно кивнула. Хоть от чего-то стало легче.

— Спасибо, ваша честь, — неожиданно улыбнулась я.

Может, потому что у меня появилась надежда? Что мои дети останутся со мной.

— Долли, я не хочу вводить тебя в слезливое состояние вновь, — успокоился и Эксаль, — но у тебя нет возможности оставить «детей», — напугал меня он, — помимо того, что я сделаю всё, чтобы мы не развелись, а значит и дети будут расти с нами двумя, я... просто хочу напомнить, что Франко к тебе не имеет отношения. По документам.

По телу прошёл холод.

— Ты угрожаешь? — переспросила его.

Он смотрел на меня с минуту молча.

— Как ты добралась до этой мысли? — не понимал он, — я говорил угрожающе? — он спросил это у судьи.

Та только поджала губы.

— Предлагаю всё же перейти к рассказу, — устало выдохнула женщина, — иначе мы из этого зала сегодня не выйдем.

Я кивнула, ощущая себя где-то на дне. Будто могло быть ещё хуже, чем в начале заседания.

— Ладно, — произнесла тихо, — как я уже сказала, у меня была тяжелая ситуация в семье. И на следующий день...

«Я встала в шесть. Было страшно от того, что про меня могли забыть и не приехать, как обещала Альба Еррера. А может это всё была злая шутка, пусть и такая странная. Но я хотела верить. Не могло же быть в моей жизни плохо всё? И всегда. Так не бывает, наверное.

С ночи капал дождик, а сердце бешено колотилось от страха. Ещё и мама, которую разбудила младшая, ворчала, потому что я не могла разорваться. Либо пойти на работу, либо остаться сидеть с детьми.

— Если тебя там обманут или... ещё, что хуже, разбираться будешь сама! — плевалась словами мама, — думает, что ей так легко всё будет... из-за чего? Смазливой мордашки? Где бы тебе её взять? — она рассмеялась, — не бывает золотых гор, поняла! И заплатят тебе шиш

с маслом, и никто не взглянет, что ты себе там на придумывала!

— Там договор, — напомнила ей, — и мы его уже подписали. Мне даже копию отдали! — я тяжело вздохнула, — эти бумажки, правда, уже дети порвали, но если что, мне сказали, что они даже налоги за меня платить будут!

Она фыркнула.

— Ох и тупая же ты девка! — шипела мама, — кому ты, чёрт тебя дери, нужна, да ещё и за такие деньжищи?! Надурят, как есть гово... — тут до неё, видимо, добрались идеи моего старшего брата, — себя продать решила, шалава? Се... какой позор! А что люди подумают, ты догадалась? А что мне говори... И впрямь никто не обманет! И платят хорошо! И работать не надо будет! Ах ты сука малолетняя! Никаких тебе работ, поняла? Дома сиди, шалашовка! С детьми, вон, собака! Наткнёшься ещё на какого-нибудь... придурка, зарежет он тебя и... — она запыхалась от крика, — кто тогда будет с детьми сидеть?

А мне уже показалось, что она думает обо мне. Хоть раз в жизни.

— Че орёте? — поднял голову с подушки Пабло, — идите отсюда, разорались! Спать не даете.

За окном мелькнула и остановилась машина.

— Не смей, я сказала! — схватила меня за грудки мама, — выпорю и не посмотрю, что выросла, мерзавка!

— Ага, — весело хихикнул брат, — по жирной сраке ей, а то она совсем охренела последнее время!

Я вырвалась из захвата и бегом рванула на улицу, прямо под дождь.

— Не возвращайся домой, шлюха! В своём притоне и живи тогда! — орала мне вслед мама.

Я швыркнула носом.

— Вот и останусь! — обернулась и взглянула на неё, — и денег ты не получишь тогда!

Она была в ярости — ребенок на её руках кричал, а сама она зло сверлила меня глазами.

— Да чтоб ты сдохла в ближайшей канаве! — она хлопнула дверью и исчезла где-то в доме.

Я стёрла злые слёзы и пошлёпала кроссовками по лужам. В какой-то момент я остановилась в сомнении. Перед нашим домом стояла ну очень дорогая машина. Чёрная, большая, чистая и... мужчиной за рулём пристально смотрел на меня. Именно он открыл мне дверь изнутри.

— Здра-здравствуйте, вы за мной? — решила спросить на всякий случай.

— Долорес дэ Лука? — улыбался он мне как-то странно.

Я медленно кивнула ему в ответ.

— Тогда за вами, Долли. Можно я буду называть тебя так же, как синьора Еррера? — он дождался, пока я кивну, — отлично, тогда садитесь, няня Долли.

Он вызвал у меня улыбку. Даже на мокром от слёз и дождя лицо.

— Вы водитель? — тяжело залезла на высокое сидение я.

— Да, семейный. Няням тоже нужно пристегиваться, — он скосил на меня взгляд через переднее зеркало и тронулся с места, — давно твоя семья живет в этом месте?

Я пожала плечами и послушно пристегнулась.

— Это съёмный дом, — почему-то решила не врать, — мама платит за него пятьсот евро каждый месяц, так что... знаете, мы жили на соседней улице несколько лет назад, но хозяин той квартиры поднял плату, и нам пришлось переехать сюда, чтобы платить меньше.

Правда, там кухня была отдельной от комнаты, поэтому было удобнее для мальчиков, потому что они спали в ней, а мы... простите, я что-то... я просто поссорилась с мамой сейчас, вот и...

Пришлось вытирать проклятые слёзы. Я ненавидела себя за них.

— Я видел, Долли, — нахмурился водитель, — твоя мама, по всей видимости, сложный человек.

— Скорее ей сложно, — разглядывала проплывающий в окне пейзаж нашего района. Здесь уже был асфальт.

— Синьора Еррера под впечатлением о тебе, — сменил тему мужчина, — говорит, что таких юных и умных нянь ей ещё не встречалось.

Я пожалала плечами.

— Она просто ищет их через газету, — хмыкнула я, — не думаю, что так могут найтись хорошие... люди.

— Мы же нашли, — завернул куда-то водитель.

Я медленно кивнула. И подумала о том, что мамины слова про эту работу всё ещё давили где-то внутри. Поэтому я решилась спросить:

— А... в-вы... вам тоже платят так много? — странный вопрос от меня.

Водитель задумался.

— Что тебя беспокоит, Долли? — на секунду взглянул мы встретились взглядами через зеркало.

Мы уже добрались до их района.

— Мама сказала, что меня обманут, — почти пищала я.

Мужчина усмехнулся.

— Тебе будет платить Эксаль, — стал каким-то строгим он, — а его ты точно узнаешь позже. Крайне обязательный человек. Сильный, требовательный, но правильный. Сколько лет я работаю на него — никогда не видел, чтобы он поступал подло. Спорные моменты, конечно, были, но я и сам понимал, что напортачил. И мне давали возможность исправить ошибку, — он улыбнулся, — с тобой всё будет явно проще. Ты девушка, тем более... как бы сказать... совсем молодая и открытая, — он остановился, заехав в гараж у того самого дома, — синьора Еррера хочет хм... сделать из всех нас себе «семью», — удивил он меня, — поэтому, считай, что ты будешь младшей дочерью из её детей.

Я кивнула. И начала искать ручку.

— У неё же только один сын, да? — открыла-таки дверцу я.

Но не успела получить ответ, как на меня напал радостный вопль Альбы:

— Долли, ты приехала! Как же я рада! — почти прыгала от счастья она, — так! — она играла роль строгой «мамаши», — ты сегодня завтракала? Нет?! Как же так! Сейчас же есть, пока Эксаль не уехал на работу и сидит с малышом! Живо! Роберто, — она повернулась к водителю, который тоже вышел в гараж, — вы хорошо добрались? — и не слушая его, — Долли, твои родители не были против того, что ты едешь к нам так рано? Или... то, что едешь вообще?

Я чувствовала себя странно. Будто меня привезли в какое-то слишком неправильное, приторно сладкое место. Таких просто не существует.

— М-может всё же сразу к ребенку? — прошептала я, пока меня тянули мимо лестницы на второй этаж, — вы не обязаны...

— Ох, замолчи! — всё ещё не лопнула от своего счастья Альба, — сейчас спустится

Эксаль... сколько времени? Вот! Как раз! Сара, где ты? Всё готово? Стол... прекрасно, сегодня без опозданий. Что ж, Алехандро, позови моего сына на завтрак. Не будет же он всё утро... с этой... к слову о ней, Сара, ты уже отправила кого-нибудь из горничных отнести ей её... рацион? Нет? Тогда чего ты ждешь? Долли, детка, не скромничай — твое место с этой стороны стола, сразу после... да, вот здесь — тут... да, это место занимает моя дочь, когда приезжает в гости, поэтому ты будешь сидеть на этом стуле.

— Л-ладно, — почти упала на указанное место я, пока цепкая рука женщины усаживала меня с силой.

Послышались шаги по лестнице.

— Доброе утро, — нёс на руках мальчика Эксаль, — мама, по какой причине Инес ещё не принесли завтрак?

Он сел во главе стола, положил малыша на специальную колыбельку, стоящую рядом, и оглядел всех нас.

— Терпение, дорогой, — указала пальцем на потолок появившейся из дверного проёма женщине Альба, — твоей жене явно не хватает терпения, если она успела пожаловаться тебе на такую простую... вещь. Я просто не успела, а ты уже поднял переполох. Разве так должно начинаться хорошее утро.

Эксаль поджал губы.

— Я вчера вызывал ей врача, мама, — взял в руку вилку мужчина, — ей становится всё хуже, а ты полгода не можешь наладить работу слуг. Что не так? Ты не справляешься? Найми управляющую, — злой хмык, — но не мучай того, кто в этом не виноват.

Альба села на стул с громким «Ах!», отчего все напряглись.

— Ей стало хуже? — её взволнованный голос был как-то не похож на тот, которым она говорила обычно, — бедная девочка! Как так... такая молодая и... что сказал врач? — её глаза сверкнули.

— Что лечение дает незначительный результат, — принял от горничной кофе Эксаль, — и стоит нам расслабиться, как всё становится хуже, — он сделал глоток, — мы решили сменить лечение на более... активное.

Его мать сузила глаза.

— Ты решил, а не она, так? — тоже взяла вилку она, — она была против тех таблеток, которые заставляешь её пить ты. Если она не хочет лечиться, то заставлять её...

Он дёрнул головой.

— Мы это обсуждали сотню раз, мама, — смотрел на нее грозно он, — ты сама устраиваешь ссору.

Альба обиделась. Это было видно по её вытянутому лицу и надутым губам. А ещё по молчанию — она, по-моему, вообще редко молчала.

— Я рад, что ты понимаешь меня, — улыбнулся ей Эксаль, — сегодня в три придет врач, чтобы настроить капельницу и проверить её состояние. Будь добра впустить его, а не как в прошлый раз. Хотя... — он хмыкнул, — Алехандро, проводи врача ты, — на сидящего напротив меня дворецкого, — не будем напрягать синьору, — смешок, — я снял с тебя эту заботу, мама. Не утруждайся.

Он повернулся к завошкавшемуся младенцу, пока Альба сверлила его таким взглядом, будто сам дьявол вселился в неё. Хорошо, что мужчина ничего, кроме сына, не видел.

— Я могу помочь, — вскочила и подбежала к малышу Франко я, — давайте я его заберу, — я подняла ребенка на руки и ушла обратно на своё место, — привет, ты

голодный? — мальчику, а после взгляд на Альбу, — можно мне бутылочку?

Женщина сделала жест рукой кому-то.

— Можно на «ты», Долорес, — напомнил мне задумчивый Эксаль, — ты сегодня не опоздала. Твой рабочий день заканчивается в два часа? Вы с мамой условились на это время.

Я кивнула, начала кормить причмокивающего Франко и решила сказать:

— Я могу оставаться до четырех, если вам будет... нужно, — я старалась не смотреть на него.

Но он не стеснялся наблюдать за моим пылающим лицом.

— Вторая няня приходит в три, — кивнул мужчина, — я перепишу рабочие часы в договоре.

Я снова кивнула, думая, как буду успевать добираться за час до другого конца города. Ещё и немного поесть хотелось перед второй работой. Ведь если мне будут платить здесь столько, то я же теперь могу... не возвращаться домой в обед, но и не терпеть до конца смены.

— А ещё час на обед! — заставила меня обрадоваться почти прочитавшая мысли Альба, — не переживай, Долли. Ты не попробовала сэндвич с тунцом? Наш повар готовит его великолепно! У тебя нет непереносимости к чему-либо? Ах, я совсем забыла спросить. Так вот, почему ты не попробовала? Ты не голодна? Я могу попросит подать тебе что-то другое. Нет? — под моё мотание головой, — Долли, ты очень худая для своего роста. Я уверяю, тебе понравится...

— Мама, ты наседаешь, — остановил её Эксаль, — она отвлеклась на Франко. Выпусти её из своего панического воспитательного кокона, — он хмыкнул, — Долорес, не обращай особого внимания. Мама имеет удивительную особенность безудержно любить всех обиженных... к-хм, — он запнулся, — я имел ввиду всех девушек и девочек мира, которым нужна помощь.

Я залилась краской. Почему это я обиженная?

— Что за кровь? — фыркнула Альба, — тебе лишь бы съязвить! Ну что я... — она тяжело вздохнула, — ты её смутил, бессовестный. Почему ты такой... прямой? Долли, детка, всё хорошо. Не переживай, он не хотел сказать ничего грубого. Ты уже покормила малыша? Теперь ешь сама! Давай, унеси его обратно к отцу, — заставила меня встать, — и обязательно завтрак! Иначе я буду подниматься к тебе каждый час с чаем! Тебе же должно быть жалко меня? Я терпеть не могу лестницы!

Я вернулась к своему стулу уже с улыбкой.

— Вы очень добрая, — подняла глаза на Альбу я, — спасибо.

Она снова была горда собой.

— С трех до четырех обед, — кивнула важно женщина, — а после Роберто отвезёт тебя обратно домой.

Радость на сердце смешалась с паникой в голове.

— А можно не домой, а... немного подальше? — спросила у нее с надеждой, — у меня в пять вторая работа и я подумала, что вы если предложили, то...

Все, кто был за столом, удивленно разглядывали меня. Я хотела провалиться сквозь пол.

— Простите, я больше не буду спрашивать, и... дойду сама. Вы и так очень много для меня делаете, — прошептала я.

Альба помотала головой.

— Боюсь представить сколько у тебя работ, — сделал глоток кофе Эксаль, — и что

думают насчёт этого твои родители.

— Я уже спрашивала, — махнула на него рукой его мать, — тебя конечно же отвезут куда тебе нужно, Долли. Вот только... могу я спросить, до сколько ты работаешь там и... не каждый день, надеюсь, иначе... тебе же нужно когда-нибудь высыпаться или... общаться там... с друзьями.

Я решила-таки укусить бутерброд из своей тарелки. Невероятно вкусно! Не помню, чтобы когда-нибудь ела что-то подобное.

— У меня нет друзей, — пожалала плечами я, жуя и думая о том, что хочу кушать такой же сэндвич каждый день, — и я отдыхаю вечером, после работы. И... сейчас, например. Я же ничего не делаю. А насчёт той работы, то... — хотелось соврать, но почему-то слова сами вырвались, — в одиннадцать я заканчиваю. Потом иду сразу домой и весь вечер у меня свободен.

С детьми, да. Но после пары пивных кег это точно отдых.

Альба была в ужасе. Я виновато ей улыбалась.

— Обсудите это позже — у меня есть дела, а мне ещё нужно провести инструктаж, — перебил нас Эксаль, — Дороти, будь внимательна сейчас. Это важно. Первое — выходить на улицу только на террасу второго этажа. Из-под тента с ребёнком не ногой. Солнечный удар и перегрев — это опасно. Второе — в комнату Сары входить, только если она попросит. Не тревожь её, она болеет. Третье — я изучил мнение педиатра и сверил с твоими рекомендациям насчёт кормления Франко по требованию, а не времени и... — он недовольно кивнул, — делай как я сказал. Мы уже приучили его к такому, значит менять ничего не стоит. Четвертое — всегда держи Франко в поле зрения. По камерам это легко будет проверить. Если решила отлучиться, а он спит, используй радио няню. В остальном — комната в твоём распоряжении. Не включай телевизор громко. Можешь заниматься чем угодно в то время, когда мой сын спит — в этом тебе поможет мама. В остальном — неусыпный контроль, — он склонил голову набок, — я надеюсь на тебя, Долорес. Остальные условия тебе известны из договора, — он встал, но вдруг снова ко мне повернулся, — ты не указала номер счёта, к слову. Только наличный расчёт? Я мог бы отправить тебе аванс по необходимости сегодня. За два дня отработки, но всё же.

Мне казалось, что я смотрю на него как на бога, честное слово. Он ещё и стоял, возвышаясь надо мной, что начисто вымывало из головы все мысли.

— Наличка, милый, — пропела Альба, — я этим займусь, если ты хочешь. Уж пара сотен у меня найдётся.

Я быстро перевела взгляд на неё. Пара сотен?!

— Как скажешь, — нахмурено разглядывал меня Эксаль, — я поехал, мам. Звони при необходимости. До завтра, Долорес. Сегодня мы уже не увидимся.

Я кивнула и взглянула на тихо спящего малыша в колыбельке. Мне сказали всегда на него смотреть. Значит за такие деньги я не буду отвлекаться вообще».

Глава 5

— Вот видишь, Долли, — был слегка высокомерным Эксаль, — я даже проверил твои слова про кормление. Не стал упираться и спорить, что делаю всегда по твоим словам. Чем тебе не хороший пример? Я всегда слышал тебя. Как и сейчас.

Я нахмурилась.

— Это потому, что я стеснялась тебе ответить в тот момент, — пробурчала я, — это было ещё самое начало, а я... я и сейчас думаю, что иногда тебе лучше не отвечать, чтобы ты не начал злиться.

— У вас не было выбора, истец, — жалостливо смотрела на меня судья, — вы шли туда работать в юности и мало что могли понять. У вас было тяжёлое семейное положение и отсутствие навыка общения с людьми. Вы были наивны и, будем честны, вам крупно повезло, что семья оказалась нормальной и отнеслась к вам хорошо. Или... были какие-то проблемы уже тогда?

Я пожала плечами.

— Наверное, — тихо выдохнула.

Голова снова начала сильно болеть.

— Можно прямой, но личный вопрос, ответчик? — спросила у Эксаля судья.

— Как будто остальные ваши вопросы были не личные, — весело хмыкнул он, — давайте. Я не тороплюсь, у меня буквально горит земля под ногами.

Женщина сузила глаза. И кивнула.

— Вы любили свою первую жену? В каких отношениях вы были с ней?

Я поджала губы. Неприятно стало не только мне — Эксаль стиснул зубы, убивая судью взглядом.

— Хор-рошо, — прорычал он, — я отвечу. В какой-то мере да. Вероятно, сперва что-то я... ощущал, но всё последующее время Сара была для меня уважаемым членом семьи, который заслуживал как минимум заботы, — он хмыкнул, — я не подлец, ваша честь. Никогда им не был, и не планирую становиться. Эта женщина, как бы это всем не было неприятно, родила мне сына. Я должен был отплатить ей чем-то подобным.

— Сейчас вы делаете что-то подобное? — наклонилась на свой стол женщина.

Эксаль хмыкнул.

— Нет, с Долли всё сложнее и... легче одновременно, — смешок, — не думаю, что имей Сара желание развестись со мной, я бы не согласился. Особенно после того, как... Долли ответила мне взаимностью. Повторюсь, я люблю свою жену, — он повернулся ко мне и низким голосом промурчал, — и я так соскучился. Особенно это стало понятно, когда ты меня обняла несколько минут назад. Как насчёт провести оставшееся заседание на сидениях сзади, Долли? Обещаю, что отпущу тебя сразу же, как ты... захочешь. Если захочешь.

Я резко замотала головой, боясь согласиться и передумать насчёт всего.

— И в самом деле странно, истец, — начала судья, — зачем в случае измены ответчику вас удерживать?

Глаза устали смотреть. Даже им было тяжело.

— Папа и брат обещали его убить, если он меня бросит, — вспомнила я.

Эксаль уронил голову на стойку, издав длинное и насмешливое «Хрю-ю-у».

— А ещё я... — по спине прошёл холод, — я когда уходила, то сказала ему, что напишу

в заявление полицию на его маму и на то, что она сделала, — я повернулась к нему, — я только хотела пригрозить. Я точно не буду ничего писать!

Мужчина лениво положил голову на согнутую в локте руку.

— Это все мои к-хм... причины с тобой не разводиться, дорогая? — он смотрел на меня с издевкой, — или у тебя есть что-то более гениальное?

Я надула губы. Это было обидно. Настолько, что я не удержалась:

— Часть твоей этой... компании принадлежит нашей дочери. Ты сам её переписал. А если опекуном буду я, то ты потеряешь большую кучу денег!

Судья подняла бровь.

— Вот это уже более правдоподобно, — сказала она.

— Ты не учла того, Долли, — усмехнулся муж, — что дети останутся со мной при нашем разводе. У меня есть доход, автомобиль и... силы для того, чтобы заниматься этими детьми.

Я дёрнула головой.

— У меня тоже есть деньги! — фыркнула я, — и... часть компании, пока наша дочь не вырастет!

Эксаль засмеялся, а после стал деланно серьёзным и восхищающимся — то есть издевался:

— Ты даже изучила вопрос, Долли! Какая ты продуманная, умная и... хм. Знаешь, есть только пара проблем. Первая — ты не умеешь и не понимаешь вообще ничего, что связано с бизнесом. Твоё появившееся недавно умение махать пальчиком тебе не поможет, — улыбка, — второе — при условии, что Холли магическим образом останется с тобой при потенциальном, я бы сказал фантастическом разводе, то я остаюсь опекуном в той же степени, что и ты. А значит... господи, это смешно... а значит имею столько же прав на подаренную мной часть компании. Поняла? — с насмешкой, — и третье, самое ироничное, Долли — а ты за эти две недели хоть раз задумалась откуда на твоей карточке появляются деньги для новых побегов от меня по городу? Вам нужно было где-то жить, на что-то есть, ездить, покупать игрушки, вещи, это платье? Что сейчас на тебе, — он подался в мою сторону, — ты же не взяла с собой ничего тяжелее обручального кольца, которое сейчас крутишь в пальчиках. Я тоже не хочу расставаться с ним, Долли. Мне с ним хорошо, так же, как и тебе. Разве я хоть раз сделал тебе плохо?

По щекам рванули дорожки слёз. Я помотала головой.

— Т-только когда ц-цел... с той д-девушкой, — всхлипывала я, — и я не хочу уходить, но ты... ты её любишь, да? Я тебе теперь нужна только, как... снова няня?

Эксаль покачал головой с улыбкой.

— Только как жена и мать моих детей, Долли, — уверенное, — давай забудем про этих проклятых нянь и вернём всё, как было. Я пошлю Роберто за вещами на снятую тобой квартиру, дети уже дома, теперь там не хватает только тебя.

Я расширила глаза.

— Ты забрал их? — меня почти трясло.

Мужчина кивнул.

— Им явно лучше, чем в непонятном месте с... непонятными людьми, — сдерживался Эксаль.

— Они с той самой... там? — не поверила я.

— Они с моей мамой, — сквозь зубы процедил он.

Я почти задохнулась:

— Ты с ума сошёл?! — была в ужасе я, — а... а если она...

— Мы с ней поговорили, и она приняла тот факт, что поступила неправильно, — выпрямился мужчина, — давай закроем эту тему. Она меня раздражает.

Сердце колотилось как бешеное.

— Ко всему прочему она там не одна, — добавил он, — мама наняла новую няню.

Это вызвало у меня нервный смехок. Эксаль зло на меня посмотрел.

— Ей почти шестьдесят. Для твоего успокоения.

— И что же всё-таки произошло, истец? — уже сама сторала от нетерпения судья, — вы только запутали суд своими словами.

Я кивнула. И продолжила.

«Я вошла в дом, закрыв за собой дверь и тяжело вздохнув. Работать полную смену было ну очень тяжело. Стрелки часов показывали двенадцать ночи, спина, как всегда, болела, а голова разрывалась на части. Пришлось ещё и пешком тащиться, потому что последний автобус уехал.

— Вернулась, шлю... — не смог договорить пьянящий брат на своей кровати, — где ты всё время шляешься, скотина ты подзаборная? По мужикам скачешь? Так я тебе щас...

Он попытался встать. Не смог и сразу сдался, продолжая что-то бормотать про меня.

— Мама тоже пила? — подошла к столу и посчитала бутылки, — и бабушка, получается...

Я закатила глаза. Заглянула в холодильник, разочаровалась пустыми полками и устало пошла в другую комнату. Там всё было ещё хуже — вещи были разбросаны по полу и кроватям, стоял запах отвратительный перегара, и если бабушка ещё смогла доползти до кровати, то маме было плевать — она начала раздеваться, но не закончила. Пришлось её прикрыть, чтобы никто не видел. На моей же кровати спали две сестрички, обе заплаканные и обе брошенные мной.

— Вы пропили те деньги, которые принесла я, — упала рядом с сестрами я, — как же я устала.

Спать пришлось на второй половине кровати, чтобы не тревожить детей. На утро будильник на телефоне мамы разбудил весь ещё сильнее пропахший дом.

— Чертова жизнь! — ругалась, вставая с пола, мама, — какого... Долорес! — заорала она.

Я протёрла глаза.

— Чего? — пришлось встать, пока не заснула снова.

Всё тело болело.

— Где ты шлялась вчера ночью? — не могла встать она, — помоги, че не видишь, что я... сучка тупая.

Пришлось идти к ней.

— Я не успела на автобус, — занялась самой младшей я, чтобы не будить Агату — у неё последнее лето перед школой.

— Так успевай в следующий раз! — застегивала свой халат мама, — ещё заплатили? Ты обещала.

Я работала у той семьи уже месяц. А хотелось остаться там жить. Но кто бы мне разрешил?

— Сигареты закончились, — бросил смятую пачку прямо на пол Пабло, — кто из вас

пойдёт в магазин? В прошлый ходил я, теперь пусть Долорес — ей всё равно делать нечего.

Я не выдержала:

— Курите только вы с мамой, а идти должна я?! Я работаю, ясно? А вы пьёте и даже за детьми посмотреть не можете! — повернулась к брату, — ты вообще сказал, что больше к нам не придёшь! Так что пошёл в жопу — иди сам себе покупай на свои заработанные! Ты вообще бросил...

Заставил замолчать меня удар по лицу. Хлёткий и отрезвляющий. Пальцы брата впились в волосы на голове, заставляя из глаз брызнуть слёзы, а меня почти завывать от боли.

— Думаешь взрослая стала? Типа указывать мне можешь?!

Сердце билось от страха.

— Я больше не дам вам денег! — почти плюнула ему в лицо.

Мама среагировала мгновенно: её тяжёлая рука разбила нос Паба. Меня почти выдернули из его рук.

— Тебе непонятно сказали, дебил? — меня впервые за несколько лет её теплые руки прижали меня к груди, — иди на проститутток своих руки поднимай! А Долорес... — она наклонила лицо ко мне, — он больше не будет, — на меня подули запахом перегара, чуть не спровоцировав рвоты, — ты и сама знаешь, не надо провоцировать этих... мужиков! А он весь в папашу... кто же его другим родил бы? М? Ну ничего, хватит реветь, надоела! — она оттолкнула меня и пошла на кухню, — деньги отдай мне в руки — Паб их сразу спустит, если опять на столе оставишь. И давай быстрее, я его хоть за пивом пошлю. Ну!

Я вытерла лицо.

— Если вы не будете следить за детьми, то я больше не дам, — протянула ей из кармана, — не надо всё спихивать на Агату.

На меня посмотрели, как на дуру.

— Тебя кто-то спросил? — прорычала она.

Я хмыкнула.

— Тот, у кого я работаю, сказал, что сделает мне карточку для зарплаты, чтобы деньги были там, а не... наличными, — я видела, как это не нравилось маме, — я сделаю её и не дам вам пароль, чтобы покупать все самой, — я вышла на кухню первая, — и вы оба знаете, что если меня бить, я всё равно буду молчать. А значит и денег у вас не будет, только продукты, всё для мелких и... ладно, на сигареты мне не жалко.

Что брат, что мама стояли и видимо думали, насколько я конченная.

— Я тебя выгоню из дома, — спокойно давила мать.

Я пожалала плечами.

— Тогда у вас вообще ничего не будет, ни еды, ни денег, — радостно улыбнулась тому, насколько умно всё придумала.

Брат просто стоял и матерился.

— Че тебе надо-то? — не поняла мама, — деньги сейчас у меня. Я обратно не отдам, даже не мьлься!

Я закатила глаза.

— Купите поесть, я с обеда ничего не ела, — скрестила на груди руки я.

— Бедняжка, — хрюкнул Паб, — а ты с голоду не подохда?

— Нет, — сузила глаза, — это ты скорее помрешь где-нибудь в подворотне!

Он сделал опасный шаг ко мне.

— Пошел вон отсюда, — толкнула в грудь его мама, — Долорес не знаешь, что ли?

Придурок! Она же как отец ваш... чтоб он сдох, сука! — на меня, — куплю я всё! Не надо эту твою карточку, дура! Придумала!

Мама была умнее Пабло. Все были умнее Пабло.

— И не пить, — пошла умываться я, — хотя бы без запоев. Ты же беременная, мам.

Её это не смутило:

— За сигаретами, бегом! — она толкнула в спину своего сына, — а ты собирайся и заткнись! Надоела уже. Выросла, собака. Пальцы веером выставила!

Я зашла в узкую ванную и похлопала холодной водой себя по лицу. Другой здесь не было. После с улыбкой подняла глаза к зеркалу и... синяк удар Паба оставил хороший, уже опух.

— Чёрт, — прошипела я, — баб, дай твою мазь!

У неё была какая-то «от всего на свете», она ей мазала суставы, лоб от морщин и зачем-то волосы. Говорила, что так они не выпадают. Она была почти лысая.

До приезда водителя я почти успела. Когда выходила, машина стояла напротив входа, окно водителя было открыто, а Пабло с сигаретой в зубах опирался локтём на закрытую дверь.

— Всего то! П-ф-ф! Семьдесят тысяч евро за такую машину? — делал важный вид брат, — да кто такую купит? Вот были бы у меня такие деньги, я бы...

— Пропил их, — села на переднее сидение я, — привет! — для Роба.

Мы с ним успели совсем сдружиться, хоть ему и было больше тридцати.

— Пошла ты, Долорес! Про тебя слухи пошли у соседей, что ты шалава, — жестоко усмехнулся Паб, — может вы её ещё и иметь будете, чтобы денег больше давать? Ей пары евро хватит.

Я закатила глаза.

— Вы, Пабло, больше подходите на эту должность, — мило и с насмешкой ответил Роберто, — не хотите? Пять тысяч за час.

Брат побледнел, сделал шаг назад и... задумался! Мой хохот разнёсся по машине. Водитель дернулся с места, оставляя злющего Пабло позади.

— Ты видел его лицо? — смеялась я, — он же блин...

— Лучше скажи, что с твоим, — увидел гематому на мне мужчина, — ты в порядке?

Я кивнула.

— Да так, — пристегнулась я, — быстро заживет. Не впервой, — я зевнула, — единственное — сегодня придётся вонять бабушкиной мазью, вот что точно неприятно.

Я улыбнулась ему. Он шутки то ли не понял, то ли не оценил. Ну и ладно.

— Я расскажу синьоре Еррера про твоего брата, — начал угрожать он.

— За что? — возмутилась я.

Мне казалось, что он мне... друг, а он хочет сдать меня!

— Она попросит Эксаля решить твою проблему, Дол, — объяснил он.

— Н-не надо! — просила я, — у меня всё отлично! Я сегодня их даже заставила не пить! Ты... ты блин всё испортишь! Я же... — я почти задохнулась, — я так стараюсь, а ты...

Оставшуюся дорогу мы молчали. Из машины я вышла, вытирая слёзы и думая о том, как проскользнуть мимо первого этажа сразу на второй, отказаться от завтрака и целый день просидеть в детской, чтобы меня никто не заметил.

— Долли, детка, сегодня твой любимый омлет с... — застыла напротив меня Альба, — с томатами. Что с твоим лицом?! Вы попали в аварию? Где... где Роберто? Что?..

Я усиленно помотала головой.

— Всё хорошо! — сделала шаг к ней, — я просто... упала и нечаянно ударилась, вот и... я хорошо себя чувствую!

За этот месяц я поняла, насколько Альба истеричка — она наводила панику каждый раз, когда что-то было не так.

— По поводу шум? — зевнул, шагая по лестнице, Эксаль.

— Брат её бьет, — встал в проёме гаража Роб.

Я резко повернулась к нему и прошипела:

— Я тебя сейчас тоже побью, если не замолчишь!

Он хмыкнул. У старшей Ерреры был шок.

— Так вышло, — пошла за Эксалем я, чтобы забрать малыша, — ничего страшного... привет! — для улыбнувшегося мне мальчика, — сходим на кухню за бутылочкой и...

— Сядь, — сам занял свое место Эксаль, — ты была у врача?

Мне пришлось вернуться к столу. И после помотать головой.

— Оно даже не болит, — покачала Франко я, — простите, что я пришла так. У меня нет всяких там... косметики, чтобы замазать. Если хотите, то я схожу и куплю, или... пойду домой.

Альба уже пыталась вызвать мне врача, когда у меня голова болела. Но я же делала всё! Даже улыбалась ей, когда она хотела!

— Роберто, — только и произнёс, смотря на меня в упор, Эксаль.

— Расскажу по дороге, — усмехнулся водитель.

Я показала ему кулак. И взяла у кухарки бутылочку — я успела со всеми познакомиться в этом доме. Все здесь были очень добрыми.

— Вы же не поедите с ним говорить? — подняла глаза на Эксаль я.

Он сузил глаза, делая глоток кофе. Я поняла, что сказала грубо.

— Простите, — прошептала.

— Сегодня обещают жару, синьора, — поправляла длиннющие шторы горничная, — может прибавить кондиционер заранее?

— Не нужно, — отмахнулась от нее Альба, — Долли, к слову о жаре! Я вчера купила тебе купальник! А то мне так надоело видеть тебя в этой футболке в бассейне! Розовый, представляешь! Тебе понравится, обещаю, — она отправила вилку в рот, — у нас закончилась соль, Мария?

Она посмеялась.

— Недосолёно, синьора? — испугалась кухарка, — я сейчас...

На неё тоже махнули рукой, потянувшись к солонке на столе.

— Постарайся сегодня заглядывать почаще к Инес, мама, — отвлекся от сверления глазами меня Эксаль, — ей хуже.

Альба поджала губы.

— Ты же знаешь, насколько мне не нравится эта лестница, — давила жалостливый голос она, — к тому же у меня непосильная прорва дел именно сегодня. Поэтому по возможности, милый.

Она терпеть не могла жену своего сына. И в такие дни вообще к ней не подходила, говоря мне, что в комнате Инес к-хм... «воняет и раздражает всё». Я же пока не заходила туда ни разу.

— Я могу за ней присматривать, — улыбнулась Франко, — малыш часто спит, а мне и

правда нечего делать иногда.

Эксаль дёрнул бровью, кивнул и ответил:

— Почему бы и нет, — он встал и поправил пиджак, — я заеду за твоей зарплатной картой сам сегодня. Завтра она будет у тебя, Долорес, — он кивнул и пошёл в сторону гаража, махнув пальцами Робу, — ах, да, — остановился, — сколько тебе платят на второй работе, Долорес?

Я нахмурилась.

— Зачем вы спрашиваете? — пробурчала я.

Хочет и здесь платить мне столько же? Я уже заставила маму купить школьную форму для сестры на прошлой неделе, сказав, что на следующей останутся только всякие тетради, а ещё через один все деньги она может тратить куда ей нужно.

— Потому что мне это нужно, — повернулся ко мне со злым выражением лица мужчина, — ты сегодня грубая и неучтивая, сходи в больницу сразу после работы. Роб тебя отвезёт.

Я вжала голову в плечи. И не стала спорить.

— Няня Ненси теперь будет выходить только в ночь, — не дождался моих слов Эксаль, — я спросил тебя о зарплате, имея ввиду, что подниму вторую половину той, что плачу тебе я, если там тебе платят больше.

Я расширила глаза.

— Вы берёте меня на полную ставку?! — не поверила я.

Он кивнул.

— Если перестанешь хамить, — ответил он, — я повышаю зарплату в полтора раза, а ты увольняешься с того места. Договорились?

Я почти задохнулась от счастья.

— Прекрасно, — добавил он на мою радость, — с завтрашнего дня ты работаешь до восьми вечера.

Не до десяти?!

— Оформим как две смены, чтобы не было проблем с законом, — снова пошел к машине он, — не забудь уволиться.

Я взвизгнула! Альба и остальные смотрели на меня с улыбками.

— А... а в полтора это сколько? — дошло до меня.

— Больше, чем у тебя было там, — сказала синьора Еррера, которая уже всё про меня успела узнать.

И где я работала тоже. Может это она сказала сыну так сделать? Я помню, как она причитала обо мне и о том, что мне тяжело.

— Спасибо, — подняла глаза на женщину.

Она сразу всё поняла и важно кивнула.

— Вы самая лучшая, — добавила для неё, чтобы она зажмурила глаза от удовольствия.

— Ещё бы нет, Долли, — пропела женщина, — за этот месяц ты показала себя с самых лучших сторон! — она важно кивнула, — разве я могла бы проигнорировать такого замечательного члена семьи, как ты? Ах, ну что же мы сидим? Сара, собери со стола, все еж поели!

Я встала.

— Пойду уложу Франко в кроватку и... — говорить про то, что хочу посмотреть, как дела у жены Эксаля, я не стала.

Альба бы всё равно ничего хорошего не сказала.

— Ты права, — кивнула женщина, — отдохни после еды, посмотри телевизор. Позову тебя через час или два... — она зевнула, — м, и ещё. Долли, история с твоим братом... терпеть побои точно не стоит, так что... может быть вызвать полицию? Я помню, что ты рассказывала о нём... как же его зовут? Пан? Па..?

— Пабло, — напомнила ей, — не нужно. Я разберусь сама, обещаю, — рассмеялась я, — и вы больше не увидите мою... моё разукрашенное лицо. Клянусь.

Она скривилась. Ей явно хотелось попасть хоть в какой-нибудь кипиш с разборками. А я не хотела давать ей повод.

Привычно зайдя в комнату, я уложила малыша в кроватку, взглянула на дверь, за которой никогда не была, и поправила одежду. А что, если она меня выгонит? Или спит, а я ей помешаю?

Пришлось заставить себя постучать и дождаться приглушенного «М?» от женщины.

— Мне... я... здравствуйте, ваш муж попросил меня вас... — я не нашла слов.

Меня рассматривали тёмные глаза девушки. Лет двадцати пяти, тощей и болезненной — у неё было осунувшееся лицо.

— Долли, — кисло улыбнулась она, — ты новая няня. Я видела тебя по камерам и слышала через стену, — она усмехнулась, — ну заходи, если тебя навязали мне в няньки.

Я застыла на месте.

— Простите, мне только сказали, чтобы я вас проверяла, но не... — я не знала, что делать.

Тем более она говорила очень высокомерно.

— Да? — отвернулась к окну она, — садись на кресло. Ближе не подходи.

Я оставила дверь открытой, чтобы слышать ребёнка.

— Я вам помешала отдыхать? — сделала, как просили.

Теперь между нами было ещё больше расстояния.

— Ха! Отдыхать? Мой муж держит меня в четырех стенах! О чём ты? Будь моя воля, и я бегала бы по саду!

Глаза расширились.

— Получается, что вы не болеете, а он... — начала было.

Она жестоко усмехнулась.

— Ещё одна! — фыркнула женщина, — вы с его матерью спелись? Вы такие все странные. Болезни бывают разные, Долли. Моя точно не такая ужасающая, какой её делает Эксаль, и не такая несуществующая, как говорит его мать. Я просто...

Она резко замолчала, сползла по кровати и закрыла глаза.

— Вам плохо? — вскочила на ноги я.

Она покачала головой, не открывая глаза.

— Голова кружится, — она тяжело дышала, — это всё от этих лекарств! Сядь!

Я могла только послушаться. Она будто приказывала.

— А до лекарств у вас не было такого? — почти шептала я.

— Ты думаешь, что ты умнее других? — поправила одеяло Инес, — хм, я тоже так раньше думала. Теперь вот...

Она указала на прикроватную тумбу с книгой, стаканом воды и корзинкой с таблетками. Возле изголовья стояла пустая сейчас капельница.

— Ты можешь сидеть здесь, Долли, — неожиданно прибавила она, — только когда

Франко спит. Не нужно вносить его в эту комнату.

Я кивнула.

— Почему нельзя? — я не могла понять.

Её губы искривились.

— Господи, ты мне надоела, — закатила глаза она, — иди отсюда. Ты и твои вопросы.

Я направилась к двери, всё ещё находясь в недоумении.

— Стоять! — она почти закричала, когда я была в проеме, — налей мне воды. Чистой — эта уже помутнела.

Я медленно протиснулась мимо её кровати, взяла стакан с по виду очень чистой водой и вылила её в ванной.

— Графин здесь, — указала на столик в углу она, — думаешь, что я сумасшедшая?

Я почти пролила воду от её вопроса.

— Нет, синьора, — протянула ей стакан.

— Поставь обратно, — усмехнулась она, — и иди в кресло.

Я уже вообще ничего не понимала. К воде она даже не притронулась. То есть я просто так её поменяла?

— Мне бывает плохо, Долли, — устало произнесла она, — я совсем одна, понимаешь? Всегда одна, и никого вокруг, — смешок, — всё было так хорошо, а потом будто землю из-под ног вырвали... разве я достойна такого? Что я плохого сделала, что меня наказывают?

Я пожала плечами.

— Последнее время я вообще ничего не хочу, — прошептала она, — всё так давит. Гнетёт.

— В-вы... — начала было я.

Но сказать мне ничего не дали, словно и не зная, что я могу говорить:

— Ещё и эти диагнозы! — почти ныла она, — депрессия, судороги, ещё какая-то чушь! Я почти здорова. Нужно только, чтобы... всё это закончилось побыстрее, — она всхлипнула, — скорей бы я уже... перестала быть для всех мёртвой куклой. Разве я многое прошу?

Она снова смотрела на меня в упор.

— Я не считаю вас куклой, — решила сказать ей.

Она задумалась.

— Мне плевать на твоё отношение, Долли, — фыркнула она, — кто тебя вообще так назвал? Дурацкое имя. Даже для такой как ты. Но... знаешь, всем в этом доме плевать на тебя, Дол. Вообще всем. Ты для них ещё большая игрушка, чем я, — она усмехнулась, — и они будут управлять тобой, не боясь сломать. Меня ещё пытались беречь — тебя не будут, — она снова села и подалась в мою сторону, — если старуха Альба говорит, что ты вошла в их семью, то она просто ещё не выпила всю твою энергию и не... — она вдруг застыла с круглыми глазами, — ты знала, что она ведьма? И пьёт твою энергию! Знала? Вот ты рассказываешь ей про себя, а она тащит и тащит и... — её руки делали какие-то странные жесты, — ты поверила? — она громко засмеялась, заставив меня вздрогнуть, — неужели ты веришь во весь этот бред? Долли, они просто конченные. Все в этом доме, — смешок, — и если ты сама не подлая змея, то тебя быстро выгонят, даже выдохнуть не успеешь! Как... — она снова скисла, — как меня.

С головой у неё точно было не всё в порядке.

— И теперь я никому не нужна, — протянула девушка, — передумала приходить? —

она снова была насмешливой.

Но ужасно грустной.

— Нет, — мотнула головой я, — хотите сегодня я буду сидеть с вами?

Мне было её жалко. Я бы точно не смогла целыми днями вот так лежать.

— Что? — закатила глаза она, — нет, конечно. Зачем ты мне здесь нужна? Если захочу поговорить, то буду звать тебя сама, — она разозлилась, — и не надо разглядывать меня каждые пять минут! Мне нянька не нужна!

Я кивнула.

— Вам что-то ещё нужно? — встала с кресла.

Она стала ещё грустнее и помотала головой.

— Делай вид, что ты как они, Долли, — странный совет, — только так никто тебя не сожрёт, как меня.

Я медленно кивнула.

— Мне оставить дверь открытой? — спросила у неё.

Но Инес уже отвернулась от меня к стене, сделав вид, будто ничего не услышала. М-да, у такой точно везде враги будут.

Щелку я всё же оставила, но она меня за тот день больше не позвала».

— Инес была больна, — только и сказал Эксаль.

— Я сначала думала, что она... как бы сказать... бредит, — замялась я, — потому что Альба очень долгое время казалась мне невозможно хорошей. Она сделала столько добра мне, что я... два или три года она была замечательным человеком, а потом, как отрезало. Она начала меня не просто ненавидеть, а... издеваться.

Судья удивилась.

— Ты преувеличиваешь, — защищал её Эксаль.

Я взглянула на него с вопросом. Он хмыкнул и отвернулся.

— Это имеет прямое отношение к делу, Долли? — скрестил руки на груди он, — ты обещала ничего не говорить про неё.

— Если это поможет мне забрать моих детей, то я расскажу, — едва разлепила губы я.

Он взбесился!

— Про мою маму ты мог много что говорить! — злилась в ответ я, — а она нам даже ничего не делала!

— Отличное сравнение, Долли! Пропитая алкашка и Альба Еррера! Ты с ума сошла? — рычал он.

Мои щеки пылали.

— Вот именно! Ты всегда защищал её, а на мои слова плевал, а когда случился... когда она сделала ту гадость, ты сразу всё понял! Но сейчас опять её защищаешь!

Он дёрнулся.

— Долли, подумай головой, — пытался успокоиться мужчина, — это моя мама. Я понимаю, что у вас случилась недомолвка...

— У нас? А-а ты? Как будто к тебе это не относится! — перебила его, — из-за неё чуть не умерла я и наши дети!

Судья уже ничего не понимала.

Эксаль резко успокоился, кивнул и... зло посмотрел на судью.

— У нас было немного ссор, — я потёрла лицо рукой, — точнее, их вообще не было между нами двумя, но те слова Инес... я не знаю, что я сделала тогда Альбе и... там ещё обычно её дочь, то есть сестра Эксаля, но она всегда была... жестокой.

Муж расплылся в насмешливой улыбке.

— А вот Альба стала такой резко, — продолжила я.

— После вашей свадьбы? — судья вдруг нахмурилась.

Я помотала головой.

— Не совсем — первые месяцы всё было как обычно, — потёрла плечи ладонями, — она даже очень радовалась тому, что именно я стала её невесткой. Хвалила, помогала, и даже когда я забеременела, она всегда ездила к врачу со мной. Мы с ней все вещи для Холли выбирали. Коляску там, кроватку, п-пеленки...

— И что же было причиной для такой перемены? — не понимала судья.

Я пожала плечами.

— Ладно, — упала на спинку своего кресла женщина, — насколько мне известно, в приглашённых свидетелях со стороны ответчика будет как раз Альба Еррера и Карина Еррера. Это?

— Моя мать и сестра, — кивнул Эксаль, — которые внесут ясность, относительно того, что я не совершал.

Судья кивнула.

— Знаете, ответчик, помимо измены за вами уже вскрылось несколько других причин для развода, — ответила она, — поэтому сперва мы выслушаем обе стороны, и только после будем приглашать свидетелей.

— Да, плевать, — отошёл от своей стойки и сел на первый ряд кресел мужчина, — у вас чистейший женский сговор, как это... ага — женская солидарность, которая не позволит нам двоим остаться в браке, только если я не пойду против закона. У вас есть чётко очерченный план развести нас, а стоит ли мероприятие свеч — вам разницы нет.

Судья застыла, видимо не понимая, почему он так говорит.

— У меня нет такого плана, ответчик, — произнесла она, — и тут скорее наоборот — у меня есть цель не дать вам развестись, если на развод нет значительных причин, — она фыркнула, — никто не настроен против вас, кроме вашей супруги. Если хотите сказать, что всё было не так, то сообщите об этом суду. Пока что у меня нет оснований полагать, что измены не было. Разве вы не считаете это серьёзной причиной?

— Я считаю, что презумпция невиновности существует во всём мире, кроме этого зала, — улыбался с ехидством Эксаль, — о чём вы мне прямо сказали сейчас.

Судья устало потёрла лоб.

— Вы никогда не окажетесь правы в споре с ним, ваша честь, — напомнила всем о себе, — он слишком много знает и при этом очень упрямый. Так что даже если вы считаете, что правы, он вас победит.

Мужчина расплылся в улыбке в мою сторону.

— Долли, ты и сама помнишь, сколько раз заставляла меня заткнуться только одним своим взглядом. Нет? Естественно, ты не помнишь. Ты же делаешь вид, что я самый плохой монстр, созданный только для того, чтобы мучать тебя, изменять и не признаваться. Что там ещё по списку?

Я отвернулась от него.

— Продолжим, истец? — с надеждой спросила судья.

Я кивнула.

«Был уже вечер, когда дверь в детскую открылась, и Эксаль вошёл в комнату.

— Спит? — подошёл к колыбельке он.

Я, сидящая на диване перед телевизором, полностью отключила звук.

— Сегодня было жарко, поэтому Франко плохо спал, — ответила, — как только стало прохладнее — он засопел, — кивнула, — вы сегодня поздно.

Мужчина устало упал на другую сторону дивана и зевнул, растекаясь по мягким подушкам.

— Работа, — протянул руку в мою сторону он.

Я вложила в неё пульт.

— Инес сегодня тоже беспокойная, — отчитывалась я, — сказала, что теперь и в её комнате пахнет Франко.

Она, конечно, сказала «воняет детьми», но не хотелось никого подставлять.

— Странно, что она вообще не хочет, чтобы её сын был рядом с ней, — я подтянула к себе ноги и положила голову на колени, — он точно заставил бы её улыбаться.

Инес могла только ухмыляться или слегка шутить надо мной. Вчера, например, трижды

скинула и разбила стакан с водой, чтобы привлечь моё внимание. Это она так меня звала, когда я не могла отвлечься от Франко, а она хотела поговорить или ей что-то было нужно. Пришлось собирать осколки и воду, пока она жаловалась на то, что её никто не любит. Спасибо и на этом — четыре дня назад она бросила стойку для капельниц в окно, потому что малыш кричал. Откуда она столько сил нашла? — подумала я. И так же подумала Альба, которая не сдержалась и, отобрав у меня полотенце, бросила его в кричащую Инес.

Эксаль в тот день выписал мне премию. Как и вчера. Я же подумала о том, что Альбе и ему тоже нужна премия, как и самой Инес, только в виде кого-нибудь терпеливого и способного сидеть слушать её капризы, не отвлекаясь ни на секунду.

— Но без происшествий? — повернул голову в мою сторону мужчина, — она тебе не мешала?

Я помотала головой.

— Всё было хорошо, — улыбнулась я, — только я правда не понимаю, почему она не любит Франко.

Он сквасился и отвернулся.

— Любит, — коротко ответил он, — но боится, что заразит его своей болезнью.

Я не поняла:

— Эта её... депрессия, она... заразная?! — расширила глаза я.

Эксаль расплылся в улыбке.

— Долорес, ты такая смешная, — стал веселее он, — конечно же нет — у Инес нет ничего, что могло бы на кого-то перебраться.

Почему если так говорит Инес, то она болеет, а если я, то я смешная?

— Почему тогда она так говорит? — поджала губы я.

Я не шутила, чтобы думать, что я смешная.

— Потому что ей тяжело, — стал серьёзным он, — её болезнь даёт ей такие мысли.

А я успела заметить за эти месяцы кое-что интересное — он не заходил к ней после работы, хотя к Франко почти бежал и брал его на руки, если тот не спал. Если она не звала, он не шёл к ней, но терпел её нытье каждый раз, когда она его начинала. То есть всегда.

Он её не любил — это было видно сразу. И я радовалась этому, как могла радоваться тому, что с шести, или как сейчас, с семи до восьми, мы сидели втроём — я, Франко и Эксаль.

— Она странно себя ведёт, — продолжила я, — мне жалко её.

Он не хотел про это говорить. Но почему-то говорил со мной. Всегда. После работы, перед ней, уставший, злой. Говорил, а я спрашивала или слушала. Перестала краснеть и не так стеснялась его, но... я отчетливо знала, что влюблена в Эксалья Еррера. С самого первого дня, когда увидела его.

— Инес боится умереть, но не может жить, Долорес, — вытянул ноги мужчина, — давай сменим тему. Например, завтра у тебя выходной.

По телу прошла волна холода.

— Можно я тогда просто приду завтра? Без... мне не нужно платить, я просто... буду помогать вам просто так! — выпалила я.

Завтра был день рождения мамы. В такие дни хотелось сбежать из дома больше обычного.

— Давай начистоту, Долл... Долорес, — он поправил сам себя, — ты любишь свою семью?

Я кивнула, больше думая о том, что он почти назвал меня Долли, как его мама. А я ещё думала, почему Инес меня так называет, если Альба с ней не разговаривает? Видимо Эксаль называет меня Долли, когда говорит со своей женой обо мне.

— Хорошо, а тебя твоя семья любит? — продолжил Эксаль.

Я поспешно закивала, испугавшись... чего-то.

— Тебя обижают дома? — сверлил меня взглядом он.

— Зачем вам это? — не стала ему отвечать, — у меня всё хорошо. Если не хотите, чтобы я приходила завтра, то можете сказать прямо. Я не обижусь.

Он задумался.

— Ты никогда не обижаешься, Долли, — хмыкнул он, первый раз назвав меня мягко, — в этом и проблема, — он кивнул, — Роб заберет тебя завтра, как всегда. Не хочешь выходной — его не будет, — снова кивнул, — как хочешь. Просто забавно, что ты подружилась даже с Инес, а с ней бывает очень сложно. Мама скупил тебе половину магазина дурацких платьев, компенсируя тот факт, что сестра терпеть их не могла всё детство. Роб травит тебе шутки каждую поездку, а я... — он тяжело вздохнул, — мне очень жалко тебя, Долорес. Больше потому, что моя мама какает слезами о твоей судьбе каждый вечер каждого дня, когда встречает меня. Поэтому у меня простой вопрос: ты хотела бы съехать от родителей? Я могу взять опеку на тебя на эти два года.

Он видел во мне ребенка. Так же, как его мама и все остальные. Это... бесило. Делало меня недостойной его. Той, кого он никогда не полюбит, потому что я не подхожу.

— Нет, — резко ответила ему, — простите, мой рабочий день закончился. Роб ждёт.

По лестнице я спускалась в слезах. Трудно было сдерживать их. Поэтому ждущая меня у входа Альба побелела, стоило ей увидеть моё лицо.

— Что он тебе сказал?! — она была в ужасе и почти визжала.

— Н-ничего, — всхлипнула я, — у меня завтра... выходной. Так что... до послезавтра.

А после не сдержалась и обняла её на секунду. Она была теплая, хоть и тощая.

— Простите, — отошла от неё, развернулась и направилась в гараж.

— Я ему сейчас голову откручу! — прошипела Альба, грозно шагая на второй этаж, — бессовестный! Сказала же — будь с ней мягче, а он...! Бедная девочка! Ни дома, ни здесь покоя нет! Правильно, если хочешь, сделай сама! Эксаль!

Тут я решила сбежать, вытирая нос рукавом.

— Дол... — начал, когда я села, Роберто.

Я помотала головой и уткнулась в боковое окно.

— Он не его мать, Дол, — выехал из гаража мужчина, — он не влюблялся в тебя с первой беседы. И сам по себе он... вряд ли вообще мог привязаться к тебе. Просто... он такой человек, понимаешь? И если ты подумала, что он будет с тобой, как Альба — будто ты действительно её дочь, то...

— Он мне нравится! — вырвалось у меня.

За словами рванули слёзы.

Лицо водителя стало ещё удивлённее, а после жалостливее.

— М-да... про это мы все не подумали, — пробормотал он, — а... эм... ты же понимаешь, что он?..

Договаривать Роб не стал. Я кивнула.

— А ты ещё маленькая для него, — добавил он, — очень маленькая, помимо того, что ты его себе придумала таким, как тебе захотелось. Вы же только сериалы по вечерам

смотрели, — он кивнул, — ты его совсем не знаешь.

Я швыркнула носом.

— Чёрт, — выругался он, — Дол, так всегда бывает. Он тебе кажется почти принцем из сказки по сравнению с... ты поняла. Но... как бы сказать мягче? У него уже есть принцесса, понимаешь? И он для тебя очень взрослый принц, вот. Тебе нужно принца помоложе.

Я почти захлебнулась слезами. У него зазвонил телефон.

— Да? — ответил на звонок Роб, — да, мы уже на центральной улице, — он нахмурился, — ни хрена ты не понял, Эксаль. Не-а, — тишина, — зачем?

Я прошептала одними губами:

— Не говори!

Он кивнул.

— Вот именно, — в трубку, — а как она должна была воспринять? Обрадоваться? — смешок, — она не сможет считать тебя грозным дядей, — кивок, — хорошо, я понял.

Он нажал на значок с громкоговорителем на экране.

— Долорес? — голос Эксаля из телефона.

Я сглотнула.

— Долли, прости меня, — мило говорил он, — я очень нехорошо тебе сказал. И я понял это только сейчас. У тебя уже есть мама и папа...

— Отец ушёл! — шептала Альба на фоне.

Эксаль тяжело вздохнул.

— Хор-р-рошо! — прорычал он, — у тебя уже есть мама и другие члены семьи, а значит мы будем для тебя лишними. Поэтому я больше не стану набиваться к тебе в родственники, — заставил меня закрыть рот рукой он, — и не стану давить на больное.

— Ой, дурак, — воскликнула, уже не стесняясь, Альба на фоне, — как я воспитала тебя таким сухарём?

— Это была твоя идея, мама, — злился Эксаль, — так что не нужно перекладывать ответственность на меня! К-хм... Долли, я прощён?

Я кивнула. Ответил за меня Роб:

— К сожалению дураком назвать тебя, как синьора Еррера, она не может, — хмыкнул он.

— Я просил дать трубку ей, — рыкнул Эксаль.

— Она бы не взяла, а если бы и взяла, то ревела бы и дальше, — он остановил машину напротив моего дома, — мы приехали.

— Секунду! — остановил меня от выхода из машины Эксаль, — Долли, ты согласна на выходной завтра?

Я просяще посмотрела на Роба. Он кивнул и ответил за меня:

— Она сказала, что поедет завтра с нами в торговый центр.

— Что?! — вскрикнула для него.

— Франко вырос почти из всего, ты сама мне об этом сообщила, — напомнил Эксаль, — а кто лучше, чем няня, может знать, что покупать?

Дышала я, запинаясь.

— Как скажете, — вылезла на дорогу.

— Завтра в десять буду здесь, — бросил мне в открытое окно Роб.

Я кивнула. И начала подниматься по ступеням».

— Какой бы взрослой ты себя не ощущала, Долли, ты была ребенком, — произнёс Эксаль, — и вопросы у тебя были отличительно детские. Ты вообще мало что знала про эту жизнь — у тебя не было друзей, ты жила в пьющей маргинальной семье и у тебя было отвратительное образование, которое ты окончила с плохими оценками, — мужчина кивнул, — сколько курсов и всего, связанного с твоим образованием, мама оплатила для тебя?

Щеки вспыхнули.

— Я уже говорила, что она была очень хорошей, пока не... пока что-то не случилось! — начала оправдываться я, — я представить себе не могла, что настолько добрая женщина настолько же мстительная, злая и... может ужасно поступать. И-и... не нужно обзывать мою семью.

Он фыркнул.

— Это констатация факта, а не желание оскорбить, Долли, — закатил глаза он, — и напомню тебе, что ты вызвала в суд меня, поэтому давай дальше обсуждать какой никчемный я, а не члены нашей семьи.

— Твоей, — напомнила ему, — твоя мама и сестра сказали, что семья их, и я в неё никогда не войду. Кстати из-за того же, о чём говоришь ты — я... как это? Мои родители пили, были бедными, и я сама скоро стану такой же.

В горле сидел комок.

— Когда тебе это было сказано? — нахмурился мужчина.

— Какая разница? — прохрипела я, опустив голову, — ты сам говоришь, что они правы и я с самого начала была тебя не достойна.

От него донёсся тяжелый вздох.

— Я бы никогда такого не сказал, Долли, — сквозь зубы сказал он, — ты — моя семья. Ты и дети. Поэтому не слушай то, что было сказано кем-то в порыве злости, и послушай меня — давайте позовём эту несчастную... девушку, которая успела создать нам конфликт, — он скрестил на груди руки, — та самая няня, которую назначила моя мама и которую отметила моя жена.

Я вспыхнула!

— Ты с ума сошёл?! — расширила глаза я, — ты ее и сюда привёл?

— Няня? — больше меня воскликнула судья, — вы сказали, что она была няней? То есть... истец, вы же понимаете... господа, значит он изменил вам с няней уже для вашего ребенка, в то время как вы сами были няней, с которой он изменил своей первой жене? Истец, у меня много вопросов к вам и вашему супругу, но один мешает мне вести заседание: то есть вы не догадывались, что он повторит то, что сделал с вами?! Вы думали, что в вашу сторону это не работает? Новая няня — новый роман! А после всё заново!

Я закрыла рот рукой, чтобы мои всхлипы не разлетались по залу.

— Чёрт бы вас побрал! — прорычал Эксаль, — я не буду спрашивать, какого беса вы орёте на всё здание, но объясните мне, по какой причине вы выносите вердикт до окончания заседания? Я просил позвать свидетеля, а вы развели визгливый концерт! Долорес, вышей чёртовой воды, пока я не подошел и не... помог тебе.

Звучало как угроза, поэтому я ответила:

— Катись в ад! — звучно, чётко и даже без всхлипов.

Потом правда продолжила плакать, но шок на лице Эксаля застыл намертво.

— Ладно... — пробормотал он, — теперь я верю, что ты действительно хочешь со мной развестись, — кивнул, — Долли, я клянусь тебе, что измены не было. И: я не хотел её целовать, она сама... присосалась, в моих мыслях не было никогда ничего подобного, зачем бы я тогда бегал за тобой, как идиот по всему городу, отправлял деньги, стоял под этими проклятыми дверьми и пытался поговорить?

— Из-за детей, — ответила ему я.

— И части компании, которая им принадлежит, — добавила судья.

Эксаль помотал головой.

— Я уже объяснял, что это бессмысленно, — гордо произнес он, — первый свидетель, ваша честь. Доказывающий мою невиновность.

Судья кивнула и позвала:

— Лаура Паула Дрески, свидетель со стороны ответчика, — в двустворчатые двери входила длинноногая красавица, она же бывшая няня.

Беловолосая, высокая и... грудастая. Прямо сильно.

— Я с ним спала! — с широкой улыбкой сообщила всем девушка, — и не раз!

Лицо Эксаля сползло куда-то вниз, пока он яростно поворачивался к ней.

— Я тебя сейчас убью! — прорычал он.

Она сперва испугалась, после взглянула на дверь, из которой вышла, и прошептала:

— Ваша мама сказала, что заплатит больше!

Эксаль ударил себя по лбу рукой.

— Мама, чтоб тебя! — заорал он, — как же вы все надоели! Долли, честное слово, уезжаем первым рейсом! Подальше от всех этих... Хор-р-рошо! — почти успокоился он, — как и когда это было? Рассказывай... пока я тебя не придушил, не сел в тюрьму и не... Долли, ты хотя бы в тюрьме меня будешь навещать?

Он смотрел на меня с просьбой. Я помотала головой.

— Почему я не догадался первым позвать Роба? — пробурчал мужчина, — чертовы подкупные шлю... к-хм... няни.

— Мы ждем ваших слов, свидетель, — разглядывала шарахающуюся от каждого движения Эксаля девушку.

— Что говорить-то? — надула губки она.

Эксаль положил голову на ладонь, опершись на свою стойку локтем.

— Когда и как ты со мной спала, — напомнил ей он.

Девушка замялась.

— В смысле «когда»? — не поняла она, — я что по времени должна засекаать?

А я не была тупой, поэтому:

— Сколько он тебе заплатил? — спросила, попав в тишину.

Она расплылась в улыбке.

— А я в этот раз бесплатно! — подумала, что сказала что-то умное, она.

— Я-я... имела ввиду, сколько заплатил, чтобы ты сказала, что ничего не было? — объяснила ей.

Она посмотрела на меня, как на дуру.

— Че-его? — протянула она, будто душой была я, — мама его мне денег дала, что тогда, когда я устраивалась, что сейчас! Такая ты... тупая, блин. Слушайте, Эксаль, а чем я вам не

понравилась? Я же умнее и красивее... некоторых, — взгляд на меня, — потому что детей не люблю? Так вы про это не знали, только Альба. Что не так-то?

— Здесь всё очевидно, — перебила её судья, — давайте свернём это... странное происходящее, и я буду задавать вопросы — вы, свидетель, будете отвечать. Вам понятно?

Девушка кивнула.

— Что происходило в тот раз, когда истец заметила вас с ответчиком? — первый вопрос от судьи.

Бывшая няня запуталась кто где. Она переводила длинный ноготь с меня на Эксаля и думала.

— Ну... — пробормотала, — я уже говорила, что с детьми как-то не лажу, а тут совсем мелкий... так что, я и попросила показать мне как этого... переодеть, чтобы он больше не орал. Она, — её палец указал на меня, — вышла из комнаты куда-то... она, прикиньте, вообще оттуда почти не выходила! Они с ним, — на Эксаля, — вокруг этого ребенка всегда ходили, так что к ним не подойти! Вот мы и остались одни, как тогда сказала... ну, вы поняли. Вот он и подошёл к ребенку, а я не уходила. И... вот.

— Что вот? — не выдержала я.

— Ой, заткнись, поняла! — она поджала накачанные губы, — Альба сказала, что как только ты с ним разведёшься, он женится на мне!

— Ага, десять раз, — скривился Эксаль, — рассказывай дальше. Надоела.

— Что дальше? Дальше я его поцеловала, и вошла она, — снова её палец на мне, — ну она и ушла. А! — она вспомнила, — и это... не в первый раз поцеловала! Ясно?

Эксаль растёкся в оскале:

— Ты знаешь, что тебя могут посадить в тюрьму за ложь в суде? — прорычал он.

Она испугалась! В её глазах была такая паника, что мы сперва даже не поняли что она выкрикнула:

— Тогда я молчала!

И убежала из зала в те самые двустворчатые двери.

— Гениально, — хмыкнул довольный Эксаль, — моя вина опровергнута? Мы едем домой?

Я кивнула.

— Ты всех своих любовниц будешь приводить? — спросила у него.

От ярости он даже голову к потолку запрокинул, а после спокойно и ровно произнёс:

— Да, Долли. Я и в самом деле изменил тебе, — взгляд на меня, — но не с этой няней. С другой. Это вышло случайно...

Сердце упало вниз. Куда-то так глубоко, что казалось его никогда никто оттуда не достанет. Оно уже не билось. Оно не жило и никого не любило. Оно умерло, взорвавшись на мелкие части. Мне было настолько больно, что в ушах был только звон. Поэтому я слышала его слова будто через толщу воды:

— Так мне нужно сказать, Долли? Ты довольна? Пострадала? Повторяю, как самый тупой в мире попугай. Я. Тебе. Не. Изменял.

Я бросила в него стакан. Сперва даже не поняла, как так вышло, но после поняла, что муж увернулся, а судья вскочила на ноги.

— Объявляю перерыв! — крикнула она, — истец, господи боже мой! Прекратите немедленно! Я понимаю, что вы злы...

Ошарашенно убегающего спиной вперёд от меня Эксаля спас охранник, который

непреклонно взял меня за плечи и вывел из зала. Слез уже не осталось. Я хотела его придушить.

Мне снова дали воды, только уже в бутылке, посадили в какой-то комнате и оставили одну. Почти на минуту — Эксаль деловито оттолкнул преграждающего ему путь охранника, вошёл и сел напротив.

— Сказал грубо, получил, осознал, каюсь, — он придвинул стул почти вплотную ко мне.

Я теперь даже наклониться не могла, чтобы не лечь на него.

— Ты чудовище, — подняла взгляд на него, — жестокое и бессердечное.

Он помотал головой.

— Я просто не понимаю, как так вышло, Долли, — сказал мужчина, — у нас идеальная семья. Мы и в самом деле никогда не ссорились и понимали друг друга, — он явно вспоминал о том, как могла орать на него Инес.

Она на всех кричала. А я старалась держать себя в руках, даже когда было мучительно больно или обидно.

— Мы разговаривали, я слушал тебя всегда, — продолжил он.

Я покачала головой.

— Ты не слышал, что я говорила про твою маму. Не верил, — разлепила ссохшиеся губы я, — про всех этих нянь не слушал. Говорил, что мне кажется и такого не может быть.

Он дёрнул щекой.

— В последний раз я поговорил с ней, Долли, — ответил Эксаль, — и хоть она не созналась, но сказала, что будет мягче с тобой.

Я покачала головой.

— Я хотела уехать от них всех, а ты хотел остаться, — мой шёпот, — вот что из этого вышло, — кивок, — ты остался, а я уехала, — проглотила ком в горле, — и я не оставлю наших детей твоей новой няне.

Он выпрямил спину.

— Почему ты не веришь мне? — скрестил руки он, — когда я обманывал тебя? Хоть раз?

Я поджала губы и потянулась к бутылке воды. Он открыл и подал её мне. Он бывал невероятно милым и внимательным иногда.

— Потому что это был не первый раз, когда я видела тебя, — я шептала, — и не только я, твоя мама, которая твердила мне, что я настолько забросила себя, что ты смотришь на других, но и... другие тоже.

Мужчина нахмурился.

— Кто меня якобы видел? И с кем? — разглядывал цветочки на моем платье Эксаль, — сестра? Ты ещё не поняла, что они обе... тебя не любят?

— Поняла, но это не она, — поставила бутылку на место, — точнее, не только она.

— Ну и?! — не выдержал он, — Долли, ты издеваешься?

Я открыла было рот, как из динамиков над головой раздался голос:

— Перерыв окончен, просьба всем участникам заседания вернуться в зал.

Я поднялась.

— Когда вызову его, тогда и узнаешь, — пошла в сторону двери.

Через минуту я снова стояла за своей стойкой.

— Продолжайте, истец, — судья, — единственное, что мы смогли вынести из

показаний свидетеля от ответчика — каждый может нагло врать. Значит, если мы услышим полную версию, то скорее всего сможем найти несостыковки, или сразу понять, как всё было на самом деле. А значит, продолжайте.

Я кивнула.

«Я разложила карты на диванной подушке. В этот раз ведущей была я, а Эксаль довольно ждал. «Метла». Ничего сложного, но выигрывала я редко. Ему постоянно везло!

— Ещё партия, и любой сериал на твой выбор, — зевнул он, — у меня перед глазами рябит.

Я пожала плечами.

— Какой бы я не выбрала, вы будете под него спать, — хмыкнула и добавила, — может хоть раз посмотрим, что нравится вам?

Он усмехнулся.

— Чтобы спала ты? — на его губах была улыбка.

Я пыталась смотреть на карты, а не на него.

— Я обещаю даже не зевать, — не удержалась и... какой же он красивый!

А улыбается как! Он в моменты, когда мы сидели вечером перед телевизором и разговаривали, очень часто улыбался. Особенно после того раза, когда мы съездили в торговый центр, купили столько бесполезных вещей и подружился, как говорил он сам и Роб. Последний иногда даже поднимался к нам перед тем, как отвезти меня домой, но чаще всё было как сегодня — мы были вдвоём. Франко и Инес спали, я хихикала над шутками мужчины, а он делал вид, что ему на меня не плевать.

Он был очень хороший. Я любила его не только за внешность, но и за характер — мне казалось, что таких людей просто не бывает на свете. Мне иногда хотелось обнять его, чтобы почувствовать, что он настоящий, а не какой-нибудь игрушечный. Но я даже за руку его никогда не касалась, не то чтоб... так сразу.

— Хочешь принизить мою силу выдержки своим не званием на скучном фильме? — делал вид, что возмущается он, — нет уж, так не пойдёт. Я ещё слишком не старый, чтобы признавать подобное.

Я пыталась не смотреть на него с обожанием, пока скрывала смех за ладонью.

— Зато вы очень умный и побеждаете меня каждый раз, — я вернулась к картам и поняла, что проиграла.

— Ты мне поддаёшься, признай, — усмехнулся мужчина, — Долли, хватит тешить моё самолюбие. По тому, что ты поступила в колледж, я понял, насколько хитро ты скрываешь свой интеллект.

Я покраснела. Альба обещала, что заплатит, чтобы мне ставили там хорошие оценки. Тогда мне бы не пришлось никуда ходить, и я могла постоянно следить за Франко.

— Вы и сами знаете, что... — начала было я.

В соседней комнате послышался звон осколков стакана — я уже привыкла, что Инес так делает — скидывает его рукой. И если ты поставишь стакан дальше, чем к краю её прикроватной тумбы, то она обидится, не будет с тобой разговаривать несколько дней, а ещё начнёт разбивать стакан намного чаще.

— Я уберу, — вскочила я.

В ответ на шум проснулся и Франко.

— С меня Инес — с тебя малыш, — уже открыл дверь Эксаль, — что происходит? — он стал каким-то злым, хоть и оставался спокойным.

Я взяла на руки мальчика, понимая, что он хочет кушать, и надо спускаться на первый этаж.

— Т-ты дома? — удивилась Инес, — почему так рано? А-а... а где Долли? Я хотела её, а не...

На этом моменте он закрыл дверь, и я могла слышать только глухое «бу-бу-бу» его голосом и её высокие ноты. С ним она была не такой психопаткой, но он знал, что она делает без него, и доплачивал мне ещё и за её выходки.

— Снова эта сука проснулась? — спросила, не отвлекаясь от газеты, Альба, когда я спустилась в гостиную, — потолок почти проломила! Когда она уже... я, знаете, уже не надеюсь! Такие, как она, живут долго и...

Напротив нее сидела и жевала пирожок повариха. Она всегда что-то ела и пыталась накормить меня, говоря, что я слишком тощая. А я за месяцы работы у них потолстела на семь килограммов! У меня даже к-хм... появилась попа, о чём не забывал шутить Пабло.

— Бутылочка! — повариха протянула мне готовую смесь, — вид у тебя такой, Долли, что этот карапуз тебя переломит надвое! Почему он растёт, а ты — нет?

Почему его несёшь ты, если мой сын дома? — отвлеклась от газеты Альба, — он заболел?

Я помотала головой.

— Он пошёл к Инес, — села рядом с ними я.

— Может ей помочь... чтоб она быстрее... — намекнула со смешком повариха, — все нервы вам и синьору вымотала!

Я не удивилась — они такое обсуждали каждый день.

— Бог тебя прости! — фыркнула Альба, — я всё надеюсь, что сама управится.

Франко чмокал соской.

— И чем она только его привлекла? — продолжила ворчать Альба, — ни рожи, ни... о, Эксаль, сыночек! — она смотрела, как он спускается по лестнице, — напомним, когда у тебя следующий выходной? Послезавтра приедет твоя сестра с мужем и Патришей на ужин, а Долли нечего надеть!

Причем здесь я, никто не понял.

— А что, прошлые килограммы платьев уже испортились? — встал в дверном проёме Роберто, подмигнув мне.

— Тебя никто не спрашивает! — сообщила ему Альба.

Эксаль хрюкнул.

— Мне нужно будет остаться на ужин? — спросила я, вспоминая сколько часов они могут сидеть с теми же соседями или другими гостями.

— А ты против? — сел с другой стороны Эксаль.

— Это мучение для всех, Дол, — зевнул водитель, — раз в три месяца тебе придется смотреть как... а ты сама всё поймешь, — он усмехнулся под злующим взглядом Альбы, — веселиться будем до упаду.

— Нужно будет сказать маме, что я задержусь, — кивнула.

— Господи, какая милая девочка! — умилилась Альба, — отпросись сразу на ночевку, поспишь на диване в детской. Горничные тебе помогут. Как здорово! — она радовалась, несмотря на хмурость Эксаля, — как раз отдохнёшь, милый, — для него, — а Долли сама встанет к малышу.

Не радовался Эксаль потому, что сам спал на том самом диване — я иногда убирала

одеяло оттуда утром.

— Я могу поехать домой потом, — смотрела на мужчину я.

— А я могу не пить и отвезти её, — поддакнул Роб.

Альба вспыхнула:

— Никаких отговорок! Я уже всё продумала! — прорычала она, — всё!

— Не переживай, Долли, — улыбнулся и кивнул мне Эксаль, — места для нас двоих точно найдутся.

Роб хмыкнул. А я представила, как нам приходится лежать на двух половинах дивана в полной темноте, а утром я просыпаюсь, потому что мне стало жарко, и он во сне начал меня обнимать, и мы оба открываем глаза...

— ...синее! Или нет — сиреневое! — рассуждала о платье для меня Альба.

Я же смотрела в глаза уже давно отвернувшемуся и забравшему у меня ребенка Эксалью, который... он же на что-то намекнул, да? Из задумчивости меня вывел умывший меня сухой ладонью Роб, подошедший сзади.

— Ты вся слюнями истекла, Дол, — хихикнул шёпотом он, — мне пришлось тебя вытереть.

Я попыталась найти на лице сказанное им, пока до меня не дошло, что он пошутил.

— Очень смешно! — пробурчала и рванула бегом за Эксалем, который ушёл на второй этаж.

— Дол, давай помедленнее, — шагал за мной водитель, — я старенький, чтобы бежать за тобой!

Я резко остановилась и схватила его за рукав, чтобы встать посреди коридора и спросить смущённо:

— Роб, ты же женат, да? — и не дожидаясь его кивка, — вы же с ней тоже сначала не... ну общались просто? Как друзья или...

— Давай так, — кивнул он, — как только тебе исполнится хм... восемнадцать, так я сразу помогу вам с ним поговорить. Сейчас он в тебе видит младшую сестричку, Дол. Ты маленькая, худенькая и совсем не взрослая. Вот когда станешь большой, тогда... сама поймёшь, что он тебе не нравится, понимаешь? Будешь по-другому все видеть.

Я ему не поверила. Но кивнула, понимая, что он, наверное, прав. Разве меня может полюбить кто-то похожий на Эксаль? Я ему не только возрастом не подхожу.

— Долли! — позвал меня, высунувшись из-за двери, Эксаль, — держи Франко, — он отдал мне ребенка, — Роб, скажи Алехандро вместе с горничными принести стол на террасу. Пусть накроют на троих, — он вдруг задумался, — или четверых, ты же не успел поужинать?

— Так я от второго раза не откажусь, — хмыкнул водитель, — Дол, ты чего вылупилась?

Я засеменила за Эксалем.

— А кто ещё будет? — не поняла я.

— Инес решила, что хочет на террасу, — отстегнул вторую створку двери на балкон он.

Здесь была смешная гармошка с двух сторон, и если вторая всегда была открыта, то после того, как он задвинул эту, стена почти пропала, соединив комнату и террасу. Здесь было очень красиво — большой тент, гамак на четырёх столбах, целая куча всяких кустов, каменная лестница в сад с дверками и широкий бассейн под солнцем у самого края.

— Ты ещё не уехала? — расстроилась выведенная Эксалем на балкон Инес.

Она была белая, как лист бумаги. А ещё тяжело дышала.

— Давай сегодня без грубости, — держал её на себе и смотрел за тем, как дворецкий и горничные расставляют стол и всё на нем.

— Я посижу на диване с Франко, — развернулась я.

— Иди на первый этаж к... Альбе, — приказала девушка.

Я кивнула.

— Инес, не сходи с ума, — закатил глаза Эксаль, — Долли, садись. Я обещал маме покормить тебя. Отдай Франко. Роб, ты ещё не все лёгкие выкурил?

Водитель стоял у уличной лестницы на первом этаже и тянул дым из сигареты.

— Сейчас проветрюсь, иначе мисс привередливость опять скажет, что от меня несёт, — хмыкнул он на Инес.

— Почему ты его ещё не уволил? — фыркнула она, — он идиот.

— Потому что он мой друг, помимо того, что квалифицированный водитель, — ответил ей Эксаль, — Долли, мне нужно повторять?

Я помотала головой и села между ним и Робом напротив Инес.

— Я хотела поесть вдвоём! — цокнула девушка, — без этих... почему ты никогда меня не слушаешь? Я впервые вышла на улицу за столько месяцев, а ты...

— Представьте, как было бы сейчас хорошо без орущих... детей, — Роб усмехнулся, — и я не про Франко — он молчит.

Я скрыла улыбку за вилкой с пастой.

— Знай с кем ты разговариваешь, придурок! — прорычала Инес.

— Со своей не особо умной бывшей, которая считает себя пупом земли только потому, что я работаю у её мужа, — хмыкнул Роберто.

Я подавилась. Теперь все смотрели на меня.

— Испортите ужин, и я буду устраивать такой же каждый вечер, — усмехнулся Эксаль, — помимо этого буду садить вас так же близко, как сегодня это сделала Долли.

Я поджала губы.

— Я не знала и не... — выдохнула, — хотела быть ближе к Франко на всякий случай. Простите.

Словно в ответ малыш попросился ко мне.

— Не понимаю, что все в ней нашли такого хорошего, что так о ней отзываются... даже эта... Альба, — прошипела Инес.

Я подняла на неё глаза, пока Франко тянулся к моей тарелке. Я встала, вспоминая, что в комнате было фруктовое пюре в баночке.

— Она даже тебя терпит, — хмыкнул Роб, — Эксаль?

Я вошла в тень комнаты.

— В следующий раз скажи, я принесу, — обогнал меня мужчина, — здесь должна быть пластиковая ложечка в комплекте. Сама покормишь?

Мне подали баночку. Я кивнула. С террасы было слышно, как Инес орёт на Роба. Я не сдержалась:

— Почему вы женились на бывшей девушке друга? — спросила.

Он сжал челюсти, но кивнул.

— Так бывает, Долли, — почти не злился он, — они разошлись, она забеременела, я женился. Нужно учиться поступать правильно.

Сбоку послышался хмык. Роб любил стоять в проходе.

— А теперь поменяй местами «рассталась» и «забеременела», и ты всё поймешь, Дол, — улыбнулся водитель, — знаешь, это был первый раз, когда мне повезло, а ему — нет.

Он указал на Эксаль.

— В тот раз тебе тоже не повезло, — прошёл мимо Роба он.

— Утешает себя, — усмехнулся Роберто, — она со всеми была милой. С ним, со мной. А после стала встречаться со мной и спать с ним. Гениальный ход — мы друг про друга даже не догадывались. Так и познакомились с ним. Когда она искала на кого спереть Франко.

Я выдохнула.

— Тест показал, что отец он, — он усмехнулся, — думаешь, он стал бы просто так его принимать? Он так радовался сыну, что даже решил жениться вопреки мнению Альбы. Чтобы у Франко были и мама, и папа.

Я была в шоке.

— Чего ты там ей наплёл? — прошипела Инес, когда мы снова сели за столик, — а то, что ты почти сразу после нашего расставания женился на этой... как там зовут твою шлю...

— Инес! — заставил её остановиться Эксаль, — других тем для разговоров не существует?

Я открыла баночку с пюре.

— Он тоже болтает! — выкрикнула она про Роба.

— Он тоже заткнётся и не будет оказывать негативное влияние на незрелые мозги нашей няни, — совсем разозлился Эксаль.

Я поджала губы.

— Ещё обиднее мог сказать? — откинулся на спинку своего плетеного кресла водитель, — ты её одной фразой назвал...

— Такой тупой, какая она есть, — перебила его Инес, — мы же все это понимаем? Не на что обижаться, Долли. Никто не врал.

Я сжала челюсти и кивнула, чувствуя, как горит кожа на лице.

— Я не имел ввиду то, что они себе напридумывали, — произнёс Эксаль.

— Она просто пытается показаться умнее, но у неё не получается, Дол, — хихикнул Роб, — а прямее, спокойнее и прозорливее тебя никого на свете нет.

— А ещё добрее, — сгладил углы Эксаль.

Я выдавила улыбку.

— Может вы её ещё в щёчку чмокните по очереди и в кукольную коробку засунете? — закатила глаза Инес, — слышала я, как Альба с ней платя примеряла в соседней комнате. Столько приторного восхищения!

Я положила Франко так, чтобы смотреть в его слипающиеся глазки.

— Какая ты завистливая, — зевнул снова Роб, — Дол, поехали уже отсюда.

Я успела съесть только одну вилку. И, естественно, не наелась. Может дома что-то осталось?

— Пусть Франко заснёт, — остановил его Эксаль.

Все вокруг делали вид, будто им не плевать. Не знаю, что было лучше — так, или как дома, где никто не скрывает, что ты нужна только из-за денег.

— К своей любимой торопишься? — фыркнула с насмешкой Инес.

— Ага, — мечтательно протянул водитель, — завтра в три на первое УЗИ с ней поедем, — он улыбнулся, — на два часа отпустишь меня? — к Эксалью.

— Не торопись, — кивнул мужчина.

У Инес свело лицо от ярости. Она ничего не сказала. Наверное, не могла придумать что-нибудь колкое.

— Ты говорил, что надеешься, что она родит девочку, — вспомнила я.

Это было мило. Он кивнул.

— Мне, как и Альбе, тоже хочется выбирать платьица и туфельки, Дол, — Роб явно был счастлив, — надеюсь, что мне с этим больше повезет, чем ей. Ты уже почти взрослая — можешь начать сопротивляться.

Я хмыкнула.

— Банты с розовыми блестками мне в прошлый раз не очень понравились, — я хихикнула, — что-то совсем... её тогда потянуло.

— Тебе шло, — возразил он.

Я помотала головой.

— Ребёнок уснул, идите отсюда оба, — напомнила о себе Инес.

— Положи его в кроватку, хорошо? — задумчиво кивнул мне Эксаль, — я перевёл тебе зарплату. И не забудь, что завтра после обеда вы с мамой едите выбирать платье. Будешь спускаться на первый этаж, скажи ей, что согласна. Иначе она напомнит мне об этом несколько раз.

Настроение у него было ужасное. Из-за нас?

— Спасибо, — ещё раз взглянула с сожалением на свою вкусную пасту на тарелке и вошла в комнату.

Дома такого точно не будет. Может с собой забрать? Наверное, это будет выглядеть по дебильному.

— Тоже чувствуешь себя душой? — открыл передо мной дверь в коридор Роберто, — терпеть не могу сидеть с ней за одним столом.

Инес поступила подло, но говорить ему об этом я не буду. Зато теперь понятно почему её ненавидит Альба. Интересно, любит ли она Эксаля? Точно не так, как я. Я бы не смогла быть с кем-то другим.

— Жалко, что всё так получилось, — пробормотала я, — жалко тебя и Эксаля.

Роб хмыкнул.

— Жалей его — ему с ней приходится жить, — он улыбнулся, — я бы на его месте жениться точно не стал, будь она хоть трижды беременной от меня.

Я скисла сильнее:

— А вдруг он её любит? — вошла в гостиную.

— Он любит казаться всем хорошим, благородным и правильным, Дол, — завернул к гаражу мужчина, — а в глубине души он прячет то, что любит себя и своего сына — а на остальных плевать он хотел.

Я повернулась к Альбе, чтобы сказать, что сделаю что угодно, лишь бы завтра не сидеть дома или с роняющей стаканы Инес».

Глава 8

— Знаете, теперь я впечатлена ещё больше, — медленно качала головой судья, — были в вашей «семье» пары страннее?

Я смутилась.

— Несколько месяцев наш дворецкий Алехандро очень странно здоровался со мной, жал руку и... — щеки были красные, — куда-то меня звал. Альба все это время садила его подальше от меня и ругала, — я кивнула, — через месяц он сознался, что я ему нравлюсь, Альба отходила его бедной пальмой в горшке, которая стояла у входа, и сказала, что если он ещё раз на меня посмотрит, то она его выгонит, — я хихикнула, — через полгода он женился на одной из горничных.

— Ты не рассказывала об этом, — нахмурился Эксаль.

Рассказывала. Он любил пропускать мои слова мимо ушей. Очень часто попадался на этом. Я могла рассказывать ему одно и то же несколько раз — ему было всё равно.

— О чём ещё я не знаю? — он скрестил руки на груди.

Много о чём. Их семья хранила столько секретов друг от друга, которые знала и я, что если бы я рассказала всё мужу, то ему бы стало плохо, как минимум.

— Зачем ты обвиняешь меня? — поджала губы я, — е-если я такая плохая, то почему ты не хочешь развестись со мной? — я разозлилась, — любая из твоих нянь будет точно умнее, красивее и болтливее меня!

Мужчина усмехнулся.

— Не злись, Долли, — он снова мило наклонил голову вбок, чем-то напомнив хитрого кота, — разве я не попросил у тебя прощения за свою шутку? Няни существуют только в твоей маленькой ревнивой головке, в которой оказалось столько фантазий, что я пугаюсь ещё сильнее, чем когда мне пришло уведомление об этом суде, — он сузил глаза и почти оскалился, — знаешь, что не даёт мне покоя уже несколько минут, Долли? — он глубоко дышал, сдерживая злость, — ты сказала, что у тебя есть свидетель того, как я изменял тебе, так? — он смотрел на меня с яростью, — свиде...тель. Это мужчина. Не женщина.

Я нахмурилась.

— И что? — не поняла его реакции я.

Эксаль сжал челюсти.

— Истец, у вас есть ещё причины для развода, кроме как измена вашего супруга? — совсем сбила меня с мысли судья.

— А этого мало? — не понимала ничего я.

— Кто эта мразь, Долли? Я же узнаю, найду его и... — муж.

До меня вдруг дошло:

— Ты думаешь, что это я тебе с ним изменила?! — прошипела я, — я по твоему, ч-что..? В-ваша честь! Я н-никогда не... у меня...я... тем более с ним и...

Пальцы схватились за стойку. Хотелось заплакать. Лицо пылало, пока сама я пыталась не дрожать.

Эксаль уронил голову в ладони, почему-то при этом из его груди рвался тихий смех.

— Вот так, Долли, да? — прошептал он, — придумала гадость для меня, но попалась сама.

Я собралась с силами:

— Я могу пройти все эти всякие... экспертизы, чтобы доказать, что я ни с кем, кроме него, не... — я выдохнула, — у меня ничего с ним не было, честно, — к Эксалью, — он пытался, я отказалась и не... мне вообще было неприятно и...

Мужчина повернул ко мне голову и стал внимательно всматривался в моё лицо, будто там были все ответы. А я не лгала. Мне вообще в тот раз было страшно, противно и мерзко — меня даже рвало, когда я пыталась оттирать губы в туалете.

— Никаких экспертиз для установления количества половых партнеров не существует, истец, — покашляла судья, — и, знаете, вам я по какой-то причине больше верю, чем ответчику. Дурдом.

— Почему ты ничего мне не рассказала тогда? — выпрямил спину Эксаль.

У него был такой взгляд, будто я его предала. Но это было не так!

— Потому что я сделала бы плохо для него, — понуро кивнула я, — он женат и у него есть ребенок.

Эксаль кивнул, развернулся и... обернулся чтобы спросить ещё кое-что:

— Только попытка? Ты отказала, и он отстал?

Я кивнула.

— Ответчик, вернитесь за кафедру! — крикнула ему в спину судья.

А у меня живот свело от страха, потому как, не успели закрыться за спиной мужа двери, а у я оттаять от шока, из того коридора донеслось от Роба:

— Ты не поверишь, но я тоже не знаю кто эта сук...

И звук удара, заставивший его замолчать. Альба, явно сидящая где-то там же, вскрикнула.

— Не будешь мстить, да? — посмеивался Эксаль.

И... двери закрылись. А я всё ещё боялась сделать шаг или сказать что-нибудь.

— Сейчас охрана наведет порядок, — кивнула судья, — истец, к-хм... Роберто хотя бы был... повержен в соответствии с заслугами?

Я ничего не поняла, но у меня вырвалось шёпотом:

— Это не он...

Через несколько минут тишины в зал вернулся злоющий, но задумчивый Эксаль, следом вышагивал сверкающий кровавой улыбкой Роб, а за ними два амбала-охранника, которые поставили мужа к стойке, а водителя посадили с моей стороны.

— Привет, Дол, — улыбался мне, прижимая к щеке мешочек со льдом Роберто, — мне теперь тоже капец, как интересно кто этот придурок, за кого я получил.

— Прости, — кисло улыбнулась ему.

— Серьёзно, не он? — удивился Эксаль, — Долли, а если не он с ребенком и женат, то... — он снова развернулся к тем дверям, пытаясь отбиться от охранника, который разворачивал его обратно, — а я ещё подумал, почему эта скотина так шарахнулась от меня! — почти рык, — Карина, чтоб вы двое... я его убью! — вспомнил про сестру он.

Я подошла к Робу и села рядом, понимая, что скрыть теперь уже ничего не получится.

— Я не хотела никого подставлять, — пробурчала, чувствуя вину на себе, — простите.

Эксаль оторвался от амбала, зло сел с другой стороны от меня и начал дёргать носком ноги в воздухе.

— Если извинишься, то я помогу его держать после суда, — усмехнулся Роб.

— Прости, — Эксаль ещё и руки скрестил, — Долли, детка, сколько ещё неприятных тайн ты знаешь? Перечисли, пока я не придумал... надавать по жопе тебе.

Я сглотнула и сгорбила спину, уронив голову в ладони.

— Я жаловалась только когда было совсем невыносимо, — ответила ему, — а он сразу отстал.

Потому что я ему прямо сказала, что мне не нравится. Меня тогда трясло от ужаса.

— Ненадолго, если он тобою представлен, как свидетель моей несуществующей измены, — кивнул муж.

— Он сказал, что видел все своими глазами, — пробурчала я.

— Свидетель, — судья обратилась к Робу, — мы будем рады вашим показаниям. Вы со стороны ответчика?

Роберто кивнул.

— Да, он поступил как козёл, — кивнул Роб, — и я им двоим сразу говорил, что им друг на друга лучше не смотреть, но кто меня будет слушать? — он усмехнулся, — представьте, ваша честь, — он кивнул на Эксаль, — этот к-хм... строящий из себя невесть какое благородство терпел три года откровенно злобную женщину, — смешок, — причем сам её себе навязал, подумал, что та станет адекватной и... прогадал.

— Роб, — закатил глаза Эксаль.

— Заткнись, — хмыкнул Роберто, — ты мне рожу начистил, а я был единственным, кто был очень против вашей пары, но не стал гадить! Понял? — ухмылка, — представили Инес, да? И тут появляется чисто чудо, — он несильно толкнул меня в плечо, — тихая, спокойная. Естественно, они не ссорились — он её первый год после свадьбы учил отвечать ему, а не соглашаться со всем подряд! Альба её натренировала кивать, как болванчик, а он пытался сделать из неё ту, кто снова будет ему возражать, и что? — смешок, — она наслушалась квакчания Альбы и его придурковатой сестры, с её конченным жадным мужиком, а после того, как её почти полностью сожрали они же, сбежала, вцепившись в первый попавшийся... как бы это сказать... знаете, когда вам твердят полгода о том, что ваш муж изменник, то вы и слушать не станете потом, вот, — кивок, — почему ты от той, прости... господи, сразу не отбилась?

— Ты не поверишь, — покачал головой Эксаль, — я не знал, что женщины умеют так присасываться. С такой силой. Я её ещё полминуты пытался от себя отлепить.

Роб хрюкнул.

— Слышала? — снова толкнул меня в плечо Роб, — ты серьёзно считаешь, что он стал бы спать с кем-то кроме тебя?

Я кивнула.

— Ты не видел тогда ничего, Роб, — надулась я, — а я видела и... до этого тоже было, когда к нему другие няни странно прижимались, а он мне потом говорил, что это случайность! Случайно? Тебя когда-нибудь кто-нибудь случайно целовал? — я полыхала, — и тут дело не в том, что я увидела — каждый в доме говорил, что он не только... делал всё, что я сказала, но и... фу-х! Что там было всё и... всяко... ты понял.

Роб закатил глаза.

— Долли, мы правда съедем от всех, кто тебе это говорил... — Эксаль.

— Чтобы некому было рассказывать? — повернула голову к нему я.

Он замер.

— Дол, будь в своем уме, — Роберто, — он даже Инес не изменял, хотя они вообще не спали после свадьбы.

— Роб! — рыкнул муж, — обязательно сейчас это говорить?

— Не изменял ей? — фыркнула я, — а я?!

В зале стало тихо.

— Нет, ну я не знаю, что тут сказать, — пожал плечами водитель, — если только ты расскажешь ей каждый день, когда ты и что делал... погодите, а камеры? По всему дому видеонаблюдение! Каждый день записан!

Мы с Эксалем оба взглянули друг на друга, смутились и отвернулись в разные стороны.

— Я выключил их для террасы и бывшей детской, в которой спальня и... та смая комната, где мы постоянно находились, — кивнул муж, — и не спрашивай почему — сам подумай, догадайся и промолчи.

Роб хмыкнул.

— М-да, — произнёс он, — не могли вы устроить себе спальню не в общей комнате?

— Роб, — поджал губы Эксаль.

— А терраса то тут причём? — не унимался водитель.

— Гамак, — подсказала я, потеряв красные щеки.

Роб хрюкнул.

— А я всё думал, как у вас так Холли так быстро получилась, — смешок.

— Я сейчас ударю тебя ещё раз, но теперь заслуженно, — прорычал Эксаль.

— Истец, — обратилась ко мне задумчивая судья, — я понимаю, что вы сейчас не станете раскрывать всех тайн того, кто до вас... домогался, но...

Я покачала головой.

— Всё было не так, — выдавила из себя я, — он был пьяный, попытался меня поцеловать... вы поняли, я его оттолкнула и убежала, — сглотнула вязкую слюну, — меня вырвало, я успокоилась, и он больше не подходил с... этим самым.

Эксаль скрипнул зубами. Судья кивнула.

— Могу я попросить вас рассказать об этом человеке подробнее? — женщина говорила мягко, — как вы познакомились, кем он приходится вашей семье и почему вы ему всё ещё верите и вызываете свидетелем?

Я кивнула, обняв себя за плечи.

— Хорошо, но... можно я останусь сидеть здесь, когда он зайдёт? — прошептала я.

— Он уже сбежал и не придет, Дол, — хмыкнул Роберто, — его явно впечатлил удар твоего мужа, который пришёлся по мне, а предназначен был для него.

Эксаль усмехнулся:

— Мама так просто этого не оставит, — он был доволен, — он всё ещё здесь.

— Но мёртв, так что тебе ничего не достанется, — поддакнул Роб, — Дол, давай свой рассказ, мне тоже интересно.

Я вынуждено кивнула.

«У мамы случился выкидыш. Не первый, естественно, с её образом жизни. И не последний, если думать с той же стороны. И у меня в голове от этого было столько неприятных мыслей, что мурашки бегали по спине, пока я слушала Агату, переодевала хнычущую младшую и заставляла себя не зевать каждые пять минут.

— Я вообще не верю одноклассникам, знаешь ли, — хихикнула сестра, — слишком уж какие-то они все хорошие и правильные! Вчера один сказал, что может меня проводить домой, если я боюсь ходить мимо нашего сквера. Ну, этого... где собаки бегают, его ещё по новостям показывали, помнишь? А-а... тебя же дома не было, когда показывали, мы с бабушкой смотрели... так вот, мальчишки у нас в школе странные. Не такие, как говорил

Паб и совсем не как...

Я не спала и часа за эту ночь. И они даже не пили. Пока она не разбудила всех криком, не сбегала до туалета и не... я вызвала скорую сама, за что конечно же получила, но так всё было хотя бы без моей помощи. Помню, года четыре назад было так же страшно — мне казалось, что мама умрёт, если не уедет в больницу. Но нет, они тогда пили, так что она немного помучалась с кровью и забыла.

А я не смогла. Мне всё ещё было страшно. Руки дрожали, поэтому Агата пыталась отвлекать меня болтовней о школе, пока я не передам младшую бабушке. Пока не уеду в спокойный дом Еррера, чтобы хоть там чувствовать себя лучше.

— Поговори с мамой, — попросила сестра, — мне сказали купить другие кроссовки на уроки. Потому что эти какие-то не подходящие. А она сказала, что мне и так кучу всего понакупили, и что я совсем зажралась!

Я прикрыла на секунду глаза.

— В субботу попрошу Роба нас отвезти, — пробурчала я.

Я последнее время решила оставлять себе немного денег на такие случаи. Копила их на зарплатной карте, но до этого момента они не пригождались.

— Может замуж за него выйдешь? — положила ноги на стену Агата, — он красивый, хоть и старый. У него вон какая машина! А ещё он добрый и на тебя не орёт, как Паб или папа. Он как мальчишки из моего класса — тоже скрывает, что дурак.

Я хмыкнула.

— Он мой друг, — ответила ей, — а ещё у него есть жена и скоро будет дочь.

Сестра поджала губы.

— Ну и что? — она ковыряла пальцем ноги стену, — была она, станешь ты. Ты же лучше!

Я помотала головой.

— Так нельзя делать, Агат, — я подала бабушке ребенка, — ты собралась? Роб уже подъехал.

Она ловко спрыгнула с кровати, схватила за ручку рюкзак и пошла следом за мной.

— Можешь остаться на своей работе, — бросила мне в спину бабуля, — мать сказала, что уже через час будет дома и тебе вечером все космы повыдирает из-за скорой.

Я устало вздохнула. И ничего не ответила. Только села на переднее сидение, посмотрела на заднее, где уже вовсю тараторила Агата, и пробурчала:

— Привет.

— ...столько кровищи было! — успела растрепать всё сестра, — Долорес такая ей: «Надо в больницу!», а мама: «Ты совсем рехнулась, идиотка?!» — очень эмоционально.

— И тебе доброе утро, Долли, — заставил меня обернуться не замеченный мной Эксаль, рядом со скривившийся от его фразы Агаты.

— Ты почему такой некультурный? — подвинула мужчину своим гигантским рюкзаком она, — тебя не учили, что перебивать нельзя?

Роб хмыкнул.

— Прости, пожалуйста, — с улыбкой кивнул Эксаль, — Роб, поехали.

— Я подумаю, — закатила глаза сестра, — так вот — Долорес такая бежит в соседнюю комнату за телефоном, — хихик, — он вообще-то мамин, но был у Пабло, потому что он по нему всю ночь с какими-то девушками разговаривает, и деньги тратит, за что мама его кухонным полотенцем бьёт, но не так как Долорес — Паб и в ответ может ударить, а Долли

только защищаться будет и молчать. Она знает какая сильная? Её как-то папа два часа пытался заставить сказать, где мамина заначка, так он ей два ребра сломал, а она так и не проговорила! — смешок, — но это не так интересно, потому что вчера было столько крови! Особенно когда скорая приехала было прикольно смотреть на их лица! Мама ещё так сопротивлялась, когда её Паб запихивал в машину. А всё потому, что они из-за того, что ей было больно и... кровяца была, они начали пить, вот Паб и подумал, что ему с бабкой больше достанется! А бабка ещё и отказалась из-за того, что Долорес должна была идти на работу утром, но Дол всё равно уснуть не смогла, потому что плакала, а бабка уснула, вот поэтому сестра и сидела с ней целую ночь. Ой, а вы чего не сказали, что мы приехали? — она повернулась к Эксалью, — Долорес, ты если подумаешь за него замуж выйти, то не надо — он мне не нравится. Он хамит и ещё тупит, так что выбирай Роба. И будь смелее, какая разница сколько у него жён, если есть ты?

— Иди отсюда, — послала её я, краснея ярче томата, — простите, пожалуйста. Я не знала, что вы поедите.

Дверь хлопнула — Агата вышла и подошла к моему окну.

— На самом деле он ничего такой, но я его для себя оставила, — «неслышно» прошептала мне сестра, — всё, пока. Я напишу этой твоей Альбе, когда домой приду.

Я кивнула.

— Ты живая? — спросил Роб.

— Интересная ночь у вас выдалась, — кривился Эксаль, — Долли, твоя сестра всё приукрасила, надеюсь?

Я поджала губы.

— Все хорошо, — ответила всем.

Хотелось ещё раз двести извиниться, но оба мужчины уже замолчали, поэтому и я ничего говорить не стала.

— Долли, почему именно тот район? — был задумчив Эксаль, — я плачу тебе столько, что можно снять квартиру где-то в более... удовлетворительном месте.

Роберто хмыкнул.

— Их семеро в семье, — ответил он, — работает только Дол, бабушка получает пенсию и не делится. Чего ты ещё хотел от них?

Я зло на него покосилась. Вот зачем он такое рассказывает?

— Отец? — ещё сильнее хмурился Эксаль.

— Зачем вам... вы это спрашиваете? — прошептала я.

— Ушёл от них, — отвечал Роб, — мать — сам слышал, что делает. Брат тот ещё говнюк, — хмык, — что старший, что младший. Оба предлагали купить у меня машину за три сотни. Как у них так слаженно вышло — ума не приложу.

Я совсем скисла. Ну и что он обо мне сейчас подумает?

— То есть семеро человек живут на две с половиной тысячи? — не понимал Эксаль.

— Это больше, чем когда мама и Пабло работали, — бурчала я, — а бабуля ничего не даёт, потому что нам хорошо и без её денег.

Сложившиеся домиком брови на лице Эксалья были самой красноречивой реакцией.

— Допустим, — кивнул он, — тебя кормим мы, — снова кивок, — чем питаются остальные?

Я пожала плечами.

— Обычной едой, — ответила без зазрения совести.

Роб тяжело вздохнул.

— Съезжай от них, Дол, — в который раз сказал он мне, — можешь пару месяцев пожить у нас с Ниной или у Ерреров. Потом сама поймёшь сколько денег ты тратила впустую.

Губы надулись сами.

— А как же дети? — прошептала.

— Сколько ты сегодня спала? — спросил Эксаль, когда мы останавливались у какого-то неизвестного мне длинного здания, — хотя, неважно. Роб, скажи маме, чтобы та дала ей отдохнуть.

Он вышел из машины. Мы почти сразу развернулись.

— Зачем ты всё рассказал? — спросила обиженно.

— Тут больше твоя сестра постаралась, — напомнил он, — но давай без глупостей, Дол. Эксаль хочет как лучше, а ты сопротивляешься.

— Он теперь подумает, что я... — слово так и не придумалось.

Усталость смешалась ещё и с грустью.

— Он подумает о том, что тебе нужна помощь, — прибавил газу Роб.

Я всё равно надулась. Я не рассказала бы, попроси меня кто-нибудь. А все вокруг привыкли говорить, что хотят.

— Ты можешь не тянуть их за собой, Дол, — мы заехали в гараж, — я слышал, что о тебе говорят все они. Это неправильно.

Я помотала головой.

— Неправильно говорить так, как ты сейчас, — я устало вышла из машины.

— Эксаль мне уже позвонил, — схватила мою руку Альба, — быстро завтракать и спать! Что это такое? — ворчала она, — расскажешь мне в подробностях, но только когда выспишься! Сегодня такой день, вернее вечер, а ты собралась выглядеть усталой? Я запрещаю тебе мне возражать! Долли, дорогая, сегодня семейный вечер, на котором будут все, а ты планируешь киснуть? Ну уж нет!

Она рывком посадила меня за стол.

— Омлет, чай и спать, — её глаза горели интересом, но она старалась молчать, хоть и жевала губы от нетерпения.

— А Франко? — взяла вилку в руку.

— Три горничные, бабушка и я, — сел рядом Роб, — думаешь такая толпа не справится с одним мальчиком?

При слове «бабушка» Альба зло на него посмотрела, но промолчала, вернув внимание мне.

— Сын не стал рассказывать, что произошло, но сказал, что разберётся, — важно кивнула она, — Долли, в общих красках...

— С чем разберётся? — не поняла я.

— Схожу за малышом, — сбежал Роберто.

Альба поджала губы.

— Ладно, не будем о грустном, — кивнула она, — поднимайся наверх. Я разбужу тебя, когда станет нужно.

Я помотала головой.

— Я в порядке, — попыталась выдавить улыбку.

Женщина сощурилась.

— Бедный ребенок, — вздохнула она, — кто научил тебя мучить себя до такой степени? — поднялась на ноги, — принесите плед на диван в гостиной! — приказ горничным, — ляжешь отдохнуть здесь. Вместе с Франко. А мы будем рядом.

Через двадцать минут бубнежа по телевизору я отключилась, прижимая малыша к себе и слыша тихое сопение в мою щеку. Разбудил меня ласковый детский пальчик, метко, но не больно ткнувший в глаз.

— Ох и надаю я тебе по голове, если ты её разбудишь! — шипела Альба.

— Мама, а ты уверена, что ты правильно поняла кто именно из нас твой ребенок? — хмыкнул Эксаль из другой комнаты.

Я слышала их негромкие переговоры.

— Мой ребенок точно не стал бы спорить и делать так, как мне не нравится! — шипела женщина, — а ты, в отличие от милой маленькой Долли, хамишь мне и перечишь.

Мужчина тяжело вздохнул.

— В этом и смысл, мама, — он кивнул, — ты платишь ей деньги, чтобы она была послушной. А я даю деньги тебе, — смешок от него, — по твоей логике слушаться меня должна ты.

От Альбы долетел возмущённый «Ах!». Я села с улыбкой, пригладив на голове Франко растрепавшиеся после сна волосики. Почему-то он был не таким крикливым и требующим внимания, как наша младшая. Как все дети, с которыми мне нужно было сидеть.

— Вы с сестрой — образец того, как неправильно я воспитала детей! — надулась Альба, а после заметила сонно прошедшую к ним меня, — Долли, — вскочила зачем-то она, — как ты себя чувствуешь? Отдай малыша отцу, а сама поднимайся наверх. Пора переодеваться.

Эксаль в этот момент спокойно пил чай, так что мешать ему не хотелось.

— Лучше мы сами поднимемся поиграть, — развернулась я, — и простите, что так сегодня вышло.

Альба закрыла рот рукой. Может не хотела сболтнуть лишнего? Но ей точно успели рассказать то, что наболтала тогда в машине моя сестра.

— Я с вами, — взял с собой кружку Эксаль, — Долорес, обмен — я тебе чай, ты мне сына.

Спорить я не стала.

— Так не пойдёт, — остановила нас Альба, — Долли нужно надеть платье, а Франко пусть сидит с тобой! Не стесняйся, милая, — ко мне, — Карина с мужем и малышкой Триси уже на подходе!

— Действительно, — усмехнулся Эксаль, — тебе же нужно похвастаться новой заводной игрушкой, да, мама? Не в обиду, Долли, но кукла вышла из тебя на удивление отличная.

Похвалил он меня или обидел, я так и не поняла. Просто передала ему Франко и нахмурилась.

— Будет у тебя дочь, тогда и скажешь мне, что думаешь, — Альба схватила меня за руку, — пойдём, дорогая. Я передумала насчет тех туфлей, поэтому купила немного другие. Бантики и в самом деле были несуразные. Но цвет!

Я с мольбой глядела на качающего улыбочивого малыша Эксаля. Когда я видела его таким, могла думать лишь о том, что это странно — никогда не видела мужчин, которые добровольно были готовы водиться с собственными детьми. Выглядело это ужасно непонятно.

— Да, Долли, — остановил нас мужчина, — на пеленальном столике в детской лежит листок с номером телефона твоего отца, — он внимательно смотрел на меня, — я обдумал твоё семейное положение, изучил варианты, при которых твоя жизнь улучшится, и нашёл один вполне сносный, — он улыбнулся, — твоя мать не получает алименты на детей? Она могла бы оформить их и на себя, если бы они с твоим отцом находились в браке.

Мы с Альбой переглянулись.

— Он сам у нас деньги вору... берёт. Ему не с чего платить нам, — пробурчала я.

Эксаль поднял бровь.

— Ты ничего не знаешь о нём, я правильно понял? — будто и не спрашивал мужчина, — твоя мама по глупости записала всех детей на себя. И в этом есть некоторая проблема, которую можно решить тестом... к-хм, вернее тестами на отцовство. На тебя и ещё на троих детей.

Я помотала головой.

— Отец что-то такое говорил, — вспомнила я, — мама сказала, чтобы он пошёл... куда-нибудь подальше от неё.

Теперь мужчина нахмурился.

— Почему? — не понял он.

Говорить ему, что она сомневается, что дети от него, было бы странно. Поэтому я пожала плечами.

— Так или иначе, но у твоего отца сейчас новая семья, — Эксаль удивил меня, — он женат более пяти лет, что тебе явно было неизвестно. Уточню — у него есть стабильный заработок, превышающий ваш в два раза, треть недвижимости в более уважаемом районе и личный автомобиль.

Он врал. Я точно знала. Да не могло у того бомжеватого алкаша быть столько всего! Да ещё и жена с машиной! Не-ет. Он раз в полгода приходил к нам пить, забирать деньги и бить всех подряд.

— Я веду к тому, что мы вполне можем нанять тебе адвоката, сделать тест ДНК и обязать твоего отца платить тебе алименты, — сел на свой стул Эксаль.

— Мне? — переспросила я.

— Тебе, Долорес, — повторил он, — я не настаиваю, но способен посодействовать в этом деле.

Я медленно помотала головой.

— Не надо, — поджала губы, — можно мне идти?

Мужчина дернул щекой.

— Долли, по какой причине ты отказываешься? — сверлил меня глазами он, — тебе будет лучше, если я помогу.

— Вы его не видели никогда и не знаете, — дрожал мой голос, — мне от него точно ничего не нужно.

— Какая ты гордая! — восхитилась Альба.

— И глупая, — отвернулся Эксаль, — скажи мне, если передумаешь.

Щеки стали красными. Почему это я глупая? Что я такого сделала?

Пока Альба одевала меня в то самое розовое платье и туфли, я понимала, что расстроилась сильнее, чем обычно. Эксаль всегда говорил что-то обидное прямо и иногда не понимал, что не так. Мог извиниться, но всё равно не знал за что.

— Тебе понравится Карина, — радовалась Альба, пока разглядывала меня перед

зеркалом в ещё одной комнате, только в этот раз соединенной стеной с детской, — она так же пряма и упряма, как её брат, однако в ней намного больше понимания, чем в нём, — она кивнула, — она очень милая, добрая и любит своего мужа! — женщина мне подмигнула, — они самая лучшая пара, которую я когда-либо видела! Ах, а их доченька! Знаешь, Долли, когда у двух прекрасных людей появляется малыш, то рождается как минимум ангелок, — она довольно кивнула, — вот и Трисси была рождена не иначе, как с нимбом!

Когда мы спускались на первый этаж, там уже был накрыт длинный общий стол, за которым сидела белая как мел Инес, а Эксаль и Роб отвлекали Франко от хныканья.

— Го-осподи, — протянула Инес, — на тебе взорвался тюбик с розовой пылью фей? — скалилась она, — Долли, мой тебе совет — шли бабку в зад, снимай этот ужас и беги от неё подальше!

— Заткнись! — приписала еще пару матерных слов Альба, — когда же ты... фу-х! Надоела! Долли, не слушай ее — вкус у женщин из низшего слоя появиться не может, засунь её хоть в Шанель, хоть в Диор!

По лицу прошла волна холода. Роб тяжело вздохнул и позвал меня к ним. Стоило мне сесть, как я решила спрятаться от всех за потянувшим свои ручки ко мне Франко.

— Не хочу вносить больший раздрай, однако, мама, это и в самом деле перебор, — закинул ногу на ногу Эксаль, — ей же не десять.

Альба закрыла глаза от злости.

— Вы двое можете быть довольны хоть от чего-нибудь?! — взвизгнула она, — я уверена, что нет! Так что прошу вас не высказывать своё мнение тогда, когда в нём никто не нуждается! — её грудь сильно вздымалась, — Долли, не слушай никого, у них помимо вкуса нет ещё и совести!

Я пыталась сдержать слезы. В груди как-то неприятно давило, а искусанным губам стало ещё больнее, когда на них сжались зубы.

— Платье как платье, — пожал плечами Роб, — вы чего-то сегодня все нервные. И решили вцепиться в самого беззащитного, — он мне улыбнулся, — Дол, ты в любом платье крутая. А они все психуют из-за приезда её величества Карины с её придур...

— Не смей! — рыкнула, садясь за стол подальше от Инес Альба, — ещё хоть слово, и ты выйдешь вон из столовой!

Роб обрадовался:

— Так давайте я пару слов брякну, чтобы наверняка.

— Обойдёшься, — хмыкнул Эксаль, — «получать удовольствие» один я не... желаю. Поэтому сиди и готовься к страданиям.

Роб постукал себя по карманам.

— Опять карты? — предложил он, — Дол, присоединишься?

Я помотала головой, кивнув на Франко.

— Он тоже волнуется, — произнесла и достала из корзинки с игрушками рядом грызунок, который малыш с радостью забрал у меня.

— А мне нравится Карина, — была довольна Инес, — самоутверждаться на её фоне легче, чем с Долли, — кивок, — хотя, если честно, с Дол скучно — она не отвечает, а иногда даже поддакивает. Может начнёшь хоть немного думать, м? — мне, — иначе так и придется всю жизнь мыть кому-то задницу, кивать на что-то тупое и улыбаться по требованию.

— М-м, — кивнул Роб, — это же не твоя завидная жизнь, в которой ты... что? Погоди, а что ты делаешь? Ну кроме как лжешь и ведёшь себя как конченная мразь?

Эксаль нахмурился. Альба так широко растянула свою улыбку, что, казалось, её рот порвётся.

— «Болеет»! — громко пророкотала женщина, — такая несчастная лебедушка! Того и гляди свалится со стула от адской боли!

Это было неприятно — Инес однозначно выглядела нездоровой. А сейчас ещё и побледнела.

— Вы и правда сегодня все очень злые, — попала в тишину я, — зачем вы так с ней?

Четыре пары глаз посмотрели на меня.

— А вы спрашиваете, почему она нашла общий язык со всеми, — закатила глаза Инес, — пока её топтали и ругали, она придумывала кого бы защитить!

Она рассмеялась. Почему-то приятно мне от её смеха не стало. Как и всем, кроме Инес.

— А что касается тебя, идиот... — девушка повернулась к Робу, но договорить не успела.

Дворецкий Алехандро рывком открыл дверь и поздоровался с... девушкой. На вид ей было лет двадцать пять. С длинными наращенными ресницами, недовольно поджатыми пышными губами и тёмным высокомерным взглядом. А ещё с какими-то странными прилизанными крашеными в серый волосами почти по пояс. Неприятная уже по виду, а ещё явно злючая.

— Бесит эта жара! — она начала с возмущения, — Трис всю дорогу до вас пинала моё кресло и орала, будто её режут, — она усмехнулась и процокала каблуками до Альбы, — мама. Брат тебя все ещё ущемляет, не разрешая сидеть во главе стола?

Эксаль зевнул и положил карту напротив Роба.

— И тебе привет, сестра, — протянул он.

— Кариночка! — обняла дочь Альба, — всё хорошо? Вы в порядке? Триси не сорвала горлышко?

Заставил их замолчать детский рёв с улицы, который перекрыл мужской голос:

— Заткнись и иди быстрее! — явно толкнул девочку лет четырех в дверь мужчина.

Лет сорока, пузатый к-хм... откровенно жирный, с каким-то сильно кудрявыми волосами и... красивым лицом. Ужасно старым и толстым, но не страшным точно.

— Хьюго, не раздражай, — закатила глаза Карина, пока её дочь, начавшая орать ещё громче, не подбежала и с размаху вlepила отцу по коленке, — Англия нам не понравилась, кстати. Погода выдалась пасмурной... — она села рядом с радостной Альбой, — ну я рассказывала тебе по телефону. И чего все сидят не за столом?

Маленькая Триси в этот момент села на полу в прихожей и продолжила уже рычать, а не плакать.

— Здравсьте, — кивнул всем муж Карины, подойдя к Эксалью для рукопожатия, — твой тоже вырос, — кивнул в сторону Франко, усмехнулся и сел рядом с женой, — нет желания вернуть всё вспять и отказаться, как я говорил?

Эксаль закатил глаза.

— Нет, — фыркнул мужчина, — я тебе и тогда сказал, что ты терпеть детей не можешь. Нет разницы твой он или чужой.

Я улыбалась тому, как Франко замороженно оставляет слюни на грызунке, своей кофточке, мне и вообще не всем вокруг.

— Ещё бы ты его не любил, — расселся на узком для него стуле Хьюго, — это ж пацан. Наследник, а не...

Он скривился и взглянул на свою дочь, которая сейчас спокойно водила пальчиком в воздухе, пока лежала на полу и глядела в потолок.

— Да и с няней каждый может, — оглядел меня Хьюго, — если только нормальной.

— Вот ищи и плати няне сам, понял? — быстро жевала Карина, — у тебя деньги есть кому-то платить? Да ещё и чужой человек дома. Хрен тебе.

Её муж посмотрел на неё как на дуру. Триси вскочила на ножки, загундела и добежала до Альбы, шлепнув по руке и её.

— Иди отсюда, — отправила дочь Карина, — иди вон...

— С няней поиграй, — прибавил мне работы Хьюго, — и братом двоюродным.

Мне захотелось взять Франко и уйти на второй этаж. Вот только меня никто не спрашивал, а девочка сама не захотела подходить. Только иногда выглядывала из-за кресла матери на нас.

— Ничего не меняется, — пробурчала Инес.

— Ты ещё не сдохла? — враз спросили Хьюго и Карина.

— Не дождётесь, — хмыкнул Роб, — ты продул, — он поднял глаза на Эксаля, — уже три евро с тебя.

— Два, — поправил его второй игрок, — у тебя был минус один в прошлый раз, я тогда победил.

Франко зевнул. Я решила покачать его.

— Что за семейный ужин, если вы будете сидеть там? — позвала мужчин Альба.

— С этого ракурса жизнь кажется цветной, — хмыкнул Эксаль, — Долли, ты его качаешь или делаешь жизнь веселее?

Франко почему-то решил, что мои покачивания должны быть со смехом. Нам двоим точно всё нравилось.

— Не знаю, — продолжала я.

Триси из-за спины матери теперь смотрела с завистью.

— Вам не кажется, что она мелковата для няни? — Карина спросила так, будто меня здесь не было, — сколько ей?

— Шестнадцать, — улыбнулась Альба, — милая девочка. Понятливая, хорошая и правильная. Мы с ней легко нашли общий язык.

Сестре Эксаля это не понравилось.

— Лучше бы в другое место деньги потратили, — пробурчала она, — давно ты думал о том, как живёт твоя племянница?

Она сузила глаза на Эксале.

— Секунду назад пронеслась мысль о её воспитании, которым ты пренебрегаешь, — хмыкнул он, — и о количестве денег, которые вы действительно тратите на неё, — он посмотрел на сестру в упор, — хочешь поговорить об этом?

Карина поджала губы. Альба вскрикнула:

— Эксаль, возьми себя в руки и не хами! — женщина начала активно пилить мясо в своей тарелке, — что насчёт Британии, милая?

За неё ответил Хьюго:

— Мы летели бизнес-классом. Даже не первым.

— Называется «Почувствуй себя нищепродом», — покивала Карина, — да, братик?

Эксаль снова хмыкнул.

— Вы оба не работаете, счета пустеют, — ему было плевать, — можно и головой начать

думать. Как минимум экономить. Ты же не думала, что я буду тянуть тебя всю жизнь?

В комнате стало тихо. Только Карина скрипела зубами.

— А вот не надо считать наши деньги, — пробурчал активно жующий Хьюго.

— Ты что-то сказал? — хихикнул Роб.

— Вот именно! — взорвалась Карина, — считаешь наши деньги, а сам... шикнешь здесь по полной!

Эксаль усмехнулся.

— Да-а? — протянул он, — не стану тебе напоминать, что я ещё обеспечиваю маму и счета Трисы, как тот самый дядя, который «ничего для неё не делает».

Хьюго злобно смотрел на него из-под бровей.

— Наследство вашего отца было изначально разделено неправильно, — он как-то неприятно жевал.

Меня даже немного тошнило.

— Замечательные регулярные споры для семейного собрания подъехали, — Эксаль весь развернулся к Хьюго, — а как было бы правильно? Отдать всё вам? Или, вернее, тебе, Хьюго?

Альба внимательно следила за каждым их словом. Муж Карины опустил взгляд к тарелке.

— Я не претендую, — пробурчал он, — я же для жены.

Роб хмыкнул.

— Всё было поделено пополам, — кивнул Эксаль, — хотя в завещании отец ясно написал, что имущество и счет целиком получаю я. Ещё вопросы? Это была моя инициатива с разделением, — он скрестил руки на груди и расплылся в ехидной улыбке, — мы и поделили. Прошло пять лет — вы успели просадить многомиллионный капитал. При чём здесь я и то, что у меня есть?

— Сын, грубо, — тоже не смотрела на него Альба, — она же твоя сестра.

— Они пытаются выпросить у меня денег, — казался выше всего этого Эксаль, — я зарёкся этого не делать. Я похож на того, кто отойдёт от своих же решений? — он подался ближе к Карине, — у меня теперь тоже есть сын, тебе нечем давить на жалость. Условия одинаковые. С мамой мы всё решили ещё до твоего приезда — она тоже хочет вкусно жить рядом со мной и не думать, чем ей оплатить счета. Ещё вопросы?

— Почему, если всё было разделено поровну, то у тебя всё лучше, чем у нас, и денег становится больше? И-и долгов нет! — завопила Карина.

Эксаль закатил глаза.

— У мужа своего спроси — он любит совать нос в мой карман, а значит точно знает больше меня, — хмыкнул мужчина, — Долли, иди поешь. Отдай мне Франко.

Я быстро замотала головой — туда, где все ругаются я совсем не хотела.

— Это нечестно ещё и потому... — тяжело дышала Карина, — потому что ты всё с самого начала понимал и... знал и... что куда с деньгами делать, а я... мы...

Эксаль злился. Сжимал челюсти и психовал, пытаясь сдержаться.

— Получается, твоё нежелание учиться тогда стало причиной платить тебе сейчас? — спокойно спросил у сестры он, — тебе и твоему... мужу. Про Трисы... да, кстати, Трис, вон там, в прихожей лежит подарок для тебя. На столе, — он снова посмотрел на Карину и ухмыльнулся, — ну разве я не замечательный дядя?

Трисы шуршала упаковкой, снова сидя на полу. Подаренное её явно не радовало, но

было интересно.

— Брат ты точно конченный! — фыркнула Карина.

— Я и с прошлого твоего приезда это не забыл, — вернулся к картам Эксаль.

А я подумала о том, что у них было всё так же, как у нас. Мы с Пабло терпеть друг друга не могли, мама пыталась меня защищать, а остальные молча наблюдали. Только тут Эксаль работал и давал всем денег, а не я. Мне было приятно, что мы так с ним похожи.

— Мне казалось, что вы разводитесь, — будто напомнила всем Инес, — в прошлый раз оба орали и делили имущество, вплоть до нижнего белья.

Она была счастлива от обсуждения чужой жизни.

— Ты же клялась, что не протянешь и месяца, — бросила на неё смешливый взгляд Карина, — мы все было понадеялись, что ты умрешь.

— Ага, — хрюкнул её муж, — ставки были на прошлые полгода, — смешок, — когда тебя ещё на скорой увозили полудохлую, — он сверлил её дьявольским взглядом, — надежда была, что Альба отмучилась наконец-то. Сейчас что думаешь? Давай быстрее. Мы заждались.

Я нахмурилась. Так открыто смерти не желал мне даже Паб, а он был очень жестоким.

— Скорее ты сдохнешь от ожирения, Хьюго, — высокомерно ответила Инес, — или от тупости, тут как посмотреть, — ехидство, — я, кстати, всё думала над твоим предложением... — она задрала подбородок, — и решила, что отвечу лучше сейчас, чтобы все слышали! — она оскалилась, — я, конечно, та ещё сука, но спать с тобой — это предел мерзости. Жена твоя тебе совсем не дает? М? — она рассмеялась, — да и мозгов у меня хватает понять, что тебе нужны деньги после моего развода. А сама я как-то не очень.

Инес ждала скандала. Переводила взгляд на каждого из присутствующих.

— Отличная идея, — закатила глаза Карина, — тебя всё ещё под горло давит наша с Хьюго счастливая семья? У самой всё не получается, значит нужно всех вокруг рассорить.

— Змея подколотная, — поддержала дочь Альба.

Хьюго расплылся в довольной улыбке.

— Ты думала, что кто-то поверит в твою блажь? — всё ещё чавкал он, — тебя даже попользовать было бы стрёмно.

Франко на моих руках медленно закрывал глазки. Триси же бросила свой подарок от Эксаля и села на кресло напротив нас, чтобы разглядывать меня и то, как я качаю её двоюродного брата.

— Ладно, — пожала плечами Инес, — были мысли, что мозгов у вас поверить мне не хватит. Но ты меня точно вспомнишь, когда он хоть раз попадётся. Будешь опять орать, что твою «счастливую» семью рушат. Говорю же — тупая.

— Хочешь что-то сказать? — лениво спросил у наплевательского Эксаля Роб, — тут даже я удивился, что она в чужие штаны не полезла!

— Ты проиграл, — усмехнулся Эксаль, — и нет, мне, если ты не понял, нет дела до того, что у них происходит.

Роберто фыркнул.

— Я тоже так подумал, — хихикнул он, — ты же заключил брачный договор с Инес. Да, представь себе Хьюго. Она вообще ничего не получает после развода. Думаешь, она просто так сидит здесь? Он оплачивает ей врача только в благодарность за Франко. Ну или из жалости, — смешок, — так что тебе никак не добраться до денег Эксаля, — он хихикнул, — хотя... — взгляд на меня, — вот женится он на Долли лет через пять, отпишет на неё все

дворцы-пароходы, тогда и... а, нет. Дол ты точно не понравишься.

Я была краснее красного, тяжело дышала и... сердце колело как-то странно. Эксаль состроил брови домиком, удивляясь.

— Угу, — улыбнулся мне тот, кого я точно любила, — а ещё у нас будет дочь, мама будет счастлива, Инес резко выздоровеет, Хьюго перестанет быть жадным ублюдком, Карина прозреет, а ты... — на водителя.

— А у меня всё останется как есть, — улыбался Роб, — у меня, знаешь ли, замечательная жизнь. В отличие от вас всех, — смешок, — но я, если что, пошутил про Долли. Она явно не заслуживает терпеть тот ужас, что вы ей подарите при входе в семью. Да, Дол?

— Староват я как-то для... шестнадцати лет, — мило улыбался мне ничего не понимающий Эксаль.

— Семнадцати через две недели, — вспомнила про мой день рождения какая-то задумчивая Альба, — господи, почему я сама про это не подумала?

Все нахмурились.

— Малолетнюю няню в жены ему? — смеялась Карина, — это, конечно, мой брат, который... иногда себя ведёт как придурок, но... даже я бы ему такого не пожелала.

— Я ещё живая, если вы не заметили! — разозлилась Инес, — и вы... — к Альбе, — тон у вас какой-то был нихрена не шуточный. У вас ещё нет маразма? Я думала, что вы сами по себе... такая.

— Без перегибов, — строго взглянул на жену Эксаль.

Та дёрнула головой и отвернулась ото всех.

— Это только шутка, — поднял ладони Роб.

— Мама, — внимательно посмотрел на Альбу Эксаль, — она — маленькая глупая девочка, которой повезло встретить тебя и твои... вкусы. И я делаю то, что ты просишь в её отношении. Однако лично ко мне это никак не относится.

Я сглотнула вязкую слюну.

— Я думала, ч-што мы друзья, — дрожал мой голос.

— Так и есть, Дол, — ответил за него Роб, — зачем ты это сказал?

— Что именно? — не обращал внимания ни на что, кроме карт, Эксаль, — вы же не совсем рехнулись, думая, что у меня будут о ней мысли, кроме как о няне для моего сына, и о девочке, которой нужна помощь?

Триси медленно прокралась к коробке с игрушками для Франко мимо меня.

— Давай я помогу, — встала я, — чтобы ты не уронила коробку на себя. Она стоит высоко.

Я отдала ей игрушки, пока она с непониманием глядела на меня.

— Там всё для младенцев, — остановил девочку Хьюго, — так что поставила её на место, быстро.

Я пыталась не думать о словах Эксаля.

Поэтому я сперва не поняла, что тот приказ Хьюго был сказан мне, а не Триси. Он смотрел именно на меня.

— Вы точно не можете разговаривать со мной в таком тоне, — проямлила я, — я работаю не у вас, и вы...

— Что ты вякнула?! — дернулась Карина.

Она, видимо, всегда его защищала.

— Он обратился к тебе?! — как-то опасно выпрямился Роб, — слушай ты...

— Тихо, — спокойно произнёс Эксаль, отчего все почему-то сразу умолкли, — первое — Хьюго, приказы раздаешь у себя дома. Мы это обговаривали, ты клялся, что осознание до тебя добралось. Я ошибся в тебе? — он сузил глаза на мужа сестры, который недовольно мотнул головой, — замечательно. В таком случае заткнись и продолжай есть мою еду в моём доме молча, — поворот ко мне, — Долли, возьми Франко, Триси и игрушки, и отправляйся наверх. Этот вечер тебя явно... утомил.

Я сразу же встала.

— Я с ними, — понял, что можно сбежать, Роб.

— Занято место, — махнула на него тощей рукой Инес, — я и в самом деле сдохну, если останусь здесь ещё хоть на секунду.

Я протянула руку Трис. В то же мгновение она по ней шлёпнула. Да ещё так больно! Размахнулась она хорошо.

— Роб, помоги Инес, — Эксаль тяжело вздохнул, затем быстро схватил коробку, племянницу и меня в охапку, чтобы направиться наверх.

— Ага, ещё чего! — фыркнула сама Инес, — подойдешь ко мне, чёрт тебя дери, и я вилку тебе воткну к-куда-нибудь!

— Психопатка, — Роб ждал, пока девушка устало дохромает до лестницы.

Мы в этот момент уже входили в детскую, где я уложила в кроватку спящего Франко, пока Эксаль вёл воспитательную беседу с Триси:

— Постарайся подружиться с няней Долли, — сел на корточки напротив неё мужчина, — я уверяю тебя, что она хочет играть с тобой так же интересно, как я. Она не станет тебя обижать, но сможет обидеться, если это будешь делать ты.

Девочка улыбалась, прижав свой лоб к его и весело вертясь при этом.

— Немного посижу с твоими родителями и тоже приду с тобой играть, — поднялся он.

— Хочу сейчас! — ломано произнесла Трис.

— Я тоже, — улыбнулся он ей, — но твоя мама мало кого спрашивает о том, чего хотят они, поэтому давай я попрошу твоего папу оставить тебя на эту неделю, а ты пока подружись с няней.

Девочка помотала головой и надула губы:

— Они все злые! — захныкала она.

— Долли не такая, — он открыл дверь, и нам стало отчётливо слышно, как Инес шипит на Роба:

— ...затупила! Ну ошиблась раз, и что? От того, что я оступилась, ты сделал трагедию века, обиделся и сбежал! К-как... как трус. Побоялся ответственности за Франко? Зачем тогда сам лезешь сейчас к этой... господи, как её там зовут? Ты даже женился на ней назло мне! И этот ребёнок, о котором ты болтаешь без остановки... что тебе даст то, что твоя эта... родит? И что? Ты делаешь вид, что тебе плевать на меня, но я-то вижу, что ты сам себе врешь! Я выбрала тебя, Роб. Изначально. А ты сбежал и всё испортил. И причины придумывал тупые. Чужой ребенок? Ты тогда не мог знать, что он не твой!

Эксаль закатил глаза. Я села на пол, вытащив игрушки из шкафа и улыбнувшись Триси.

— Всё сказала? — усмехнулся Роберто, — тогда шагай активнее. Слушать твоё нытье, будто тебя все вокруг неоправданно обвинили, надоело.

— И в чём же я виновата? — хмыкнула Инес, — в том, что он меня использовал? Или в том, что ты...

— Он женился на тебе, дура, — напомнил ей Роб, — лечит тебя, даёт денег. Терпеть тебя не может, но терпит. А ты всё ещё винишь его в том, что он не стал за тобой бегать. Ха! Ты не работала и дня в своей жизни, Инес. И, знаешь, всем уже абсолютно плевать, что ты сделала тогда. Все поняли кто ты, смирились и забили. Только ты сама продолжаешь трепыхаться.

Смотрящий на них от двери Эксаль скрестил руки на груди.

— Вы закончили? — зевнул он.

— Надеюсь, — пробурчал Роб, — ты не боишься оставлять Трис с Долли? Она меня в прошлый раз так больно по лицу шваркнула своей ручонкой, что голова ещё неделю болела.

Я похлопала по ковру рядом с собой.

— Почему вы меня бросили? — прогнусавила Инес.

— Все терпеливо дожидаются, пока ты дойдёшь, — ответил ей Эксаль, — Триси с няней уже играют.

Девочка и в самом деле вручила мне куклу, пока сама начинала строить для неё домик.

— Почему всем на меня плевать? — ухватилась за край двери Инес, — разве я это заслужила?

— Конечно ты не заслужила того, что для тебя делает твой муж, — хрюкнул Роберто, — ты секунду назад пыталась... слушай, а чего ты вообще этим добивалась? — он встал рядом с Эксалем, — ну брошу я Нину с нашей дочерью. Разведусь, и в самом деле стану конченным идиотом и мразью. Прощу тебя. Что дальше?

— Роб, — устало направился по коридору Эксаль, — ты уверен, что хочешь это знать?

Инес недовольно легла у себя в комнате.

— Пошли вы, — прошипела она, — лишь бы поиздеваться!

— Так я спрашивал, чтобы она поняла, что она сама не знает чего ей надо, — закрыл за ними дверь Роберто.

— Мне надо знать, что ему так же хреново, как мне! — рыкнула Инес, — считает себя хорошим... ага! Ты и есть конченная мразь, понял?!

— Они уже ушли, — я подала Трис кроватку для куклы, — постелем ещё сюда вот этот матрасик, чтобы ей было удобно? — спросила у девочки про куклу, — я когда эти игрушки увидела, так и подумала, что они твои, — улыбка, — скажешь, как назвала свою куколку?

Триси меня боялась. Из-за этого смотрела исподлобья.

— Паула, — забрала у меня игрушку Трис, — хочу пить.

Я пошла в ванную, думая только о том, насколько спокойной стала девочка без родителей. Хотя, таким маме и папе самой хотелось грубить».

— Какие отношения у вас складывались с сестрой вашего мужа? — спросила судья.

Я пожалала плечами.

— Сперва она меня не замечала, когда я была няней, — я задумалась, — будто меня и не существует. Когда мы поженились с Эксалем, она стала меня ненавидеть. Всё.

— Она так со всеми общается, — поддакнул Роб, — зайдёт скоро как свидетель, и вы сразу поймете.

— Карина сложный человек с таким же характером, — кивнул муж, — однако следует учитывать, что на неё негативно воздействует её муж. Те разговоры о деньгах каждый раз провоцировал он, я в этом убежден. Сестре всегда было не до таких... мыслей.

Он всё ещё внимательно смотрел на меня. Наблюдал так же внимательно, как когда я рассказывала. Я боялась сказать что-то не так, когда он был таким.

— У меня уже есть выводы для вас истец, — неожиданно произнесла судья, — я могу сказать их, не дослушав истории.

— Снова выдадите что-то на эмоциях? — едко усмехнулся Эксаль, — мы это уже проходили. И если вы промолчали, значит приняли тот факт, что были неправы.

Женщина было открыла рот, как её остановил Роб.

— Я видел, что происходило с тобой за эти две недели, — обратился он к Эксалью, — и меня реально бесило то, как ты поступаешь. Что с Инес, хотя она заслужила. Что с Дол, — он поймал на себе его злющий взгляд, — но я понимаю, что для тебя сейчас рушится то, что ты строил все эти годы. Так что... мой тебе совет — заткнись. Или контролируй слова, пока твоя жена не решила, что тот нервный психоз, который ты сейчас показываешь, вызван тем, что ты с кем-то шляется и не хочешь признавать.

Я встала и вернулась к стойке. Они остались на креслах.

— А теперь посмотрите оба с моей стороны, — усмехнулся Эксаль, — у меня была няня.

Я не сдержала улыбку.

— У твоего сына была няня, — засмеялся Роб.

— К своим словам придерись! — рыкнул на него откровенно злой Эксаль, — так вот. Няня. За те два года, что она находилась в моём доме в этом статусе, я прошёл несколько стадий отношения к ней. Первая — ребёнок, который каким-то мифическим образом умеет возиться с ещё меньшими детьми. К ней у меня были жалость и лёгкий негатив. Я терпел её только потому, что она справлялась со своими задачами, но самым главным было то, что она нравилась впервые отвлекшейся от меня маме, — он усмехнулся, — моя испорченная по её мнению жизнь резко ушла на второй план, скрывшись за спинкой неуверенной и влюблённой в меня девочки. Вторая стадия мучала меня целых полгода. Не переживайте, мы ещё дойдём до неё в рассказе моей жены, но я скажу обтекаемо: тот вечер, когда приезжала Карина, стал чем-то вроде грани, которую вся наша семья пересекла. Мама поняла, что почти семнадцатилетняя Долли вполне себе прекрасная невестка, Роб осознал, что мне лучше рассказать о том, что у меня есть весьма обидчивая поклонница, Инес принялась ревниво следить за каждым моим шагом, а я... — он как-то нервно рассмеялся, — первые полгода после дня рождения Долли я сводил всё в шутку, — он резко стал серьёзным, — после стало как-то не смешно. Когда тебе со всех сторон твердят только о конкретном

человеке, сам начинаешь думать только о нём, — он сузил на мне глаза, — я старался свести всё в дружбу. Знали бы вы насколько я старался, — усмешка, — как вы поняли, у меня не получилось. Понятия не имею, но... хотя, знаете имею. Долли смогла бы пробраться в голову любого, кого она когда-либо видела. А я провёл с ней несколько лет в одной комнате. И третья стадия — я был уверен, что женюсь на ней в тот самый момент, когда она мило улыбнулась мне на свой восемнадцатый день рождения, — тяжёлый вздох, — быстро менялся я, но Долли делала это невероятно долго. То, что вы видите перед собой сейчас, ничто иначе как образец моих трудов. И я не идиот. Пытался отгородиться и воспринимать поведение членов моей семьи через призму принятия. Но нет. Моя мать решает всё хитростью и не видит чужого мнения, Роб суёт нос в любой вопрос, который кажется ему интересным, Карина слушает своего мужа-урода, а Долли верит в небылицы и любит пострадать. Вот и все выводы, — к Робу, — и я с чистой душой могу послать тебя сейчас к чёрту. Контролировать слова? — смешок, — эта маленькая бессовестная... стервозка, — он указал на меня, — не слушала меня две недели, убежала и... спёрла детей, — он пытался говорить мягко, — пока я как идиот бегал за ней, думая, как бы она не влипла в какую-нибудь историю похлеще, чем те, что приключались с ней в прошлом! Поэтому нет — я, чёрт тебя дери, не заткнусь, Роб. Я сделаю всё, чтобы она вернулась домой, поняла, насколько она успела на мне поездить, а после того, как до неё дойдёт, оборву каждый узелок, который успела затянуть на моей шее моя проклятая семья!

Я посмотрела на него круглыми глазами.

— Что, Долли? — ехидно улыбнулся он, — слёзки ты больше не пускаешь, бровки домиком стоят по другой причине. Начала улавливать мысль, что ты поступила поспешно? Попа чувствует, что я злюсь?

Я возмущенно отвернулась, залившись краской.

— Истец? — позвала меня судья.

Я помотала головой.

— Он такой же хитрый, как Альба, поэтому нет. Я всё ещё ему не верю и... — выдохнула, — понимаете, ваша честь, это он сейчас так начал считать. А когда ему то же самое говорила я, то он только посмеивался. И... теперь ему стало не смешно. Вот, — повернулась к мужу, — это у тебя должно всё... чувствовать.

Эксаль расплылся в улыбке.

— Я две недели к тебе не прикасался, — промурчал он, — и чувствую всё более чем усердно и... горячо.

Отвернулась я резко.

— Истец, вернёмся к повествованию, — прокашлялась судья, — долго там ещё до вашей свадьбы?

Я помотала головой. И продолжила:

«Мне исполнилось семнадцать.

Ещё лет пять назад я мечтала, что в этот день всё резко изменится. Все девушки, наверное, мечтают, что их спасёт принц. Вот и я... и в моей истории был принц. Только он был не мой.

— Доброе утро, — вышла на кухню я.

Сегодня мама встала раньше. Я специально попросила её купить торт. Нет, такого для меня никогда не было — иногда меня даже забывали поздравить, но тут всё должно было быть по-другому. Я же теперь платила за этот торт, значит достойна хоть кусочка, да?

— Почему ты еще дома? — что-то резала на столе мама.

Я нахмурилась.

— За мной заедут позже из-за дня рождения, — села рядом с ней, — помочь?

— Сама справлюсь, — она отмахнулась от меня.

Я всё ещё смотрела на неё с надеждой. Мы же договаривались. Я даже торт себе выбрала, чтобы ей не пришлось.

— П-понятно, — моё лицо стянуло вниз.

Она была тем, кто точно не станет устраивать сюрпризы. От этого было как-то совсем неприятно внутри. Что-то будто скулило. Так и мелькала мысль, что сколько бы я не старалась, хорошей для неё мне никогда не стать.

— Есть будешь? — неожиданно спросила она.

Я помотала головой, пусть улыбку и не сдержала. Это оно, да? Сейчас? Мама отвернулась к плите.

— Если ты скалишься по поводу торта, то можешь и не надеяться — я отдала все оставшиеся деньги твоему брату. Он снова нашёл себе девушку, и они ушли на квартиру. Он, знаешь ли, не думал даже баловаться, как ты! Так что... ему нужнее, поняла?

Сердце упало вниз.

— Пабло уже третий раз с кем-то уходит за месяц, — прошептала я, — тратит всё, что ты дала и возвращается ни с чем, а я... у меня никогда не было н-ничего, к-кроме конфет от папы в десять, а-а он... — по щекам хлынули слёзы, — й-я даже сама эти деньги заработала! А он их просто проп-пъёт, ты же знаешь...

— Взрослая стала? Решать за меня будешь? — подпёрла бока руками мама, — нефиг было трепаться на всякую ерунду! Чем тебе старые ботинки не угодили у Агаты?

Я шмыгнула носом.

— Э-это ещё мои б-ботинки были и...и они ей маленькие, — я закрыла рот рукой.

Мне было адски обидно. Никогда так сильно не было. Даже голова заболела от того, как я сжимала зубы.

— И ты бы их всё равно Пабу отдала, — прошептала я, — потому что ему всегда нужнее было. Ты ему столько всего прощала, — я стерла слёзы и кивнула, — а я всегда была не такой, как надо.

Сглотнула вязкий ком в горле.

— Зато ты у нас всегда бедная и несчастная! — всплеснула руками она, — и без торта переживешь! Иди давай... приехали за тобой!

Я кивнула, встала и... что-то во мне будто оборвалось:

— Там, где я работаю, в прошлом месяце уволилась няня на ночь, — снова кивнула, — так что теперь я буду оставаться там, — мне вдруг стало легче, — не всегда, но несколько раз в неделю. Мне будут платить больше, — под блеснувший взгляд мамы, — но отныне я не отдам тебе и цента, — я усмехнулась, — сама буду покупать всё младшим, но ни ты, ни Пабло больше ничего не получите.

Я направилась в сторону выхода.

— Я вложила в тебя кучу денег за всё детство! — она крикнула мне вслед, — ты мне всё отдашь, собака!

Я развернулась, снова стёрла слезы и рассмеялась:

— Какие деньги ты в меня вкладывала? — я шагнула на неё, отчего она начала пятиться, — те, что давал папа? Да, можешь не врать. Я теперь знаю. Я позвонила ему, и он

всё рассказал. Он до пятнадцати лет платил тебе за меня деньги. За меня и за Паба. Ему ты тоже не сказала, да? — я нахмурилась, — а после того, как ты в мои пятнадцать рассказала мне, какой папа козёл, я высказала это ему! А я ещё думала, почему он вlepил мне по лицу! — мне было смешно, — ты врала всё время! Ты на меня вообще ничего не тратила! Я всегда донашивала за Пабло, — смешок, — за твоим любимым сынком, которому всегда всё нужно! А мне?! Мне не нужно, мама? Я тебе не дочь?!

— Д-долорес... — она была в ужасе.

— И сейчас брату тоже было нужнее, чем мне, — я выдохнула, — не хочу тебя расстраивать, но когда я вчера ехала домой, он выходил из бара на одной из улиц, — я хмыкнула, — он пропьёт эти деньги, а тебе скажет, что они с его новой девушкой не ужились, — я развела руками, — теперь ты не беременна, — я кивнула, — и если честно, я поддерживаю папу в том, что это был не его ребенок. Я всё видела. Каждый раз, когда ты кого-то приводила. И не ври мне, — улыбка, — ребёнка нет, рука зажала, — хмык, — иди работай сама. От меня жди помощи только для трёх младших, — я взмахнула пальцем, — но я сама буду их одевать, так что тебе ничего не достанется.

Она сама начала стирать слёзы руками, пока я говорила. Но мне почему-то не было её жаль. Я хмыкнула и пошла на выход:

— Надейся теперь на любимого сыночка, — смешок, — он же у тебя такой хороший! — иронично.

И вышла из дома. Сегодня был дождь. Морозящий, мелкий и стучащий по крыше машины Роба.

— Знаешь, я ехал к тебе с песней, но судя по твоему лицу, она тут лишняя, — кисло улыбнулся мне водитель.

Я улыбнулась сквозь слёзы.

— Нет уж, — протерла лицо пальцами, — пой, если собрался.

«С днем рожденья тебя!» в исполнении Роба была смешной. Он совсем не умел петь, но старался как мог. Я хихикала сквозь слёзы.

— Подарок от нас с Ниной в бардачке, — улыбался мужчина.

— П-подарок? — не поверила я, — мне?!

Роб кивнул.

— Открывай быстрее, я хочу видеть твоё лицо, — он повернул, — Нина очень сильно переживает, понравится ли тебе, поэтому. М! Слушай, ты не против, если я позвоню ей, чтобы она всё видела? Это очень важно для неё.

Я помотала головой, раскидав капли по щекам. Меня поздравили и...и... подарок! Мне!

Мужчина натянул что-то у себя в телефоне. На экране появилось круглое лицо девушки с горящими глазами.

— Какая ты милая! — первое, что сказала Нина, — ой, прости, Долли. Мы друг друга заочно знаем, поэтому я как-то заранее чувствую себя к-хм... близкой тебе. Ты не против?

Я помотала головой.

— Вы тоже очень красивая, — смутилась я.

Она широко улыбнулась.

— Открывай, — мигнули её глаза, — и никаких «вы».

Я смутилась сильнее.

— Нинос, она тебя боится, — хрюкнул Роб, — я, кстати, тоже.

Его жена расплылась в улыбке.

— Ты всех боишься, — хихикнула девушка.

Он отвлекся от дороги на секунду, чтобы переглянуться с ней. И по его взгляду было сразу видно — он её очень сильно любит. Что бы не говорила Инес.

— Это?.. — протянула я, — что это? — распечатала коробочку я.

— Наушники, — объявила Нина, — чехольчик выбирала я. Мне в твоём возрасте очень нравилось всё цветочное и яркое. Тебе нравится?

Я вертела в руках футляр.

— Спасибо, — пробурчала я.

— Не понравилось? — испугалась Нина.

Я помотала головой.

— Это она ещё про подарок Эксаля не узнала, — остановил нас двоих Роб, — вот когда увидит, то я передам тебе её обнимания.

Я округлила глаза.

— Он тоже мне что-то подарит? — не поверила.

Они оба заулыбались. Я покраснела.

— Спасибо ещё раз, — сказала для Нины, — ты... - я почти плакала, — это, если честно, мой первый подарок на день рождения.

И вообще. Мне только младшие картинки рисовали. А тут что-то даже купленное. Лично для меня.

— Когда у тебя день рождения? Я тебе тоже что-нибудь подарю, — догадалась я.

От этой мысли стало как-то совсем приятно.

— Через семь месяцев, — кивнула Нина, — я позову тебя на него, так что вручишь лично. И... Роб звал тебя к нам в гости, ты не хочешь?

Я опустила голову.

— Я думала, что он для вида, — пробурчала, — простите.

— Тогда я жду тебя на этой неделе, — воскликнула под улыбку Роба она, — и никаких «нет». С Робби и приедешь. Договорились?

Я кивнула. Она была хорошей. Таких людей не могло существовать рядом со мной.

— Тогда я отключаюсь и не мешаю кое-кому ворчливому следить за дорогой, — хихикнула она, — ещё раз с твоим днём, Долли. Не забывай, что мы тебя любим.

И она отключилась, оставив меня в очень странном состоянии.

— Наушники тебе точно пригодятся, когда Франко спит, — объяснил Роб, — кстати, ты согласилась оставаться в ночную смену?

Я кивнула, вертя в пальцах их с Ниной подарок.

— Интересно, где тогда планирует ночевать Эксаль? — хмыкнул Роб.

— Когда приезжала Карина, он спал в гамаке на террасе, — вспомнила я, — а я на диване, чтобы вставать к Франко.

Роберто покачал головой.

— Как... странно, — пробурчал он, — как будто комнат в их доме не хватает.

Я не поняла, к чему он это сказал, поэтому промолчала. Тем более мы уже въезжали в гараж.

— Может не хотел быть далеко от сына? — пожала плечами я, — и Инес иногда его зовет, чтобы он помог ей.

Но он никогда за всё время с ней не спал в той комнате. Наверное, не хотел ей мешать.

— Альба распланировала вечеринку на вечер, — вернул меня в разговор Роб, — есть

желание сбежать?

Я помотала головой и выскочила из машины, чтобы оббежать её и обнять почти успевшего выйти водителя.

— Спасибо вам с Ниной, — шмыгнула носом я, — я и не надеялась, что у меня будут такие хорошие друзья!

Мужчина улыбался, как-то непонятно глядя меня по макушке.

— А я никогда не думал, что у меня будет друг младше меня в два раза, — усмехнулся он, — только представь, когда мне было семнадцать, ты только родилась.

— Какой ужас, — отлипла от него я, — ты очень старый.

Под его закатывание глаз я весело шагала в дом. По дороге не встретила ни единой души, что было странно. А вот в гостиной...

— С днём рождения! — хором, и бабах хлопущи мне в ухо!

Блестки и цветные бумажки оседали на голову и пол под хлопки ладошами. А я разглядывала улыбки всех, кто мог здесь собраться.

— Я, кажется, глухая на одно ухо теперь, — улыбнулась им.

В особенности Алехандро, который в меня метился, а теперь стоял с пустой коробкой.

— Вечером будет основной праздник! — радовалась Альба, — отметим все вместе, — она подбежала ко мне и сжала в объятьях, — но до этого мой подарок, — она оскалилась от счастья, — ты завтракала? Через полтора часа мы выезжаем к парикмахеру.

— Только если слезами она завтракала, — сел рядом с Эксалем Роб, — в такой день её тоже никто жалеть не стал.

Я показала ему кулак.

— Долли, подойди, — позвал меня Эксаль, пытаюсь вытащить из рук Франко коробку, — кое-то успел её слегка погрызть и обмазать слюнями. За это прошу прощения.

Мне протянули...

— Это тот подарок к наушникам? — я обтёрла об себя коробку.

Роб хмыкнул.

— Я бы сказал наоборот, — хихикнул он.

— Ты уже всё растрепал, — закатил глаза Эксаль, — Долли, это нужно открыть. Пленка плотная, поэтому ножницы на столе.

Я справилась и зубами, вызвав на лицах улыбки.

— Телефон? — удивилась я, — это дорого, — закрыла и вернула Эксалью я, — я не возьму, но большое спасибо.

Мужчина удивлённо застыл, держа уже обсасывающего телефон Франко.

— Что значит не возьмёшь? — возмутилась Альба, — так нельзя, Долли.

Я помотала головой.

— Я видела рекламу по телевизору, — села между водителем и хозяином дома я, — у меня нет столько денег, чтобы заплатить за него. Он стоит больше моей зарплаты, а мне нужно ещё Робу отдать за...

— Так, — остановил меня Эксаль, — Долли, тебе известно такое понятие как «подарок»?

Я кивнула.

— Конечно, — смущенно посмотрела на него я, — у нас в школе собирали деньги на какие-то праздники, а после на них покупали подарки. Я пока ничего не отдала, но когда ты заплатишь мне зарплату, то обязательно отдам. Я же не знала, что мне кто-то что-то

подарит.

Я казалась самой себе важной в этот момент. Вроде понятно рассказала.

Роб откинулся на спинку дивана со вздохом тяжести. Эксаль просто поднял брови на лоб.

— Подарки дарят безвозмездно, — решила объяснить мне Альба, — просто так. Ты никому ничего не должна за них, Долли. То, что было у тебя в школе, это...

— Покупка, — добавил Эксаль, — ты даешь деньги — тебе товар. Взаимовыгодный обмен. За подарки никто не платит. Поэтому держи, он твой.

Мне всучили телефон обратно. Франко это не понравилось — он даже переполз ко мне с рук отца. Я не знала, что делать.

— Ну же! — прошипела Альба, переводя взгляд с него на меня, — Роб, возьми Франко, Долли должна поблагодарить моего сына.

Эксаль нахмурился.

— Спасибо, — пробурчала я.

Мужчина кивнул.

— Подарок и в самом деле дорогой и нужный — Долли, разве он не стоит объятий? — пропела Альба.

Мой взгляд упал к полу. Щёки пылали.

— Мама, ты... — со смешком закатил глаза Эксаль, — я вполне рад словесной благодарности.

Он встал и пошёл к лестнице. Я тяжело дышала. Сердце колотилось так, будто сейчас выскочит из груди.

— Эксаль, — пропищала я, — вы... - я встала, всё ещё смотря вниз, — я... - все смотрели, пока я макушкой вперёд шла, видя лишь носки его обуви, — к-хм... простите, — головой в него я и врезалась.

А после... он оказался неожиданно крупнее, чем я его видела и представляла. Тёплый и твердый. И пах так по-мужски приятно, что... я даже прикрыла глаза на ту секунду, пока прижималась к нему, обхватив руками поперёк рук. Он был самым приятным из всех, кого я когда-либо обнимала. Пусть боялась его я тогда сильнее, чем любила.

— Спасибо, — прошептала для него и тут же сбежала обратно на диван, чтобы сидеть там красным помидором.

С минуту все молчали. Пока не заговорил сам Эксаль:

— Мама, заканчивай провокации, — развернулся к лестнице и поднялся на второй этаж он.

Стоило ему скрыться, как Альба широко улыбнулась и пропела:

— Я только начала, милый сыночек, — она была счастлива, — а сейчас завтрак, Долли. Затем всё, что я распланировала в городе, и яркий весёлый день твоего рождения вечером. Роберто, отдай сына его испуганно слинявшему отцу и готовься к поездке. У нас сегодня целый день... веселья.

Она встала и ушла на кухню, чтобы продолжить болтать о чём-то уже там.

— Я... я что-то сделала не так? — спросила я у Роба, пока тот вставал.

Мужчина застыл и задумался.

— Мне правда было страшно принимать такой подарок, — я решила оправдаться, — чем я его заслужила? Тем более такой дорогой и... я очень не хочу, чтобы он подумал, что я какая-то не такая, что могу такие подарки... принимать.

Роб поджал губы.

— Он обиделся на меня, да? — не дала ему ответить, — можешь извиниться от меня, пожалуйста? Я не хотела, правда.

— Всё совсем не так, Долли, — сел обратно ко мне водитель, — понимаешь, у каждого в этой семье есть свои хитрые планы, которые они строят и пытаются реализовать, а ты... ты как-то удивительно быстро стала центром этих планов, — он покачал головой, — я поговорю с Эксалем. Так что не переживай ни из-за чего. Ты сделала всё как нужно. Это они давят на тебя со всех сторон.

Я медленно кивнула.

— Какой тогда план у Эксаля? — подняла глаза на мужчину я, — и что делать мне?

Роб задумался.

— Об этом я его и спрошу, — кивнул он, — а ещё попытаюсь сказать ему, что он поступил нехорошо, когда ушёл. Ты же не виновата, что у Альбы опять... странные вещи в голове копошатся.

Я не поняла что он имел в виду.

— Ему не понравилось, что я его обняла? — догадалась я, — он не хотел, а я к нему полезла и...

— Нет! — остановил меня Роберто, — тут скорее... чёрт! Долли, ты должна понять, что всё, что скажет тебе Альба про собственного сына, будет плохим. Вернее... оно будет примером, как делать нельзя. Ты ещё маленькая, а они все... идиоты. Вот. Поэтому не обращай внимания на то, что они себе на придумывали, радуйся дню рождения и... а я пошёл надаю по голове этому... — он встал, — да не мог он. Он же обещал!

С бурчанием об этом Роб ушёл наверх. А я осталась ждать Альбу и завтрак.

Через час мы выехали с Робом и Альбой, а вернулись только вечером. Уставшая я медленно плелась к столу и уже хотела лечь спать. Подарком женщины, кстати, было: одеть, накрасить меня и сделать со мной вообще всё, что возможно. Новое колючее и короткое платье и туфли на каблуках делали меня ещё более уставшей. Ещё мне было некомфортно от всего перечисленного, и ощущала я себя странно, но если Альба сказала, значит так было нужно.

— Ты не плоская?! — не верила своим глазам Инес, разглядывая меня.

Я помотала головой.

— Ты секунду назад умирала, — хихикнул Роб, глотая из стакана что-то спиртное.

Он успел сесть рядом, пока мы с Альбой переодевались наверху.

— Нет, ну тут моё почтение, — похлопала для свекрови Инес, — как ты с ней такое сделала?

Я пыталась ковылять на каблуках к стулу.

— Я только вынула наружу то, что было спрятано внутри, — помогла мне Альба, — результат впечатляет, не правда ли? Долли оказалась настолько... женственной!

Я пыталась ни на кого не смотреть, разглядывая свои странные покрашенные ногти под столом. Длинные. Как я теперь буду с Франко что-то делать?

— Ты мне как-то говорила, что накрась и меня — красавица получится, — хмыкнула Инес, — имея ввиду, что я самая страшная, кого ты когда-то видела.

Альба высокомерно подняла нос.

— Так и есть, — кивнула она, — но с Долли всё по-другому. Она от природы получилась красавицей.

Я натянула короткую юбку на бедро. Хоть немного.

— Спасибо, — в который раз сказала Альбе я.

— Ох, я так рада, что тебе понравилось, детка! — была счастлива женщина, — мы теперь с тобой каждый месяц будем так кататься, — она кивнула, — завтра сменю твой гардероб. Ты теперь уже совсем не ребенок, чтобы носить те вещи, поэтому нужно думать о том, как выглядеть... — она хихикнула, — аппетитно.

Эксаль подавился. Роб пытался держать лицо без смеха. Остальные... я краснела, Инес кривилась, а сама Альба горела идеей.

— Боюсь представить, что именно ты планируешь с ней делать, — медленно цедил вино из бокала Эксаль, — мама.

— Как обычно всё эгоцентрично вертится вокруг тебя! — фыркнула Инес, — я не грублю, если что. Но есть мысль, что всё это делается не ради тебя и твоего внимания, — смешок, — представляю какой это шок для вас двоих, но...

— Инес, — закатил глаза Роб, — обязательно всё портить?

— И в самом деле! — растянула губы в улыбке Альба, — разве я похожа на ту, кто будет подобным заниматься?

Я почти кивнула.

— Всё это ради юности! — всплеснула руками Альба, — красоты в конце концов. Вот, Долли, встретишь ты мальчика...

— Какого? — прошептала я, подняв на неё глаза.

— Какой тебе понравится, — кивнула женщина.

Я скосила глаза на сверлящего стену Эксаля. Он меня даже не заметил.

— Какая же ты у меня умница, Долли, — пропела Альба, — и мальчик у тебя будет... самый лучший. Нужно только подождать пока он... найдётся, — смешок, — и созреет.

Роб снова отпил из своего бокала.

— Не знаю, как вы, но я чувствую напряжение от такого, — он смотрел на меня, скривившись.

— Так сходиними напряжение, — Инес усмехнулась, — с Ниной.

— Если это всё и в самом деле не ради... того, что мы с тобой обсуждали, мама, — поднялся Эксаль с Франко, — то не стану мешать. Инес?

Она тяжело встала следом.

— Выглядит так, будто это у тебя мысли хульные появились, — хмыкнула она и почти упала обратно.

Я успела схватить её за руку, пока остальные подбегали. А девушка сжала мои пальцы, захрипела и скатилась вниз, кривясь от боли. Наверх скулящую её нёс Эксаль, пока я с Франко плелась следом. Инес была бледнее обычного, почти белая, смотрела из-под ресниц и сжимала зубы.

— Ты вызвал вашего врача? — сел рядом со мной на диван Роб.

Он только хмурился. Не беспокоился, как Эксаль. А я натягивала юбку уже сидя на диване в углу.

— Это второй подобный приступ за две недели, — кивнул Эксаль, — зато она перестала отказываться от лекарств.

— Поздновато, — зевнул Роб, — ещё нужна моя помощь? Нина ждет.

Хозяин дома покачал головой.

— Сами справимся, — откинулся на диван он, — Долли, сходи переоденься. Твоя

помощь точно не будет лишней в случае чего.

Я нашла в шкафу пижаму и пошла в соседнюю комнату, слушая то, о чём они говорили.

— Не надо, Эксаль, — наставительно говорил ему Роб, — серьёзно.

Тишина на несколько секунд.

— Похоже, будто я что-то собрался делать? — Эксаль.

— Вот и не делай, — пробурчал водитель, — и не смотри. Взгляд тебя выдаёт, а Альба радуется, что у неё выходит. Делай хотя бы назло матери, — их смешки, — а Долли и в самом деле маленькая, как бы она сейчас не выглядела.

— Может хватит? — Эксаль.

Тишина.

— Не только не делай, но и не думай, — продолжил Роб, — она не просто маленькая, но и...

— Я думаю только о том, что моей жене становится хуже! — рыкнул Эксаль, — от того, что ты бубнишь мне который день о ней, ничего не изменится! Это ты вкладываешь мне в голову мысли о ней! Чёрт! — он выругался.

— Ты отправил её переодеваться, Эксаль, — хмыкнул Роб, — весь вечер смотрел в стену, только не в её сторону. И только что солгал мне, что ни о ком не думаешь. Давай так: уволь её. Мы с Ниной поможем найти какую-нибудь хорошую работу. Она будет жить у нас какое-то время.

Смешок Эксаля. А после:

— Я не могу.

— Не можешь, или не хочешь? — Роберто.

— И то, и то.

— Оправдываешься? — водитель.

Тишина.

— А ты давишь на меня своей категоричностью, — Эксаль, — она только выбралась из того дерьма, которое называла домом, а ты хочешь, чтобы я толкнул её туда обратно?

— Оправдываешься, — тяжело вздохнул Роб, — скажи мне, что не сделаешь ничего тупого.

Он усмехнулся.

— Абстрагируюсь, забью и забуду, — поклялся Эксаль.

Пока я закрывала рот рукой, чтобы не закричать. Завизжать. Не сказать ничего.

— Как с Инес, — явно кивнул Роб.

Эксаль рассмеялся.

— Если бы! — всё ещё смех, — с ней... — он вдруг замолчал, — чёрт.

— Врач приехал! — вошла в ту комнату Альба, — где Долли?

Я успела переодеться в ту самую секунду, когда она вошла в комнату, где я была.

— Вот этой жидкостью смывать макияж, — сунула в руки мне бутылку она, — на днях съездим докупим тебе ещё по мелочи. Хм... что-то случилось? Что у тебя с лицом?

Я помотала головой.

— Спасибо, — широко улыбнулась ей.

Альба приподняла бровь и задумчиво кивнула.

— Надень другую пижаму, — сунула голову в шкаф она, — вот эту. И бельё сними.

Я закашлялась.

— Что? — прошептала я.

— Ты же не тупая, Долли, — язвительно хмыкнула она, — я заметила, что ты почти всегда делаешь вид, будир ничего не понимаешь, — она помогла мне расстегнуть пуговики на рубашке, — так что заканчивай «чтокать», краснеть и вредничать. Пижама, никакого белья и мой весьма нервный сын, которому нужно куда-то деть свою... нервность. Давай!

Я помотала головой в страхе.

— Почему? — она резко стала обратно милой, — тебе семнадцать, ты влюблена в него, он ещё пока отрицает, но тоже к тебе неравнодушен. Что не так? Представь на его месте любого обычно мальчика из школы или... ещё откуда-нибудь, с которым ты дружила. Ничего сложного.

Всё было сложно.

— Я ни с кем не дружила, — прошептала для неё.

Альба скривилась.

— Такие мысли у меня тоже были, — пробурчала она, — ладно. Так даже лучше, — она кивнула, — переоденься, но делай так, как делала раньше. Вариант со скромной девственницей даже лучше того, что я придумала. Всё. Я спущусь, Роберто уезжает домой. Инес... может сегодня нам повезет? — она улыбнулась, — может тогда быстрее сдастся тебе? Было бы прекрасно. Так, — она задумалась, — я пошла. Да, кстати, постарайся хоть немного с ним поговорить. Не сиди молча в углу.

И она вышла. А я осталась стоять с волнующимися бабочками в животе.

— Ладно, — переоделась я.

— Врач уехал, — не стал смотреть на меня сверлящий сужеными глазами телевизор Эксаль, — она уснула сразу после того, как ей вкололи обезболивающее. Всё обошлось, Долли.

Я кивнула, оглядела дремлющего Франко и взяла со стола коробку с телефоном.

— Я... можно вас попросить объяснить мне как что здесь работает? — села на другой конец дивана я.

Я же привыкла играть с ним в карты и болтать. Что тогда случилось сейчас? Даже говорить было тяжело.

— Конечно, — кисло улыбнулся он, — можно мне? — он протянул руку к коробке.

Мне пришлось сесть ближе. Пока он что-то нажимал на экране, в моей голове были странные мысли. Странные и совсем неуютные.

— Простите за то, что сегодня утром было, — напомнила ему, — я больше не буду вас обнимать.

Эксаль завис.

— Вам было неприятно, а я... — продолжила.

— Мне не было неприятно, — как-то быстро ответил он.

И скривился. Я поджала губы.

— Какой пароль тебе поставить? — через минуту спросил он.

Я пожалала плечами.

— Давайте без него, — выдохнула я, — тогда я могу обнимать вас как друга? — я была полностью красной, — как Роба.

Мужчина кивнул.

— Мы уже давно с тобой друзья, Долли, — расслабился он.

— Роб разрешает говорить с ним на «ты», — вырвалось у меня, — а вы нет. Хотя он старше.

Он прикрыл на несколько секунд глаза. Будто собирался с мыслями.

— Ладно, — посмотрел на меня прямо он, — «ты», так «ты». В таком случае, — смешок от него, — если мы друзья, Долли. Что тебе всурипила моя мама? Что ты сейчас должна делать? — он подался ближе ко мне, — друзья же не лгут.

Сердце, казалось, выпрыгнет из груди. Он был очень близко. Его лицо было на расстоянии тридцати сантиметров от меня. Дыхание сбивалось, а мысли разбегались. Я могла только смотреть ему в глаза.

— Вы мне... — тяжело дышала я, — ты мне не нравишься в том смысле, в котором говорила она, поэтому я не стала ей что-то говорить, но и делать не буду! — выпалила на одном дыхании.

От лжи сгорали те самые бабочки в животе. А Эксаль снова замер, внимательно разглядывая моё лицо и сжимая челюсти, а после кивнул, хмыкнул и отсел.

— А..? — начал было он, потом закрыл рот, отсел ещё дальше и задумчиво откинулся на спинку дивана, — ладно, Долли. Я понял тебя.

Сердце пронзила игла. Мне казалось, что я не могу дышать. Зачем я сказала ему эту чушь?!

— Я тебя обидела? — разлепила губы.

Эксаль усмехнулся.

— Конечно же нет, — он махнул мне рукой, — иди ближе, буду показывать тебе работу твоего нового телефона. И наушники не забудь. Я сразу подключу.

Я соскочила с дивана, взяла со стола нужное, а после почти упала рядом с ним, уткнувшись носом в экран.

— Долли, — он скривился от моей шумной радости, — будь... аккуратнее.

Я широко улыбнулась, чувствуя себя странно легче, а после... он всё ещё был твердым и теплым. Но теперь каким-то более привычным. Не таким страшным, как сегодня с утра.

— Спасибо за всё, — улыбалась ему, сжимая его плечи руками я, — ещё раз. Ты оказался ещё лучше, чем я себе представляла.

Эксаль выдохнул.

— М-да, — кивнул он, — я так и понял.

А я поняла, насколько меня напугали те слова Альбы в той комнате. Как же мне было страшно даже думать о таком! Я могла представить себе то, как он может меня... поцеловать, но никак не то, о чём прямо сказала женщина. Я никогда не держала никого за руку, думая, что он мой парень, а она мне сказала сделать такое. И ещё эти слова самого Эксаля. Стоило мне сказать ему ту глупость, которую я сморозила, как с души что-то свалилось. Стало противнее от самой себя, но проще — теперь я ближе к нему. Но так, как хотела сама, а не остальные».

Эксаль усмехнулся:

— Тогда я искренне поверил, что все окружающие приписали твоему обыкновенному смущению безмерную любовь ко мне, — он снова встал за свою стойку, внимательно разглядывая моё лицо, — и поэтому запихал свои мысли куда подальше ещё на полгода. Сложно сказать жалею ли я сейчас о том, что не догадался тогда, что это не просто желание... — смешок от него, — переспать.

— Я так и думал, что у тебя в ту сторону мысли были, — фыркнул Роб с сидений позади меня, — надо было успеть тебе по голове надавать.

Я не сдержалась:

— Не надо было, — пробурчала.

Но меня услышали все. Особенно довольный улыбающийся Эксаль, который и продолжил на меня давить:

— Вот именно, Долли. Я рад слышать от тебя это. И мы оба понимаем, что любим друг друга. Ничего не изменилось за эти годы.

Я помотала головой.

— Странно слышать от тебя эти... слова, — сглотнула с тяжестью, — я любила тебя всегда, а ты мне изменяешь. И врёшь.

Эксаль взвыл. Да ещё так протяжно, что мне показалось, будто ему стало плохо — но нет, он просто ужасно злился и пытался таким образом не начать ругаться снова.

— А ещё защищаешь свою маму, — добавила тихо, — особенно когда она совсем не права.

Он вмиг успокоился, сложил голову на стоящем на стойке локте и взглянул на меня под другим углом.

— Давно хотел тебе сказать, но если ты уже начала этот балаган, то вот тебе мой ответ: ты сама покрывала её два с половиной года, — он сузил глаза, — вы активно пеленали меня в кокон вдвоём. Слаженно. А когда тебе не понравилось что-то с её стороны, ты сразу перебралась на мою сторону. Скажи, что это не так, Долли. Давай, — шипение, — но я же терпел ваши игры. То, что вы делали с Инес, например.

Я удивилась.

— Что мы с ней делали? — посмотрела на него.

— Её все терпеть не могли, Эксаль, — встал на мою защиту Роб, — ты и сам несколько раз срывался на её выходки. Она была невыносима.

Муж всё ещё внимательно разглядывал меня.

— Кто принёс и напоил её из того стакана? — усмехнулся Эксаль.

По телу прошли мурашки.

— Й-я, н-но... я не знала, что в нём! Мне дала его кухарка, а я... откуда мне было знать, что у неё будет аллергия на эту... я даже не знаю, что там было за лекарство! Честно!

Судья переводила глаза с мужчины на меня.

— Мама никогда не давала ничего из лекарств Инес, — был спокоен он, — ты это знала.

Я почти задохнулась:

— Альба тогда вообще сказала, что там что-то... — я пыталась вспомнить, — витамины

какие-то. Для иммунитета вроде... ты серьёзно думаешь, что я стала бы её травить?!

— Эксаль, — нахмурился Роб, — нет, ну тут ты точно неправ. Я даже Альбу не стал бы обвинять в таком. Может реально хотела как лучше? Да и где они обе могли узнать, что у Инес аллергия на какую-то дрянь? Да и сама идея — травить её... они же сами потом до твоего приезда за ней и настались, врачей вызывали, в комнате... там... порядок наводили. Причём обе.

Муж хмыкнул.

— Знаешь, Роб, в чем проблема тебя, меня и мамы до определенного момента? — смешок, глядя на меня в упор, — когда ты понял, что Долли понимает больше, чем показывает?

Я опустила взгляд к стойке.

— Я всё ещё не верю в то, в чём ты её обвиняешь, — скрестил руки на груди водитель, — если она и хитрая, то безобидная точно. Сколько дерьма на неё все лили, а она ни разу в жизни никому и слова плохого не сказала. Вон, этого придурка Хьюго защищала до последнего, а мы все трое знаем, что он конченный человек.

Эксаль кивнул.

— Медицинская карточка Инес лежала в верхнем ящике её тумбы, в котором ты иногда любила наводить порядок, — усмехнулся мужчина.

Губы надулись сами собой.

— Иди и обвиняй свою маму, — отвернулась от него я, — а я ничего не делала.

Он кивнул.

— Ваша первая жена умерла именно по этой причине, ответчик? — что-то записывала себе судья.

— Нет, — покачал головой Эксаль, — она прожила ещё почти год после этого. Однако лучше ей от этого не стало.

Я хмыкнула.

— Даже я никого тогда не обвиняла, а ты сейчас говоришь мне, будто я всё подстроила, — злилась я.

— Я высказал предположение, Долли, — стал мягче он, — ты его отмела. Я всё понял.

Приятнее от его слов не стало.

— Продолжим рассказ, — вернулся к началу Эксаль, — следующие полгода были самыми трудными в моей жизни. По нескольким причинам, — хмык, — Франко ускоренно рос, донимая всё пространство вокруг себя желанием изучить, сломать и подружиться, мама активировала всевозможные варианты моего склонения к её мнению о моём же будущем, Долли медленно, но верно пробиралась в моё сердце, организуя посиделки с беседами каждый вечер, а я мысленно дрался каждый день сам с собой, пока через полгода не проиграл.

Я всё ещё была надутой, но добавила:

— Альба сменила мне всю одежду, — улыбнулась я.

И смутилась. Судья ничего не поняла.

— Представьте себе, когда за один несчастный день из девочки с розовыми бантиками в твоей комнате ходит... девушка в короткой маечке и мини-юбке, — он дёрнул уголком губ, — продолжает тебе мило улыбаться, нервничает, поправляет эту самую юбку чаще, чем необходимо, и смущается от любого взгляда, — хмык, — а ты стараешься не смотреть на неё, однако одна комната, вечно направляющийся по своим делам ребенок и дерганые движения

не привыкшей к подобным нарядам Долли, — смешок, — а ещё помимо всего перечисленного — невероятная красота и лёгкая влюбленность нас двоих. Полгода отрицания, и я сдался.

— Вы сказали, что до совершеннолетия истца ничего не было, — осуждающе глядела на него судья.

— Я его обнимала, — я покрутила глазами, — раза три. Как друга. И он меня...

— Не как друга, но весьма целомудренно, — посмеивался Эксаль, — много раз.

Я пыталась не улыбаться.

— У меня несколько вопросов к вам, истец, — строго кивнула судья, — первый — смерть Инес Эррера.

Я удивилась тому, что она решила спросить это.

— В присутствии врача, — произнёс за меня Эксаль, — всё те же причины. Эклампсия, перетекшая из беременности в послеродовые проблемы. Целый букет заболеваний, который успел прикрепиться к ней из-за отсутствия иммунитета и желания бороться как такового, — он хмыкнул, — она отказывалась лечиться до того момента, пока ей прямо не было сказано, что она умирает. Однако было уже поздно.

Кивок судьи.

— Вскрытие не показало ничего необычного? — ещё больше удивляла меня она.

Эксаль покачал головой.

— Вы намекаете на то, что это могло быть убийство, — усмехнулся мужчина, — и нет. Никакой насильственной смерти. Я погорячился насчёт того к-хм... «отравления». Если все слаженно уверяют меня, что это была случайность, то вероятно так оно и было. По крайней мере ничего серьёзного это происшествие не принесло. Всё закончилось сносно.

Женщина нахмурилась.

— Хорошо, тогда второй вопрос, — она смотрела на меня сверху вниз, — на этот раз отвечать нужно именно вам, истец, — она дождалась, пока я кивну, — у вас есть возможность предъявить обвинения вашему... на данный момент мужу по поводу домогательств. Без ваших показаний дело не может быть возбуждено, однако хм... как вы это назвали? «Объятыя» тоже можно расценить как домогательства до несовершеннолетней.

Лицо сползло куда-то вниз. Я помотала головой.

— Такого не было, — пробормотала я, — зачем мне его...

— И ты говоришь мне никому не грубить? — рывком обернулся к Робу Эксаль, — это издевательство!

Водитель пожал плечами и зевнул.

— У Дол вид забитый и мученический, а ты выглядишь как тот, кто живет в своё наглое удовольствие, — смешок от Роберто, — я бы тебя тоже хотел посадить в тюрьму.

Эксаль закатил глаза.

— Ага, — он тихо посмеялся, — а ещё я серийный муж для нянь, — вот тут уже громко, — сперва, правда, ещё не понял что нужно искать представительниц именно этой профессии, и, дурак, женился на Инес. Потом пришло озарение, поэтому резко рванул покорять Долли, зачинать ей ребенка, а когда она родила, то срочно нужно было начать поиск новой няни!

Я сжимала в руках бутылку с водой и сверлила его взглядом.

— Разве не ты это имела ввиду, Долли? — ухмылялся муж, — поняла теперь как это звучит?

— Вполне логично звучит, ответчик, — холодно остановила его судья, — если учесть то действие, которое вы совершали, когда истец вас обнаружила в компании следующей няни.

— Следующей? — устало хихикнул Эксаль, — я ещё не разобрался с этой.

— Экса... — начал было Роб.

— Я устал, — вернулся к сидениям он, — двухнедельная нервотрёпка. Серьёзно. И не только с милой обидчивой Долли, а ещё, если ты забыл, с мамой, которая успевала придумывать для меня небылицы про мою жену, и с той ха... «няней», которую лучше назвать пиявкой. Слышишь, Долли? — мне в спину, — сложный вопрос кому из нас было труднее эти дни.

— У меня есть ещё третий вопрос, истец, — напомнила о себе судья, — вы всё ещё хотите развестись?

В зале повисла тишина. Я разглядывала свои ногти, подпиленные впервые за два последних года неровно — не поехала бы я с детьми в салон, чтобы это исправили. Странно это всё. Я слишком привыкла, что кто-то рядом и мне помогут. А что сейчас? Я была здесь одна. Детей у меня уже забрали, Роб всегда поддержит Эксаля, а у меня совсем нет сил хотеть чего-нибудь, кроме как выспаться. В тишине, рядом с Холли и Франко, которые вдвоём делали из любой комнаты лютый кошмар. Особенно если я одна. С мужем всё было как-то совсем просто. словно он приносил спокойствие с собой. Но простить его измену? Поцелуй тоже считается. А извиниться за него он даже не планировал.

— Я... не знаю, — прошептала я.

Я хотела не знать того, что увидела. Жить в неведении, пока он делает то, что хочет. Не знать, что он плохой.

— Значит, мы на правильном пути, — неожиданно улыбнулась судья, — скажу вам сразу, — она смотрела не только на меня, но и на Эксаля, — особенно ответчик. Моя задача — не сделать вам хуже. Вы должны понимать, что у меня, в отличие от вас, пока вы разрознены, есть относительно общая картина — по показаниям, свидетельствам и бумагам, которые вы оба мне предоставили. А значит я постараюсь сохранить ваш брак, если это будет возможно, — кивок, — мне не известно совершали ли вы то, в чём обвиняет вас истец, ответчик, однако суд сделает всё, чтобы узнать правду и вынести справедливый вердикт. Лучшим исходом, конечно же, будет примирение.

— Учту, — скрестил руки на груди Эксаль, — Долли, ты остановилась на твоём дне рождения. Что ты выбрала ключевым моментом дальше? Это произошло в те первые прискорбные полгода или тогда, когда я понял и осознал, что ты мне необходима?

Слово то какое подобрал. Я закусила губу.

— В первые, — пробормотала я, — но Франко было уже чуть больше года, значит до моих восемнадцати оставалось где-то месяцев семь.

Эксаль кивнул. И тяжело вздохнул.

— Окунай меня в моё негодование, давай, — смешок.

Мне стало не смешно. Тяжёлое воспоминание. Будто бы у меня были лёгкие.

«Сегодня за рулем был сам Эксаль. Он это не сильно любил, потому что часто отвлекался на телефон по работе, а ещё иногда ковырялся в бумагах и папках. Но тут всё было по-другому, потому что мы ехали в гости к моему отцу. Смешно, но он позвал меня сам, пока Эксаль не рассказал, что именно он задумал, и успел обсудить с ним по телефону. Оба мужчины были серьёзными и прямыми, особенно папа, который был увиден мною не пьяным впервые только два месяца назад и... это был вообще другой человек. Такой бы не

ударил свою дочь по лицу, и не сломал бы ей два ребра пинком, когда она отказалась отдавать ему деньги из заначки матери. Не-а. Этот был папой, а тот — пропитым моральным уродом из моего детства. Пусть и слегка скрашенный тем, что всегда давал маме денег за меня.

— Он боится так же, как и ты, — натянуто улыбнулся Эксаль, — мне включить обогрев сидений? На улице восемь градусов, а твоя эта юбка... и кожаные сидения.

Я кивнула. Альба сегодня даже инструкцию мне написала на листке, что говорить, делать и как поворачиваться. Она злилась из-за того, что у нас с её сыном пока ничего не получилось по её мнению. А мы вчера с ним спали на одном диване. Под сериал, правда и валетом, но проснулись мы утром от того, что прибежавший спросонья Франко залез и плюхнулся разом на нас двоих. Вечные синяки на ногах теперь разрослись ещё и на живот, потому что малыш был крупным для своего возраста. Как папа.

— Замёрзла? — что-то тыкал на приборной панели мужчина, — мы почти приехали. Можно будет посидеть несколько минут в машине, чтобы согреться и не выходить на холод сразу. Долли?

Я заглянула на заднее сидение, где в своём детском креслице спал Франко. Меня больше волновало, что делать с ним. Не будить же его. Тем более он так сладко посапывал.

— Прости, я задумалась, — пробурчала я, — ты правда не считаешь, что я буду навязываться... папе? У него своя семья, а то, что ты придумал, точно не так просто, как кажется. Его жена, кстати, тоже будет дома?

Мужчина кивнул.

— Мы всегда можем уехать, — вывернул руль он, — Долли, не получится это — попробуем что-то ещё. Придумаем. В конце концов, тебе почти восемнадцать. Ты неплохо зарабатываешь, если нужно будет, я напишу в декларации на тысячу больше, чтобы тебе одобрили опеку.

Я помотала головой. Чтобы мне разрешили забрать младших сестер, нужно чтобы я сама не была... на чьей-то шее.

— Я всё равно боюсь, — пока мы парковались, пробормотала я, — разве мачеха может быть лучше мамы?

Эксаль хмыкнул.

— Не в обиду, но кто угодно лучше твоей мамы, — он отстегнул ремень безопасности и развалился в своём кресле, — давай. Пара минут для твоей... твоего согревания, сбора в мыслях, и идём. Второй этаж.

— Ты грубиян, — повторила фразу, которую часто говорила ему Альба.

Он усмехнулся.

— А ты трусиха, Долли, — он ко мне и не повернулся, чтобы сказать это — смотрел в окно сбоку, скрестив руки на груди.

Пальто у него явно было тёплым. А под ним... я хотела бы туда залезть, чтобы было теплее нам двоим. Альба и в самом деле надоела со своим «стилем». Капроновые колготки вообще не грели.

— Ты так сильно мне помогаешь, — надула губы я, — зачем тебе это?

Роб всё время закатывает глаза, когда Эксаль старается сделать мне что-то хорошее.

— Потому что ты мой друг, — улыбнулся мне мужчина, — ты же мне помогаешь с Инес. Почему я не могу тебе с твоими проблемами?

Мы смотрели друг другу в глаза минуту, если не больше. Красивый, темноволосый,

светлоглазый и... прекрасный. Если бы мы были из сказки «Красавица и чудовище», то чудовищем была бы я.

— Храбрость не появилась? — хмыкнул Эксаль, немного наклонив голову вбок.

Он всегда так делал. Как милый щеночек, которому было что-то интересно.

— А Франко? — выдохнула я.

— Я возьму, — начал искать что-то в бардачке Эксаль, — с тебя только не заледенеть по дороге, — смешок, — и, Долли. Сейчас не средневековье, женщина и штаны вполне себе совместимы, — второй смешок, — уточню — не шорты.

Я поджала губы. Он и сам понимал, что я никогда не решаю, что мне надевать. И продолжал к этому прикапываться.

— На что тогда ты будешь ворчать, если я сделаю как тебе надо? — открыла свою дверь я.

Но успела услышать смешок от него и бурчание:

— Поверь мне — я найду к чему прикопаться.

Я довольно улыбнулась. Мне нравилось, когда он так говорил.

— Знаешь, — я остановила его, когда он уже потянулся к ручке двери, — спасибо за то, что так сильно помогаешь, — я смутилась, — у меня как-то под откос всё было, а ты... и Альба с Робом, — кивнула, — вы очень многое для меня делаете... а я ничего взамен не могу.

Эксаль повернулся ко мне, ухмыльнулся и напомнил:

— Долли, мой сын называет тебя мамой.

Сказал, будто это было хорошо. Мы всё не понимали от кого он это услышал, чтобы повторить. Не придумал же сам! Да и каждый раз, когда я или его отец пытались научить его обращаться ко мне «няня», Франко строил хитрые глазки, улыбался и выдавал упрямое «мама». Максимум, что я смогла от него добиться, это «Н-мяма». Но только один раз и пока он с утра не успел вспомнить, что хочет баловаться.

— Так говоришь, будто это что-то хорошее, — надула губы я, — он к Инес даже в комнату не хочет заходить.

Она к малышу, кстати, тоже не подблизается. И устраивает истерики, когда я вхожу в её комнату с ним. Уйти не может — она теперь не встаёт, потому что слишком ослабла. Даже её вечно «падающий» стакан с тумбы теперь падал крайне редко. Ей тяжело было поднять руку и дотянуться до него. Рычать на всех сухим голосом ей это не мешало.

— Это говорит о том, что ты полноправный член семьи, Долли, — улыбался Эксаль, — Франко, вероятно, согласится променять нас всех на тебя одну, — он усмехнулся, — бабушку уж точно.

Я не могла сдержать улыбку. Франко невозможно было не любить, особенно если видишь то, как он быстро растёт.

— Он плохо спит, когда ты уезжаешь на ночь к матери, — продолжил мужчина, — и, буду с тобой честен, я заморочился и поехал с тобой сюда не просто так. Я хочу, чтобы ты переехала к нам насовсем, — он кивнул, — всем будет от этого лучше. По крайней мере Франко не будет плакать и звать тебя в одну из ночей на неделе, — он разглядывал меня, — а ты в свою очередь не будешь нести на себе необъятную кучу обязанностей, которая выпала тебе, но должна принадлежать твоей матери.

Он так не первый раз говорит. И я сама не хотела туда ездить вот только... младшие дети. Они без меня не выживут. Пабло окончательно ушёл на какую-то квартиру, вроде как к

друзьям-придуркам, мама беспробудно пила, Агата ходила в школу, младшая капризничала, а бабушка... её похороны стали последней каплей в океане ужаса. Мне нужен был месяц, чтобы отойти от этого, а после Эксаль рассказал мне о своём плане, который мы и будем осуществлять сейчас.

— Я чувствую себя плохой, — пробормотала я, — прости, что снова начала это тебе говорить.

Мужчина хмыкнул.

— Все пройдёт лучше, чем тебе кажется, — он снова улыбался, — я всё предусмотрел. Если что-то пойдёт не так, то клянусь тебе, я отобью тебя у всех нападающих, наподдам всем сам, а после мы вернёмся домой и придумаем что-то другое, — смешок, — но я уверяю, ты будешь приятно удивлена.

Мне хотелось убрать прядь его волос за ухо. Она иногда мешала ему, скатываясь к глазам как сейчас. Но не думаю, что ему это понравится — он не любил, когда я даже нечаянно его трогала. Сразу хмурился.

— Ладно, — открыла дверь в холодную улицу я, — всё будет легче, чем говорить с Пабом.

И с младшим братом. Они оба успели рассказать мне насколько я конченная, если не отдаю маме все свои деньги, а покупаю им что-то сама. Словно они стали бы жить лучше, делай я так. Особенно много я думала о троих младших, которые если и могли ответить, как Агата, то очень плохо отреагировали на то, чтобы уехать от мамы. Особенно брат — он просто послал меня, сказав, что ему ничего от меня не нужно.

— Надеюсь у твоего Паба долго будет сходить синяк с... его лица, — Эксаль аккуратно поднял Франко с кресла.

— Он просто думал, что если меня всегда забирает Роб, то он мне и платит, — я пыталась сдерживать усмешку, — а ты оказался ему наглым и не таким важным, — я всё же хихикнула, — он же не знал, что ты был тогда очень злой, тебе надоело, что он тебя материт и то, что ты можешь... ударить в ответ намного сильнее.

Это был первый раз, когда меня защитил мужчина. Да ещё от кого и как! С этого момента Пабло не ругался со мной.

— Больше меня вывела из себя твоя мать со своим «И чо?!» в тысячный раз и с непередаваемой интонацией, — хмыкнул Эксаль, — закрой дверь и возьми ключи. Верхняя кнопка сбоку на брелоке.

Пришлось лезть к нему в карман, не потревожив Франко на его руках.

— Будет странно, если буду говорить я один, — хмыкнул Эксаль, — поэтому задействуй все свои навыки общения и забрось куда подальше смущение, — он дождался, пока я открою перед ним дверь подъезда.

— С ними договаривался ты, — сказала ему.

— Но это не значит, что я всё должен придумывать сам, — поднялся на этаж мужчина, — звонок.

— Открыто! — дверь распахнулась прямо передо мной.

На пороге стояла перевозбужденная от эмоций женщина, какая-то запыхавшаяся и с горящими глазами.

— Синьор Еррера! — она широко улыбнулась сперва Эксалью, а потом мне с протянутой рукой, — Долорес. И... — она разглядывала Франко, — мне казалось, что вы говорили, что самая маленькая — тоже девочка и... разве ему четыре?

Она отошла, пропуская нас в квартиру.

— Это мой сын, а не ваша... будущая подопечная, — он положил малыша на комод в прихожей.

Я сразу рванула расстегивать комбинезон, пока кое-кто не вспотел, не проснулся и не устроил тут баловальню.

— Сын? — оглядела меня вкупе с ребенком женщина, — так вот почему вы сами не возьмете детей.

— Долорес, — отец вышел из комнаты к нам.

— Привет, пап, — прошептала я, пока... он решил меня обнять, да.

Мне сразу некомфортно стало.

— А это кто? — отец обратил внимание на Франко.

— Внук получается, — хотела подобраться к уже поднявшей малыша мне женщина.

Её звали Сара. Я успела запомнить, пока ехала сюда.

— Такой большой? — переводил взгляд с Эксаля на меня папа, — никто из вас не сказал, что вы женаты!

Я смутилась.

— Это мой сын от перво... — Эксаль дернул головой, — от брака с другой женщиной.

— Я — няня, — улыбнулась я, — и мне семнадцать. Поэтому мне пока не дадут опеку.

И подумала о том, что Эксаль как-то заочно развёлся с Инес. Так и не сказав при этом, что мы не пара.

— Такая молодая? — искренне улыбалась мне Сара, — и уже решаешь такие проблемы. Это похвально, Долорес, — она опомнилась, — проходите на кухню. Я выключу телевизор, чтобы малыш не проснулся.

Здесь было уютно. Тепло, вкусно пахло и было совсем неплохо. В несколько раз лучше, чем то, что снимали мы.

— У нас тут три комнаты, поэтому девочкам будет где расположиться, — широко улыбалась Сара, — я... к слову, мы полностью согласны на последних двоих девочек, восьми и четырех лет. Успели даже собрать бумаги на удочерение, однако к-хм... простите, вы сделали тест на отцовство для всех пятерых и мальчики... они...

— Не от вашего мужа, — кивнул Эксаль, — никто не стал бы настаивать на том, чтобы вы забрали и их. Опеку вам одобрили?

— Чай! — поставила перед нами кружки Сара, — да, конечно, синьор Еррера. Насколько я помню, то... у вас был разговор с матерью, и она согласна подписать бумаги для проживания девочек с отцом, но... а что насчет её отказа от них? Вы говорили, что поинтересуетесь.

Я взглянула на неё исподлобья:

— Зачем вам её отказ?

Женщина забегала глазами.

— Я начну издалека, Долорес, — поджала губы она, — я согласилась на предложение синьора Еррера только спустя месяц размышлений и... у меня никогда не было детей, — она скривилась, — я не особо хотела их всё это время, так что не торопилась и... мне в этом году сорок пять. А вы предлагаете мне воспитание двух относительно взрослых девочек, которых мой муж... сделал. Пусть на стороне, но... теперь я поняла, что хочу детей.

Верить ей было сложно.

— Им будет здесь хорошо, — подал голос отец.

Он выглядел понурым. А ещё тем, кто мало что здесь решает. Женщина была старше него лет на пять. Квартира почти вся принадлежала ей же — у папы небольшая доля. Машина тоже её, какая-то не совсем дорогая.

— Было сложно принять то, что вы мне рассказали, — Сара дрожала губами, — буду с вами честна, что я хотела подавать на развод, когда узнала, что мой муж... на протяжении стольких лет... я думала, что он просто гулял в-в смысле выпивки, а он... я знала только про тебя и твоего старшего брата, Долорес. И, буду честна, твоя мама сразу сказала, что Пабло — не сын твоего отца. И я подумала... — она тяжело вздохнула, — а после я подумала о тех девочках, которые могут жить не в тех ужасных условиях, а с нами и я... я стану им мамой, — он не сдержала улыбку, — я рассказывала, что мы приезжали позавчера к ним... в тот ужасный дом? И как ты там только ... пил? — она зыркнула на папу, — кошмар! Однако нам повезло, потому что ваша мама была пьяна и... ей было безразлично, поэтому мы смогли поговорить со всеми, подарить подарки и... Агата согласилась приехать к нам погостить. Мы поедем за ней сегодня вечером, потому что не успели подготовить ничего вчера, да я и... не думала, что она будет не против. Что касается маленькой, то... е мы забираем уже на постоянное проживание.

— Без документов об отцовстве? — нахмурился Эксаль, — с моей стороны был только тест — документальное подтверждение нужно сделать уже без моего участия.

Сара кивнула.

— Мы уже, синьор Еррера! — счастливое от неё, — на всех троих.

Я поперхнулась.

— Троих? — повторила.

— Да, Долорес, — кивнула с улыбкой для меня женщина, — прости, я не смогу взять тебя на полноценное попечение, но тоже теперь ты папина дочь. Тебе ещё не пришло уведомление о смене фамилии в паспорте? Скоро должно.

Она закивала. Я хмурилась.

— Я буду помогать, — пропищала я.

— Мы всегда рады твоему приезду, Долорес, — мило ответила мне Сара, — но ты уже говорила своему папе, и я решила, что скажу тебе сейчас это — ты ещё сама маленькая девочка и тебе нужно становиться на ноги. Я понимаю, что ты работаешь, но это не значит, что ты должна отдавать нам деньги. Они твои, трать их на себя. А твои сестрёнки теперь будут на нашем с папой попечении.

Я перевела взгляд на отца. Он кивнул.

— Единственное, о чем я попрошу, — опустил глаза к столу он, — тебе осталось полгода до совершеннолетия и у тебя всё... нормально... поэтому, могу я не платить тебе алименты за это время?

Я застыла в удивлении.

— Мы потратим их на твоих сестрёнок, — продолжил он.

— Как ужасно звучит, — насупилась Сара, — это и в самом деле неправильно. Долорес, мы...

— Тогда я буду приезжать и привозить им что-то, — выдохнула я.

А ещё продолжу одевать брата. Теперь это будет намного легче.

— Отличная идея, — обрадовалась Сара, тоже явно успокоившись, — почему вы не едите печеньё? Я пекла его сегодня утром. Любимый рецепт.

Я отвлеклась на проснувшегося и сонно севшего рядом Франко. Он потирал кулачками

глазки и хмурился, сперва найдя Эксаля, а после меня. И только потом начав тихо хныкать, потому что комбинезон, в котором он спал как в расстегнутом коконе, ему уже не нравился.

— Мы скоро поедem домой, — взял его на руки Эксаль, — хочешь печеньку? Она сладкая, тебе понравится.

Мальш отмахнулся от всего, сквасился, будто хотел плакать, и захныкал громче, шатко рванув ко мне:

— Мама! — он впился цепкими ручками в мою руку.

После залез на колени, положил головку на моё плечо и довольно лёг дергать меня за волосы в хвостике. Он привык, что я обнимаю его каждый раз, когда он проснётся. Мы с ним можем так несколько минут провалаться, улыбаясь друг другу и обнимаясь, а тут ему явно стало обидно, что его никто не тискает, как всегда.

— И все же он называет вас мамой, — не понимала Сара.

Я пожала плечами.

— Когда вырастет, это пройдёт, — сделал глоток чая Эксаль, — Долли, дай ему попить. Он ещё перед тем как уснуть попросил и вредничал.

Я гладила темноволосую головку на моём плече.

— Сок? — предложила малышу.

Франко помотал головой, не отрываясь ею от моего плеча, и продолжил потрошить мой хвостик, пытаясь снять весёлую резинку-пружинку.

— Я сперва подумала, что твоя мама, Долли, успела спихнуть на тебя самого младшего мальчика, — смущённо произнесла Сара, — но тут... всё немного по-другому, — она задумчиво переводила взгляд с меня на Эксаля, — ты живёшь в доме своего работодателя?

Я кивнула.

— Раз в неделю возвращаюсь домой, — ответила ей я.

— И давно так? — нахмурился отец, — тебе только семнадцать... дочь.

Мне не нравилось, как он обращался ко мне. Никогда так не делал, а тут что-то странное случилось. Ещё и таким тоном сказал, будто отчитывал.

— Около половины года, — ответил за насупленную меня Эксаль, — вы можете быть уверены, что я, как работодатель, создал максимально комфортные условия для проживания Долли.

Он отпил чай и скривился. Обычный чай в пакетиках, куда ему было до привыкшего к дороговизне всего вокруг Еррера.

— Насколько серьёзные у вас намерения к ней? — выдала их общую мысль Сара, — вы же в разводе?

Я подавилась. Франко обеспокоенно похлопал меня по спине, чем вызвал улыбку.

— Мы не находимся ни в каких отношениях, кроме как в деловых, — разозлился Эксаль.

— И дружеских, — добавила я, потянувшись к печенью и решив попробовать хоть одно.

Франко понял всё по-другому и забрал сладкое себе, развалившись на мне ещё сильнее. Во второй его ручке была уже заляпанная крошками и слюнями резинка.

— Ладно, — пробормотал папа, — но если она забеременеет, то разбираться с этим вы будете сами.

Я округлила глаза.

— Я не... — начала было.

— Значит разберёмся, — сквозь зубы ответил Эксаль, — прошу вас не лезть не в свое дело. С нужными вам детьми мы вам помогли.

Я не знала что сказать, поэтому опустила голову и молчала.

— Главное, чтобы всё не произошло так же, как с её матерью, — как-то надменно сказала Сара.

Эксаль едко усмехнулся:

— Да? Как забавно вы сказали, — смешок от него, — во-первых, я не ваш муж — у меня имеются весьма доступные для человечества совесть, мораль и принципы. Я не тот человек, который стал бы возвращаться к бывшей ради денег, выпивки и интимных отношений. Во-вторых, между нами ничего нет, как уже было сказано, — он кивнул, — и не будет. Долли хороший друг не только мой, но и всей семьи, — он нахмурился, — помимо того, что она в эту семью тоже входит.

Франко отложил на стол не понравившуюся ему печенюку, сполз с меня и начал копошиться в моей сумке, откуда помогла достать ему упаковку с соком уже я. С ней малыш направился к отцу, к которому прижался и начал пить и разглядывать всех за столом.

— Тогда простите, синьор Еррера, — не поверила ему Сара, — но вы выглядите... — она засмушалась, — очень гармоничной парой... если бы были ею.

Она старалась не смотреть на злющего Эксалья и красную меня.

— Нам пора, — резко поднялся с места мужчина, — Долли, поехали, я куплю тебе другой чай по дороге. У нас есть дела.

У нас? У меня было только одно дело — следить за Франко, пока тот тянет в рот вообще всё, что ему вздумается.

— Уже? — спохватилась Сара, — так быстро?

— Я приеду завтра вечером, — напомнила ей я, — привезу кое-какие вещи для младшей, которые купила недавно. Просто я не думала, что вы так быстро её заберете и хотела привезти домой, а не... сюда. Да, ещё я докупила пару предметов к школе для Агаты — она должна показать в каких ящиках её вещи, вот... и, я, наверное, сразу сюда приеду, чтобы Роб меня туда-сюда не возил. Хотя я могу помочь с переездом! — поймала себя на мысли, — машина больше и удобнее. Если хотите.

— Мы справимся, Долорес, — кивнула Сара, — приезжай вечером — поможешь нам разобраться с комнатой и вещами. И ещё, — она подошла ко мне, — не переживай. Мы подумали, посчитали и приняли взвешенное решение. Твои сёстры не будут ни в чем нуждаться. Будь уверена.

Я могла только кивнуть.

— Вот и хорошо, — обрадовалась женщина, — синьор Еррера, вас мы тоже зовём в гости.

Мы снова вернулись в прихожую. И пока я ловила решившего поиграть в догонялки Франко, громко хохочущего на весь дом, Эксаль стоял, скрестив руки на груди, и ждал пока мы наиграемся.

— Благодарю за гостеприимство, однако откажусь, — он сделал шаг вперед, ловко подхватил сына, заставив того взвизгнуть, и начал одевать в комбинезон, — из-за того, что сейчас вспотел, на улице замерзнешь, — ворчал на Франко он, — поэтому никаких гулять, а сразу в машину.

Я помогала одевать вёрткого малыша.

— Пить! — запищал он.

Да ещё так хитро, будто его после этого никто одевать не станет.

— Вот и всё, — подкинул недовольного, но запакованного Франко на руках Эксаль, —

где там у нашей няни сок?

— Мама, — подтвердил мальчик.

— Если бы, — пробурчал Эксаль, — мы спустимся, пока точно не вспотели и не заболели. Всего доброго. Долли, не торопись.

Они скрылись за дверью, пока я обувалась.

— Только не обожгись об него, Долорес, — неожиданно произнесла Сара, — он точно не тот, кто женится на тебе.

— И точно не тот, кто тебе подходит, — добавил отец, — ты просто слишком мала, чтобы это увидеть.

Щеки стянуло вниз.

— Поиграет и выбросит, — кивнула Сара, — постарайся не верить ему. Такие, как он, редко говорят правду — нам же он про ваши отношения солгал.

Я помотала головой.

— Он не врал, — ответила ей, — всё и правда не так, как вы подумали.

Женщина помотала головой и тяжело вздохнула.

— Если так, то не привязывайся сама, — дала совет она, пока я бралась за ручку двери, — ребёнок вырастит, а твоя работа няней станет не нужна. Думай о будущем.

Странно, что отец в этот момент молчал.

— Хорошо, — кивнула я, — до завтра. Позвоните, если что-то понадобится.

И я вышла в подъезд, уже через окно видя, как довольно шагает в своих ботиночках по дороге Франко, пока его папа держит его за ручку».

Эксаль решил оправдаться:

— Никто же не отрицал, что меня накрывало волнами непризнанной влюбленности, — отчеканил он, — поэтому я направлял её в сторону недоступного объекта вожделений иным способом. Долли не озвучила, но похороны её бабушки тоже оплачивал и организовывал я, как и поиск её отца, договорённость с мачехой, тесты ДНК, некоторая помощь с документами и... переезд Долли ко мне. Окончательный. Вы должны представить, что именно устроила её восхитительная мать, когда я приехал помочь своей няне больше с разборками, чем с вещами.

Он хмыкнул. А я поджала губы. Мама его терпеть не могла, кричала что напишет заявление о похищении, всё тех же домогательствах и ещё куче всего глупого, вроде воровства детей, неожиданно, денег и доведения её до алкоголизма. Я тогда смеялась, хоть и жалела её. Даже давала какие-то деньги после того, как съехала. Но всё равно оставалась для неё плохой, соревнуясь во мнении только с младшим братом — тот всем вокруг рассказывал, что я работаю проституткой.

— И, надеюсь, понимаете почему ни я, ни Долли не позвали мою тещу как свидетеля, — продолжил муж, — купить её было бы легко, однако бессмысленно.

Я кивнула, соглашаясь. Тут он был прав.

— Она немного исправилась в последнее время, — пробурчала я, — работает, почти не пьёт. Нашла отца брата и отдала его ему, — я покачала головой, — тот правда сбежал и вернулся через неделю, но значит ему с ней лучше. Обе сестры счастливо живут с Сарой и отцом — у них дружная семья, к которой мы ездим... точнее ездили до всего этого. Пабло, — я тяжело вздохнула, — там была сложная история, из которой его пришлось выкупать, но тоже вроде... пока живой.

Эксаль усмехнулся.

— Ключевое слово «пока», — добавил мужчина, — но давай более конкретно, Долли. Сейчас разговор не о твоей бывшей семье, а той, которая есть у нас сейчас.

— Ты её сам разрушил, — снова бурчала я, — даже если между тобой и той няней не было ничего серьёзного, то... ты её целовал. Это тоже измена.

Эксаль дёрнулся.

— В таком случае ты мне тоже изменяла, — ядовито произнес он, — проклятая свинья Хьюго тебя целовал, — он был в ярости, — ты сама это сказала.

По телу прошла волна холода.

— Н-но я же... — почти задохнулась, — но он же... я же не хотела и не... мне даже было мерзко и... это не я, а он!

Злость Эксаля стала ожиданием с сужеными глазами.

— Есть мысли по поводу того, как обратить твои выводы в мою сторону? — спокойно, но холодно произнёс он, — например то, что меня тоже никто не спрашивал.

Я хмуро разглядывала его наглое лицо. Искусанные губы саднило, но точно не больше, чем сердце.

— А остальные разы? — прошептала, сомневаясь уже в самой себе.

— Остальные «няни» были благоразумнее и пытались добраться до меня не так активно, — закатил глаза мужчина, — ты и сама помнишь последние два скандала. Один из

них происходил не в твоём присутствии, но ты успела попасть на кульминацию.

Я кивнула и начала усиленно думать.

— Я вызываю свидетеля со стороны ответчика, — судья была рада тому, что мы спокойно разговариваем, — Альба Еррера.

Дверь открылась почти сразу. Даже не так — она распахнулась рывком. Вот только мы увидели ожесточенную рожу Карины, которая шла в нашу сторону почти пылая, пока из коридора, где она была, не донеслось рычащее от самой Альбы:

— Сядь, я сказала тебе! Прижми свой зад к креслу, пока я тебя не придушила, крыса помойная!

А я обрадовалась, что это было сказано не мне.

— По какой причине случилась перестановка свидетелей? — строго оглядела девушку судья.

Карина вставала рядом со своим братом, она шипела:

— Потому что эта сучка врёт и не краснеет! — она фыркнула в мою сторону, — смотрите какие все плохие вокруг неё сидят! Да, Долорес? Плохие?! Злые, подставляющие, изменяющие? Отвечай! Или ты только из брата можешь веревки вить?

Мне стало жарко.

— У нас лишь возникло взаимопонимание, — остановил ее Эксаль, — может ты лучше расскажешь, что я не изменял, а после уйдёшь отсюда? Тебя позвали для этого.

Она поглядела на него, как на говно. Другого сравнения у меня не нашлось.

— А ей всегда все изменяют, — хмыкнула с яростью Карина, — знаете почему мама осталась там? Да потому что поверила этой змеюге, что мой муж что-то ей сделал! Хьюго! С этой... прости господи. Я ещё тогда удивлялась тому, что брат в ней нашёл, а тут... ха! Мой муж! Это просто смешно!

— Ты и Инес не верила, — разлепила губы я, — а я уверена, что она не врала. Ей незачем было.

Девушка закатила глаза.

— Да кому ты нужна? Ты ему-то не сдалась, — она указала на Эксаля, — он тебя только из-за детей хочет вернуть, а так...

— Ну всё! — заставил её успокоиться мужчина, — хватит нести чушь. И говори по существу.

Она состроила гримасу.

— У брата фетиш — собирать себе проституток и бомжичек, да жалеть, — закатила глаза она, — вот и тут...

— Карина, — стиснул зубы Эксаль.

— Я её видела, — выплюнула ему в лицо она, — с каким-то мужиком. У дряхлого бара.

Мужчина поднял бровь.

— Это был Пабло, — посмотрела на судью я, — мой брат.

Карине было плевать:

— Угу, мы так и поверили, — смешок, — ладно. Хьюго видел, как ты обнималась с каким-то другим мужиком у нашего дома.

Я тяжело вздохнула.

— Это был папа, — пожала плечами я.

Её глаза полыхнули:

— Ты спишь с вашим водителем! — громко сообщила она.

Эксаль хмыкнул.

— Нет, ну если сама королева идиоток так говорит, то тут я бессилен, — хрюкнул Роб, — Дол, когда будем начинать?

На лице расплылась улыбка. И в самом деле смешно.

— Мама мне неделю назад рассказывала то же самое, — вообще не смеялся Эксаль, — может что-то другое придумаете? Долли сидит дома. Выезжает куда-то только с Робом и мной. А ещё всегда с детьми. Насколько реалистична картина измены в её случае?

Карина вспыхнула.

— Она врёт про моего мужа! — прорычала она, — а он точно не стал бы...

— Ты прощала ему измену, — напомнил ей Роберто, — а он — тебе. Тут та же история?

Девушка замолчала, зло сверля его глазами.

— Твоего мужа мы вызовем позже, — усмехнулся Эксаль, — что насчёт меня?

Карина дернула головой.

— Он придурок, ваша честь, — хмыкнула сестра Эксаля, — просто болван, который как оголтелый бежит после работы к детишкам, обсуждает с женой её бомжатские проблемы и не видит очевидного — его жена конченная сука, которая, как я уже говорила, тянет из него деньги, пьёт кровь и спит со всем, что движется. И я точно скажу, что мой придурковатый брат не стал бы залезать на кого-то, кроме этой дуры ошипанной, а вот она... постоянно! Так что их точно нужно развести! Иначе она сожрёт его полностью, пережует, выплюнет и оставит с голым задом!

Эксаль держал руку у лба, качая головой.

— Из всего этого мы поняли, что изменить ваш брат всё же не мог, так? — судья, — но вы настаиваете на том, что истец это делает? Почему?

— Потому что она лезет к Хьюго! — фыркнула она, — он видимо пожалел её, если не рассказывал мне, но это точно она к нему лезла, как дохлая мразота Инес, но... мне даже интересно почему они так сильно друг друга прикрывают!

Она сузила на мне глаза.

— Он не плохой человек, — пожала плечами я, — и он извинился.

Теперь меня сверлил и Эксаль.

— Долли, он сделал тебе что-то? — пророкотал голосом муж.

Я покачала головой.

— Только то, что я уже говорила, — закусил губу до боли я.

— Я могу решить всё на свете, что касается тебя, Долли, — убеждал меня Эксаль, — я клянусь тебе, что если ты скажешь правду, то мы её с тобой обсудим и решим.

Я не смогла сдержать благодарной улыбки. В этом плане он был идеальным. Я могла рассказать ему о чём угодно. Другое дело — что скажет он.

— Я знаю, — кивнула я, — но то, что происходит, то точно не то, что вы подумали, — снова нервный кивок, — он не хочет для меня зла.

— Он твой свидетель, Долли, — рыкнул Эксаль, — против меня. И у меня очень плохие мысли начинают появляться. Это он надоумил тебя сказать, что я изменщик?

Я покачала головой.

— Ты снова меня не слушаешь, — поджала губы я, — и он только подтвердил, что ты это делал, а не... ему незачем настраивать меня против тебя.

— То есть ты не отрицаешь, что лезла к нему... ах ты тварь! — дернулась ко мне Карина, — я тебе сейчас глотку вырву, дрянь!

Эксаль держал её крепко, пусть сам тоже был задумчивым и злым.

— У судьи есть распечатка переписки! — остановила её я, — там написано, что мы не обсуждали ничего плохого!

— Ага, удалила все сообщения и думаешь самая умная?! — сестра Эксаля.

— Здесь есть печать оператора, — махнула листками в руке судья, — никакого подлога. На самом деле я удивлена, что ваш муж, который по рассказам крайне... тёмная личность, так добродушно и весьма по-дружески ведёт переписку с той, кого он пытался... целовать.

— Он не плохой человек, — я смотрела на неё убеждающе, — и очень сильно извинялся тогда. И именно поэтому решил помочь сейчас.

Женщина кивнула.

— Я могу рассказать, как всё было, — посмотрела на Эксаля я.

— Лучше я возьму эти бумаги, — он направился к судье, — переписка, говоришь, — он вернулся на своё место, — зачем ты вообще ему отвечала?

Я нахмурилась.

— Так он тоже член семьи, — не понимала его гнева, — было бы неправильно его игнорировать.

— Да что ты говоришь, — прерывисто дышал Эксаль, — рассказывай свои оправдания, Долли. Сейчас я прочту всё, что ты писала, послушаю и очень сильно подумаю над тем, что делать дальше.

Я нахмурилась. Мне вмиг стало так страшно и неприятно, что... я же сама хотела с ним развестись! А теперь? Боюсь того, что он со мной разведётся? Что за странное чувство? Разве я сделала что-то предосудительное?

— Х-хорошо, — снова опустила голову, — это было за два месяца до моего совершеннолетия. Карина и Хьюго приехали в гости.

«Франко заболел. Сперва он вяло играл в детской, зевая и хныча, а после совсем уснул, поэтому я сидела с радионяней внизу за столом, но ходила каждые пятнадцать минут проверять малыша. Мы только что сбили ему температуру. Не хотелось проворонить её подъём.

— Я вспоминаю как было легко с папой, — протянула Карина, — он хоть и был иногда капец каким злющим, но точно не жадничал как Эксаль.

Мужчина хмыкнул.

— Да-да, особенно мне было весело читать его завещание, где он не оставил тебе и евро, — ухмыльнулся он, отпив вина из своего бокала, — а всё потому, что ты вышла замуж не за его протеже. Замечательное было время. Единственное, когда его гнев был направлен исключительно на тебя.

Девушка закатила глаза.

— Я и так знала, что он любил только тебя, — смешок от неё, — ты же любимый сынок. Наследник. Папина гордость. Первенец.

Мы с Триси в этот момент листали энциклопедию, подаренную её дядей ей сегодня. Я бы тоже от такой не отказалась, картинки здесь были очень красивые.

— Не ссорьтесь, дети, — улыбалась Альба, — наш папа и в самом деле был очень хорошим человеком. Вы оба получили от него первый капитал, и оба выросли хорошими людьми из-за его воспитания.

Сегодня был его день рождения. Поэтому Альба всех собрала.

— Будто мне это как-то помогло! — закатила глаза Карина.

— Только если немного, — пробурчал Хьюго, — остальное всё сами.

Он гордился этим.

— Что например? — ухмыльнулся откровенно нетрезвый Эксаль, — ныли и тратили?

Роб хмыкнул, печатая что-то в телефоне. Он и махнул мне рукой, говоря о том, что уезжает.

— Пока, — улыбнулась я, — привет Нине и малышке.

Он потрепал меня по макушке и сбежал в гараж, пока его не успели остановить.

— Тебе лишь бы придрататься к словам! — почти визжала на Эксалья Карина, — ты нажрался и сидишь тут... бессовестный! Я тебе и слова плохого не сказала!

Мужчина выпил всё до дна, поставил бокал на стол и ответил:

— Мне бы твои проблемы, — он усмехнулся, — я бы, вероятно, был счастливее всех на свете. Да, Долли? — он даже не повернулся ко мне.

— М? — подняла голову я.

— Ты давно смотрела Франко? — спросил он, пока Альба скалилась, пряча лицо за бокалом.

— Минуту назад, — отчиталась я, — всё хорошо, он посапывает.

Мужчина кивнул и хмыкнул.

— И в чём же проблемы, сын? — пропела Альба, — Хьюго, налей ему ещё вина.

Мне это не нравилось. Помимо того, что Эксаль громко храпит, когда пьяный, причём это было слышно с того гамака на террасе, в котором он спал пока было тепло, так ещё и... разговаривает иногда ну совсем прямо. У нас так в прошлый раз дошло до обсуждения контрацепции и секса как такового. Что-то там про первый раз, как, где и зачем. Спасибо, что не «с кем», иначе я бы брякнула что-то вроде: «С тобой». У нас и так всё было до ужаса странно — он и трезвый может меня как-нибудь обнять, взяться за что-нибудь, от чего краснеть стыдно, а ещё... позавчера потянулся за пультом через меня и положил руку почти на край юбки на бедро. Я ему в этот момент так в плечо дышала, что он выпрямился и забыл, что ему нужен пульт.

— Хватит с меня алкоголя, — отмахнулся Эксаль, — иначе я... храплю. Да, Долли?

Я хмыкнула и пожала плечами.

— Боишься, что будешь храпеть ей на ухо? — ехидно спросила Карина.

Эксаль подался ближе к ней.

— Лучше скажи мне, почему ты такая сука? — в самое лицо.

— Сын! — возмутилась Альба, — ну всё! Точно хватит! Ты вообще можешь стоять на ногах? Какой кошмар! Долли, отведи его в комнату.

Я представила как буду тащить весящего в два раза больше меня мужчину по лестнице и не обрадовалась.

— Сам дойду, — подвинул стол, пока вставал, Эксаль.

— Долли! — поторопила меня Альба.

Знал бы Эксаль, что она мне до приезда Карины сказала. Точно бы не стал пить. У меня в кармане лежал первый с интересом прощупанный презерватив. И проблема в том, что я не знала куда его выбросить, чтобы никто не узнал.

— Спокойной ночи, Трисси, — я вставала, — давай руку, — схватила за неё сама я, — закрою сегодня дверь на террасу, чтобы ты не разбудил Франко, — хихикнула.

А он вполне себе спокойно качнулся на месте, встал нормально и потащил меня в сторону лестницы сам.

— Я тебе закрою! — пробурчала нам вслед Альба, — сколько уже можно?

— Ей же нет восемнадцати ещё, — поднял глаза на женщину Хьюго.

— А ты молчи! — заткнула его она, — какая разница? Месяц раньше — месяц позже.

Она же не рожать собралась в семнадцать. Что страшного то?

Я закатила глаза. Но мы уже поднялись по лестнице, потому было слышно только бормотание.

— М-да, — хихикнул Эксаль, — так открыто она об этом ещё не говорила при нас двоих. Прогрессируем.

Он всё ещё сжимал мою руку.

— Ты так хитро решил сбежать раньше и спасти меня? — улыбнулась, разглядывая длинный коридор с дверями.

Он хмыкнул, остановился и задрал голову к потолку, явно о чём-то думая. Его пальцы сжали мои сильнее.

— Я тоже уже не могу, Долли, — пробормотал он, — это становится невыносимо.

Я пожалала плечами.

— Твоя мама давно перегибает палку, но она и до этого говорила всякое... стрёмное, — я пожалала плечами, — но чтобы прям совсем невыносимо... может это потому, что ты сейчас пьяный? Тебе кажется и...

Он перебил меня смехом. А после... вернул голове нормальное положение, развернулся рывком и начал быстро приближаться. Глаза расширились, сердце прыгало из груди, а я пятилась до того момента, пока спина не наткнулась на прохладную стену. Он наклонился ко мне вплотную, его горячие руки скользили по талии вниз, к снова короткой юбке — сперва по топику, а после по обнаженной коже пока не добрались до юбки и не замерли пальцами на крае подола.

Его нос уткнулся в мою шею, шумно вдыхая и вызывая мурашки по всему моему телу. Моя макушка прижалась к стене, открывая для него шею, но оправдываясь тем, что я сделала это от усталости. Так же как он, да? Только от усталости я облизывала губы, тяжело дышала и пыталась не думать о ноющем животе, по которому ещё секунду назад нежно вели его пальцы.

Мы стояли так больше пяти минут, думая явно об одном и том же, но не разрешая себе так делать. И не только из-за Альбы — за стеной от нас лежала не встающая Инес. Его жена. Мы и стоять-то так не могли.

— Твоя мама дала мне презерватив, — зачем-то разбила напряженную тишину я.

Что я хотела этим сказать?

— Только один? — хмыкнул Эксаль.

Губы сами по себе расплылись в усмешке.

— Я просто не знаю куда его деть, — пробормотала я.

Мужчина рассмеялся.

— Мысль про использование по прямому назначению мы отмечаем? — выпрямился он.

Но всё ещё нависал надо мной. Очень близко, лицом к лицу. Я трусливо двинула руками вверх по его груди к плечам. Мне казалось, что я не дышала.

— Мне страшно, — одними губами прошептала я.

Он выпрямился, сделал вид, что ничего не произошло, только дернул мою юбку вниз, якобы поправляя, и кивнул. Отходить никто так и не стал. Как и отпускать друг друга.

— Мне казалось, что ты не опустишься до такого, — заставил нас повернуть головы к

лестнице голос Хьюго, — всегда кичился тем, насколько ты благороден и правилен, а тут такая картина, — он усмехнулся, — зажимаешь няню своего сына, пока твоя жена умирает. Какая ирония!

Эксаль сделал шаг назад, отходя от меня. Без него стало как-то холодно и одиноко.

— Я пока только зажимаю, — смешок от мужчины, — а вот ты прямо и без стеснения изменяешь. Хочешь обсудить это? В семейном кругу.

Хьюго почти оскалился.

— Я только хотел сказать, что ты такой же, как я, — психанул он, — ничем не отличаешься. Не такой ты уж пример достоинства и чести, если делаешь как все.

Эксаль помотал головой.

— До такого, как ты, мне далеко, — пьяный смешок Эксаля, — Долли, пойдём спать. Видишь, меня успели осмеять и прировнять к нижней ступени эволюции.

Я помотала головой.

— Ты точно не такой, — пробурчала.

И пошла за ним следом, сжимая пальцами край его рукава. Пока Хьюго смотрел и ухмылялся. Он будто чего-то хотел. Сказать или сделать — не знаю. Зачем-то же он поднялся на второй этаж.

Я закрыла за нами дверь, мужчина подошёл к кровати с малышом и улыбался. Франко сопел, видя свои детские сны.

— Температуры нет, — потрогал его лобик Эксаль, — нужно будет проверить перед сном.

Я кивнула и стала убирать с дивана раскиданные игрушки.

— Давай я помогу, — сел рядом мужчина, — съездим послезавтра в магазин. Эти кубики выглядят... словно они пережили несколько эпох.

Я улыбнулась.

— Помою завтра и всё, — решила проблему, — Франко сегодня ел шоколадку и обмазал со всех сторон, — смешок, — я так уже третий раз за эту неделю делаю.

Эксаль смотрел на меня внимательно, пока я говорила. И думал точно не о зелёном кубике в его руке.

— Мне тоже страшно, Долли, — его кивок, — страшно представить кем я буду после того, как испорчу тебе жизнь своим вниманием.

Я взглянула на него из-под ресниц.

— Если ты так решил, то значит это правильно, — дрожал мой голос.

Мужчина усмехнулся.

— Это значит только то, что я идиот, Долли, — отставил полную коробку на пол он и развалился на диване сам, — а ты дурочка, потому что поддаешься и соглашаешься с каждым тупым мусором, что донёсся из моего рта, потому что мозги перестали функционировать ещё полгода назад.

Я помотала головой.

— Ты всегда говоришь что-то умное и хорошее, Эксаль, — смутилась я.

Но взгляд от его глаз не отвела.

— Да-а? — рассмеялся он, — тогда снимай свою юбку и доставай презерватив.

Я сперва застыла. А после, заметив смех в его глазах, скривилась и упала на спину, как и он, плечом к плечу.

— Ты точно грубиян, — пробормотала я.

— Я больше не буду, если ты захочешь, — он стал серьёзным.

Я смотрела в белый потолок.

— Я хочу, чтобы ты продолжал, — прошептала для него.

И закрыла глаза.

— Прости меня, но я тоже, — хмыкнул он.

И я долго думала, что ему ответить. Тем более он молчал. А когда я повернула голову к нему через несколько минут и стукнулась с ним нос к носу, он уже сопел, как и его сын. Так же мило и любимо мною».

— Давай следующую часть своего рассказа без подробностей, — задумчиво попросил Эксаль, — хотя бы без того, где и кто кого зажимал.

— Я сказала про коридор только потому, что нас там распугал Хьюго, — напомнила ему, — и я не стала говорить, как именно ты меня зажимал, — только подумала сама.

Из-за чего почти вся покраснела.

— Долли, я настаиваю на чём-то вроде краткого «Восемнадцатилетие, ночь, случайность». На этом всё, — под смехок своей сестры, — да, Карина, тебе можно снова держать своего мужа вместе с мамой. Ты справилась со своей задачей, пусть и слегка не так, как было нужно.

— Ответчик, со свидетелями общаюсь я, а не вы, — осуждающе поджала губы судья, — как и приглашаю и отпускаю, — тяжёлый вздох, — однако... это всё, что вы хотели сказать, свидетель?

Карина усиленно думала.

— Вы можете сесть на кресла позади вас, а когда будете готовы, подайте мне знак, — судья.

Девушка кивнула, зыркнула на меня и сделала как сказали. Она терпеть меня не могла.

— Следующий вопрос, — снова судья, — к-хм... ответчик. Ваши слова. «Восемнадцатилетие»?

Эксаль расплылся в ехидной улыбке.

— Преступления в моих действиях не было, — широко улыбался он, — можно считать, что успел начаться новый день. Времени было несколько позже полуночи.

Женщина строго на него смотрела.

— Знаете, ответчик, я ежедневно встречаю в этом зале плохих людей. Не обязательно мужчин — женщины иногда поступают невыносимо, однако... вы же понимаете, в чём именно вы виноваты. За что вас нужно судить по правде.

— Это я, — пробурчала я, — он ко мне не подходил, как тогда в коридоре.

— И впервые мне не хочется спорить, — кивнул муж, — вернее, я официально признал бы случившееся случайностью.

Судья закатила глаза.

— Ещё более важным следует обозначить то, что в вашем рассказе, истец, и в комментариях ответчика всё идёт невероятно гладко, — помотала головой она, — слаженно. Между вам нет ничего, что привело бы вас сюда с теми претензиями, которые есть у вас сейчас друг к другу. А значит... что стало камнем преткновения?

Мы переглянулись. Кто, а не что. Его мама. И мы знали это оба, но сколько бы не обсуждали — он убегал от правды, а я продолжала терпеть. Сейчас сил это делать уже не осталось.

— Переписка, — Эксаль напомнил присутствующим о листках в его руках, — Хьюго начинает диалог, ты пытаешься отказаться от беседы. И, — смехок, — я, конечно же, успею надавать ему по шее за то, что он ни разу не говорил про меня подобного мне же, но тут смысл в другом, Долли. Ты молчишь. Не отвечаешь ему, когда он рассказывает тебе про твою «плохую» жизнь в браке со мной. Что не так?

Я поджала губы.

— Он не писал, что ты плохой, а... — «то, как ты поступаешь со мной иногда».

Неприятно.

— Если я говорила тебе, что мне что-то не нравится, то ты меня игнорировал, — прошептала я, — не всегда, но часто. Меня это обижало, а ты делал вид, что ничего не случилось.

— Например? — скрестил на груди руки мужчина, — Долли, подумай теперь насколько всё вышло хм... «обижающе» для меня: ты обсуждаешь наши проблемы с каким-то придурком, в то время как я даже не знаю об этих проблемах! Когда ты пыталась со мной что обсуждать? Напомни.

Зубы скрипнули.

— Я перестала это делать, потому что ты бы ничего не ответил, — пробурчала я, — тебе было всё равно, а я не хотела расстраиваться сильнее.

Он постучал пальцами по своей стойке.

— Заблокируй его, — сузил глаза Эксаль, — прямо сейчас. Давай. Я жду, — смешок, — мы оба знаем на кого именно ты должна была мне жаловаться, но прими и мой вариант развития событий — моя любимая жена, стоило ей забеременеть, стала... как бы выразиться помягче... хм... капризной. Решила устроить перестановку, накупила множество вещей, — он рассмеялся, — начала гнездоваться. За что естественно была похвалена и поглажена по голове не менее сотни раз. А вот после занятия для бурной деятельности закончились, поэтому она решила слегка повоевать с моей мамой. Случилось — с кем не бывает. Однако тут сошлись два камня. И никак не могли разойтись, а значит с моей стороны был несдвигаемый компромисс для вас двоих. «Ничего не ответил»? Я стоял меж двух огней! Контролировал вас двоих, пока в ход не пошла тяжёлая артиллерия, и вы обе не стали делить дом, меня, деньги и чёртов город! Так давай, — он подался в мою сторону, — скажи мне ещё раз, что я ничего не делал. Подожди губки, сострой бровки и скажи, насколько тебе было тяжело терпеть безразличного мужа.

Я опустила взгляд к полу.

— Ты этого не рассказывал, — ответила ему.

— Давай ещё честнее, Долли, — он устало хмыкнул, — до восемнадцати лет воспитателем и примером для подражания для тебя была моя мать. После я понял, что тебе необходим воздух и немного уверенности. Случилось грандиозное комбо! Ты вопьёшься в меня клыками, стоит мне слегка дать слабинку! Пусть неосознанно, но всё же. Вспомни шум, который что я поднял из-за тех дурацких обоев в детской, — он кивнул, — я только через сутки понял, что твои заплаканные глазки заставили меня почти орать на мою мать, Долли. Кричать. Просто потому, что вы обе хотели командовать, а конкурентка не давала.

Я была с ним несогласна. Альба тогда вообще никого не спрашивала кто что хочет — делала, как ей вздумается. А там был мой выбор!

— Нужно было съезжать уже тогда, — я отвернулась от него.

Эксаль кивнул.

— Не спорю, — он оперся на свою стойку, — так же, как и ты не должна была не спорить с моей правдой о тебе. Я не виню тебя в том, что ты мило пробираешься ядом в чьё угодно сердце и контролируешь его, — смешок, — тут я внёс огромную лепту. Но давай ты хотя бы признаешь это. Я признаю, что был с тобой мягким до прискорбия, а ты тайно командовала.

Я возмущённо на него посмотрела.

— Это неправда, — сообщила ему, — я просто не хотела, чтобы мной помыкала Альба! А она лезла во всё и всегда. Вот кто проникал в чужие сердца.

— Да что ты говоришь, любимая, — смешок от мужчины, — а она хотела того же с твоей стороны. Но смысл в том, что между вами застрял я.

Я не знала, что ответить. Теперь я чувствовала, будто ничего сама не видела. Казалось, что ему всегда было всё равно. А тут...

— Мама не даст вам ужиться, — довольно покивала Карина, — и я рада, что у неё открылись глаза на эту змею, — она хмыкнула, — осталось понять и тебе, брат.

— А я понимал это сразу, — хмыкнул Эксаль, — и волна твоего ехидства только подкрепляет моё решение — мы переезжаем в любой выбранный Долли город. На тебе остаётся развлечение нашей матери, Карина. Так уж и быть финансовая сторона вопроса будет на мне.

Из коридора послышался шум. Кажется, Альба пыталась пробежать мимо охранников в зал.

— Как видите, мама под впечатлением, — рассмеялся Эксаль, — Долли, давай договоримся на перемирие. Твои условия?

— Я хочу дождаться всех свидетелей, — огорошила его, — чтобы услышать полную историю со всеми... фактами, — я скисла под его суженными глазами, — понимаешь, я тебе верю, — пока он поднимал бровь, — и, наверное, больше потому, что мне страшно и одиноко, а ещё я тебя люблю, поэтому в голову лезут всякие мысли, которые тебя оправдывают и я... я очень хочу чтобы всё было правдой, но мы... да, ты решаешь проблемы, которые у нас были, но... главную ты пропускаешь мимо ушей.

Он внимательно меня разглядывал.

— Ты начинаешь что-то решать, только когда я совсем уже... — мой выдох, — устала. И ушла, пытаюсь развестись или начинаю... плакать.

Мужчина медленно и задумчиво кивнул.

— Ладно, — неожиданно спокойно согласился он, — семейный психолог, ты и я. Решение всех проблем, — смешок, — хотя у меня всё ещё есть уверенность, что переезд подальше от «раздражителей» избавит тебя от терзаний.

Я пожала плечами. Мне было страшно от того, что он так легко шёл на мои просьбы. Даже казалось, что он врал.

— Однако, больше интриги в том, что ты жаждешь услышать слова свидетелей, — Эксаль кивнул, — и дело явно не в криках ярости от моей мамы, так? — он снова махнул в руках листками с нашей с Хьюго перепиской, — он писал тебе, что «знает о твоём муже всё». Грехи, да? Это смешно, Долли. Он пытается убедить тебя, будто я делал то, что делал он. Как тогда в коридоре, помнишь? Не смог втолковать мне и принялся за тебя. По крайней мере это единственная адекватная версия происходящего, которую я могу выдать. В остальных я пытаюсь понять, какого хрена он так активно настаивает на общении с моей женой, пока его собственная об этом не знает, — смешок и поворот к креслам, — да, Карина. Есть желание прочесть и удостовериться в виновности твоего благоверного?

Он даже подошёл к ней, чтобы отдать бумаги.

— Может ему стало её жалко? — пробормотала девушка, — он же не видит, что она та ещё сволочь. Как и ты, брат, повелся на её смущение и слёзки. Тьфу!

Она продолжила ворчать уже тише, читая переписку с листов. Эксаль же как-то странно улыбался.

— А я не против свидетельства Хьюго, — пожал плечами он, — мне крайне интересно, что он скажет про меня. Вернее, про мои деньги — его только это волновало. Не твоя «жестокая обманщица судьба», а именно деньги. Причём мои, твои и наших детей, — он воспрял от мысли, — Долли, идея! Не хочешь няню? Отлично, это не обязательно. Выберем для Франко детский сад, с посещением, когда нам будет удобно. Я буду отвозить его и привозить, а ты решать проблемы с его адаптацией.

Я была в ужасе.

— Он очень плохо к такому отнесётся, — помотала головой, — он же ещё маленький и...

— Обговорим это после заседания, — он был доволен.

А значит уже всё решил. Я нахмурилась. И хотела бы подумать о малыше, вот только над головой висела другая проблема. Ещё и Эксаль снова был уверен, что ничто и никогда нас не сможет разлучить. Я, если честно, сама в этом уже сомневалась.

— Отличные планы, ответчик, — кивнула судья, — но вернёмся к заседанию. Свидетель высказал нам свою точку зрения, поэтому я с чистой душой могу настоять на продолжении истории от вас, истец. Итак. Восемнадцатилетие, — косой взгляд на Эксаля, — как бы прискорбно это не было. Что вы помните об этом дне?

Я кивнула. Я помнила многое. И больше, конечно же, по эмоциям, но самое главное... если Эксаль тогда сказал, что понял, что хочет жениться на мне, то я... как бы злобно это не звучало, поняла, что преграды в виде Инес, мнения Роба, странностей Альбы и ещё чего-то вообще не важны по сравнению с тем, что я к нему чувствую. Да, только восемнадцать. Да, девять лет разницы, но... у меня уже тогда несколько месяцев как перед глазами была розовая пелена любви.

«С самого утра капал дождик. Мерзкий такой, но удивительно приятный, потому что Альба уехала с самого утра за тортом, на столе в комнате Инес лежала кучка подарков, чтобы Франко не принял их за свои игрушки, а мы с малышом рисовали цветными карандашами на стопке листков, пытаясь не делать это на стенах и на мне. Выходило красиво и красочно, а ещё весело. Разрисовывать няню было одним из любимейших занятий Франко.

В соседней комнате упал стакан, отчего мы с малышом посмотрели друг на друга и встали почти враз.

— Посидишь в кресле? — спросила у него, пока он хмуро подходил к закрытой сейчас двери.

Он не любил ту комнату. Тёр носик от запаха лекарств и... болезни, а ещё боялся Инес. Словно она была для него каким-нибудь монстром из-под кровати, только на ней.

А сама девушка чаще всего молчала, почти не шевелилась и почти всегда спала. Сейчас её призыв меня был очень странным.

— Пить, — прошептала она.

Обычно с ней сидел её врач, но сегодня он должен был уехать на пару часов.

— Да, сейчас, — взяла ещё один стакан взамен разбитому я, — Франко, только не ходи сюда — здесь везде стекло.

Он бы и не пошёл. Не знаю зачем я это сказала.

— Ты не так плоха, как я думала, — она медленно пила, пока я собирала куски стекла, — а я никогда бы не подумала, что буду завидовать тебе.

Я удивилась. И промолчала.

— Терпеть не могу детей, — шептала она, — даже своего... не смогла принять. А ты такая заботливая, — она кашляюще посмеялась, — что ко мне, что к нему, что к... моему мужу.

Она сузила на мне глаза. Я подняла голову от пола. Сердце быстро колотилось в груди.

— Камеры, — объяснила она, — вчера планшет с ними ты оставила у меня, — смешок, — ты заняла моё место.

Франко хмурился на нас с кресла в углу.

— Мама? — позвал меня он, заставив Инес усмехнуться.

— Всё хорошо, — выдохнула я, — я сейчас.

Девушка с кровати снова стала уставшей и темнолицей собой.

— И знаешь, что самое мерзкое? — протянула она, — мне стало не плевать только сейчас. Теперь у меня нет этого, а когда было — я не думала, что оно мне нужно.

Ведро было полно осколками. Нужно будет сказать горничным быть аккуратнее, когда будут убирать мусор.

— Любили бы они меня так, как тебя, — пробормотала Инес, — хотя, я бы и тогда не была счастлива.

— Тебя и сейчас всё любят, — ответила ей я.

Она снова засмеялась.

— Ой, не ври, — она закатила глаза, — я та, кто мешает моему мужу жениться на тебе.

Я подавилась.

— Не делай вид, что ты не знала, — продолжила она, — я слышу ваши разговоры через стену. Особенно когда сюда приходит Альба, — смешок, а после кашель, — она женила бы вас уже сейчас. Но... — она задумалась, — и можешь позволить ему тянуть к тебе руки. Тебя же это останавливало? Я так и знала. Значит, считай, что я ему никто. Всегда такой была. Если тебя утешит это, то я его тоже никогда не любила. Наверное.

Я поднялась, поставила мусорку обратно в туалет и спросила:

— Тебе нужно что-то ещё?

Она дернула щекой.

— Я хочу поменяться с тобой телами и начать жить новую жизнь, — какой-то сумасшедший смех, — уж эту я не бы просрала, как прошлую. А вот ты просрёшь.

Я поджала губы.

— Мы пойдём, — я дошла до двери и протянула Франко за руку, — и... Инес? — я смотрела в её пустые глаза, — прости меня. За него.

Сердце почти ломало ребра.

— Да пожалуйста, — снова смешок, — а вот за то, что не хочешь поменяться местами, не прощу.

Она залилась хриплым хохотом. А мы вышли в другую комнату, где уже нервный Франко попросился на ручки для успокоения. И я его понимала — мне самой было страшно.

— Мультики? — села на диван.

— Кино! — обрадовался Франко.

Если он так говорил, то скорее всего хотел спать. Он всегда ложился на дневной сон под документальные фильмы про каких-нибудь животных или море. Эксаль его приучил. В выходные они засыпали так вдвоем, пока я спускалась вниз к Альбе. Но сегодня был мой день рождения. Поэтому мужчина должен был быть уже где-то на первом этаже, уехав с работы пораньше, пока Альба его использует как помощника.

Но это вообще никак не было похоже на тот огромный праздник для самой Альбы, который был в этом году! Ресторан, салют, куча гостей, тамада и танцы. Я тогда впервые танцевала с Эксалем. Франко тоже понравилось — он висел на ноге отца и визжал от радости. Это было весело, и у меня даже осталось то вечернее платье, которое купила Альба — тёмно-красное с вырезом и облегающее. Его похвалил и Эксаль, который ну очень сильно хмурился, когда меня кто-то звал танцевать из мужчин.

Вечер приблизился быстро — и это был уже второй мой такой праздник. Тёплый и семейный. С большущим тортом и теми, кого я люблю. Мы даже позвали Сару, папу и младших, которые весь вечер смешно округляли глаза и разглядывали дом. Я же чувствовала себя весело не только из-за праздника, но и потому, что я впервые согласилась немного выпить. Чем воспользовался хитрый Эксаль, который после того как все разошлись, принёс в детскую бутылку и бокалы, где хмельная я пыталась смотреть телевизор.

— Теперь у меня есть официальный напарник по алкоголю, — мужчина упал рядом на диван.

Я старалась не смотреть на него, концентрируя внимание на телевизоре. Какое-то странное кино.

— Франко это не понравится, — улыбнулась Эксалью, — я смогу играть с ним только лежа.

Он подал мне бокал. Вино в нём было красным и вкусно пахло. Оно не было для меня тем самым спиртным, которое пила мама. Мне казалось, что Эксаль совсем другой, а значит и его выпивка точно не превращает его в алкоголика. Словно он делал всё лучше только потому, что сам был лучше.

— Ты права, — отпил мужчина.

Он казался совершенно погруженным в свои мысли.

— Я последние полгода... — произнёс он резко, — пытаюсь заглушить сам себя в голове. Выходит, если помнишь, плохо, — он усмехнулся, — а иногда даже наоборот.

Это он про тот раз у стены? Мне казалось, что тогда я тоже была пьяна, хотя ничего не пила.

— Я сегодня говорила с Инес, — начала я.

— О, тебе она тоже проповедь провела, — хмыкнул он, — она поравнялась в счёте с Кариной, называя меня подлецом.

Я поджала губы. Говорили мы явно о разном.

— Их с Робом потрясающая риторика винить меня в том, что раньше они совершали сами... — он допил до дна, — словно мое «бездушие», как они его называют, резко стало ещё хуже, стоило мне понять, что я тебя люблю, — он хмыкнул, пока я округляла глаза, — будто я могу это контролировать. Ха! Избегать тебя. Да, пожалуйста! — смех, — когда-нибудь завтра, когда эта дрянь перестанет давить, а все вокруг резко прекратят мне напоминать насколько я ничтожен либо потому, что смею думать о тебе, либо потому, что не успеваю «использовать» тебя, «подделывать под себя» и хм... «воспитать». Я похож на садиста? Или учителя для... кого бы то ни было?

Я всё ещё удивлённо смотрела на него. А он мило улыбнулся, пьяно поднёс горлышко бутылки к моему бокалу и спросил, будто ничего до этого не говорил:

— Как тебе праздник? Достаточно для совершеннолетия? — он пьяно звякнул стеклом о стекло.

Я разглядывала его мутные от алкоголя глаза, пока он хмурился.

— Планшет с камерами всё ещё у Инес? — спросила у него.

Мужчина не понял к чему я, но помотала головой.

— Вон он, — указал на столик у дивана Эксаль, — Франко играл на нём во что-то малышковое.

А я кивнула, подалась вперед, под трепещущее страхом и влюбленностью сердце и... губы прижались к его уже слегка колючей щеке. Мужчина замер, лишь только положил свою руку на мою, пока я опиралась на его колено.

— Спасибо тебе за всё, — отстранилась от него.

Но недалеко. С ним было тепло даже в такую дождливую ночь.

— Та-ак, — протянул он, — мне точно пора спать. Иначе в моём воображении ты уже начала говорить совсем другие слова и... с другим смыслом.

Я откинулась на спинку дивана и закинула ногу на ногу.

— Например? — стало интересно мне.

— Я не настолько пьян, чтобы растрепать тебе то, о чём ты меня осудишь, — он хмыкнул и поднялся на ноги, — самое сносное там было... — он хихикнул, — ну нет — оно тоже... за гранью добра. Хм... а если... — он задумчиво оглядел меня сверху, — не-а, я пошел. Гамак и... на этом всё.

— Спокойной ночи, — сказала ему вслед, — пусть тебе приснится то, о чём ты не стал мне говорить, — я рассмеялась, — и не храпи, пожалуйста.

Он обернулся уже у двери на террасу.

— Ага, — он явно хотел сказать что-то другое, но решил промолчать, — куплю громкоговоритель, чтобы ты тоже страдала... — удаляющееся ворчание от него, — б-р-р... холод тут в тему. И в голове так ясно сразу. Может сразу под дождь?

Я упала головой на то место, где он еще несколько секунд назад сидел. Он меня любит. Сам сказал, пускай и не понял этого. Не запомнил, наверное. А я... а я всё ещё стучала сердцем так же громко и только для него. Будто я могла делать это для кого-то другого так же сильно.

— Выключай свет, — сквозь шум усиливающегося дождя услышала от Эксаля.

Хорошо, что у него плотный тент над головой. Но только там теперь ливень, под который я бы не смогла уснуть, а он... пьяный же. Может уже вырубился.

— Долли, Франко хватит и ночника, а ты можешь спать и под телевизор, — напомнил мне мужчина.

Ох и ворчливый. А ещё вредный и... ему явно было одиноко там — на террасе. Я и сама иногда лежала в гамаке с Франко, когда было тепло. Но сейчас там прохладно из-за ветра и высоты — мы же находились на втором этаже.

— Кто из нас пьян? — вернулся в комнату Эксаль, — Долли, шагай переодеваться в пижаму и... или совершеннолетние девушки не спят в шортах с львятами? — его глаза тоже улыбались.

Я медленно села.

— Прости, я задумалась, — подошла к нему, — спят. Так что иди и ты спи.

И закрыла створки дверей перед его носом. Когда стояла у двери, то задумчиво кусала губы. Может нужно было его позвать на диван? Там на улице начиналась гроза.

— Пижама, — прошептала я и пошла её переодевать, — и сегодня с котятками.

А после выключила свет, телевизор, легла и накрылась одеялом с головой. Там на террасе был ураган. Такой же, как сейчас в моей душе. Гроыхающий, ливневый и

способный унести кого угодно своими потоками.

— Плед, — пробормотала я.

Эксалю точно нужен был ещё один плед. У него явно был и свой, который предназначался для нежарких ночей, но я была уверена, что ему точно нужен второй. Он был в детском шкафу. Тёплый и... я открыла дверь, проскользила тапочками по полу, вцепилась в один из столбов гамака и положила плед рядом с мужчиной. Он явно спал — его глаза точно были закрыты. Потому поскользнувшись в который раз я, сама закуталась в этот несчастный плед, залезла на гамак и прижалась к тёплому боку Эксала.

— Боюсь представить, что ты здесь делаешь, — пробормотал открывший глаза мужчина, крепко схватив меня и прижав к себе.

— Я пришла тебя согреть, — призналась ему.

И приняла решение сделать то, что задумала — накрыла его пледом. Но так как мне самой тоже было холодно, то и пришлось поступить... как пришлось. В общем теперь лежали на Эксале мы с пледом вместе.

— Долли, — выдохнул мне на ухо он.

— Я обратно не пойду, иначе меня смоеет в сад, — хихикнула и смутилась, — прости. Я не подумала.

Над головой громыхнуло. На секунду от молнии стало светло, как днем. Я смогла разглядеть его тёплый взгляд на мне, когда его рука скользила по моей щеке вниз, притягивая меня ближе, а горячее дыхание еще едва касалось губ. И, наконец, прикосновение — ласковый поцелуй, заставивший замереть сердце и прижаться к нему в ответ, впиваясь пальцами в жёсткие плечи. Его руки вжались в мою спину, медленно скользя вниз и не давая не вжиматься в его грудь и живот с силой.

— Я тоже тебя люблю, — прошептала в самые его губы.

Только отпустившие меня из своего плена. Нежные и приятные, как я и представляла. И ставшие почти каменными, когда он впился ими в мои, вызвав волну жара по телу и следом дрожь, забравшуюся куда-то глубоко в грудь. Горячая волна же обосновалась в животе, покалывая, давя и прося. Вынуждая подавлять стоны до того момента, пока мужчина не перевернул меня рывком, подминая под себя, впился губами в шею и потянул тонкую маечку вверх.

Его руки на моём обнаженном животе. Ярко и горячо, не смотря на ледяной ветер вокруг. Выдох в мои губы, пока я пытаюсь сделать с ним хоть что-то, что делает он. Я тоже хочу под его футболку — туда, где жарко, приятно и скоро станет моим.

Твёрдые цепкие пальцы на бедрах... колене, внутренней стороне бедра... шортики с котятками, да?

Умопомрачительный поцелуй в губы. Сминающий и проникающий глубже, чем его пальцы под моим бельем. Его руки обжигают, оставляют после себя пылать все тело. Заставляют выгибаться ему навстречу, прижиматься бедрами к нему... позволять снять совсем эти никому не нужные шорты... и застонать, прижавшись к нему всем телом.

— Б-больно, — прошептала ему на ухо я.

— Долли... — его шёпот в ответ.

Красные щеки, наше тяжелое дыхание и поцелуи, пока я впиваюсь пальцами в его спину по футболкой и думаю только о том, как я люблю его. Горячие объятия, его рука под моим коленом... всхлип и... взгляд глаза в глаза. Мы застыли так на несколько молчаливых минут, пока приходили в себя и думали о том, что произошло.

— Хорошо, что ты тогда не выбросила презерватив, — снова нежный поцелуй от него. Я смущенно улыбнулась. Я сейчас с ним..! Что?!

— Альба наотдавала мне их на целую упаковку, — пробормотала я, пока он садился, а я прикрывалась в тот самый плед.

Он и в самом деле его согрел.

— Значит, нам повезло, — хмыкнул счастливо он, — доползи сюда, я тебя донесу до ванной.

Я помотала головой. Он сгрёб меня в охапку сам.

— Кто-то жаловался, что не сможет пройти обратно, — промурчал он мне на ухо, — разве нет?

В ванной меня поставили сразу в душ.

— Плед? — протянул руку, снимающий футболку Эксаль, — Долли, в нём помыться вряд ли получится, — он рассмеялся.

— Иди отсюда, — пробормотала я, а после исправилась под его поднятой бровью, — пожалуйста.

— А намылить спинку? — усмехнулся он.

Я помотала головой.

— Сама намылю, — совсем залилась краской.

Он склонился ко мне неожиданно быстро. Уносящий мысли поцелуй, тёплые объятия и смешок мне в ухо после:

— А вот я не справлюсь, Долли, — шёпотом, пробирающим до мурашек, — больно я тебе больше не сделаю, обещаю. Но пощупать успею.

Кожа лица горела.

— Ты сам сказал, что в пледе н-не получится, — напомни ла ему, — а без него я... умру.

Эксаль захохотал.

— Гибель от смущения? — был доволен он, — ладно, в таком случае я схожу в ванну соседней комнаты. Не торопись, Долли, — он попятился к двери, не забывая разглядывать меня, — и отправь плед в стирку, — смешок, — нам же нужно скрыть следы преступления.

Он вышел, а я выдохнула так сильно, что села на кафельный пол душевой и пыталась отдышаться. Мылась я в таком же шоке. Выходило плохо, однако здесь висел мой халат, так что я вышла в комнату, собравшись с мыслями и полностью закутанной.

— Я был готов идти спасать тебя от самой себя через две минуты, — улыбался Эксаль, — сразу спать или обсудим?

Я помотала головой.

— Значит, спать, — указал на диван мне он, — свет выключу я, ложись, Долли.

Спорить с ним у меня не хватило бы сил. Мне казалось, что меня трясёт. А когда в детской стало темно, а горячее мужское тело прижалось к моей спине в объятиях, то я вздрогнула и замерла.

— Как ты себя чувствуешь? — поцелуй в плечо от него.

— П-пойдёт, — ответила одними губами.

— Съездим завтра к врачу, — решил он.

Я помотала головой снова.

— Странно, а не... плохо, — выпалила быстрее, чем поняла, что сказала.

— М? — ещё один поцелуй, только уже в шею сзади, — надеюсь, не страннее, чем мне,

потому что ты — лучшее, что было у меня за всю жизнь, Долли.

Я почти не дышала. А ещё я призналась ему в любви. Вот я... бесстрашная.

— И я сделаю всё, чтобы не испортить то, что мы с тобой создали, Долли, — добавил мужчина, — я с тобой. Поняла?

Я медленно кивнула.

— Повернёшься ко мне? — хмыкнул он.

Я зажмурила глаза. И... если ему так нужно, то... лицом к лицу. Тёплый поцелуй от него в... нос. Он в темноте не видит? Точнее в полумраке? Не тянуться же мне к нему самой?

— Теперь действительно спокойной ночи, — прижал меня к своей груди он, — хотя... если ты ещё пару десятков раз скажешь, что любишь меня, то... нет, ты права — спокойной она перестанет быть.

Губы сами по себе растянулись в улыбке. Я была счастлива, взволнована и... еще куча всего, что мучало меня до самого сна. В его руках.

Разбудил меня Франко, проползший между нами с его отцом, что бы лечь между нами и начать обниматься.

— Не разбуди маму, — прошептал и зевнул Эксаль, — дай ей хоть одно утро выспаться.

— Неть, — хихикнул Франко, — мама... моя!

Хрюк Эксаля разлетелся по комнате.

— А я вёе думал, зачем ты говоришь мне это так часто, — мужчина пригладил волосики на голове сына, — я теперь тоже могу тебе говорить: «Мама моя».

Я покраснела.

— Неть! — звонко рассмеялся Франко, чем точно должен был меня разбудить, поэтому Эксаль приподнялся, поставил голову на локоть и начал разглядывать меня.

— Доброе утро, — смотрел на меня с довольной улыбкой он, — как спалось? М! — вспомнил он, — я тебя люблю, — смешок, — так, вдруг ты забыла.

Я открыла рот и... закрыла его.

— Уто! — исковеркал слово «утро» Франко, сползая по кровати на пол и неся мою руку за собой, — уто, уто, уто...

Собирались мы втроем — Франко терпеть не мог одеваться, поэтому пытался сбежать. От Эксаля это сделать у него не получалось.

А когда мы спустились вниз, усадив Франко на стульчик для кормления и рассевшись сами, то... ничего не произошло. Только розовая я изредка поднимала глаза на поглядывающего на меня с улыбкой Эксаля, пока Альба ворчала о каких-то расходах для дома.

— Да, — вспомнил мужчина, — мама, найми мастера для террасы. Долли вчера практически... уплыла в сад, гонимая потоками дождя.

Я покраснела сильнее. Эксаль усмехнулся и сделал глоток кофе.

— Сад? — обрадовался Франко, будто его туда позвали играть, — сад, сад, сад!

— Хочешь добавить маме мороки с твоим отмыванием? — Эксаль донёс до рта малыша ложку с кашей, — пусть высохнет хотя бы трава.

— Мы в песочницу, — улыбнулась ему, — там уже жарко? — спросила у Роба.

— Влажно и куча луж, — отвлекся от телефона водитель, — как вчера уснула, алкогольчик?

— Идите сразу после завтрака, — нахмурился Эксаль.

Я смотрела исподлобья на Роберто.

— Нормально, — закусила губу я, — только гроза мешала.

И неудобный твердый Эксаль, который ещё и стал горячим под утро.

— Ох, не то слово! — всплеснула руками Альба, — гремело и в самом деле где-то совсем над нами! — она рассмеялась, — это всё ты виновата, Долли! Твой же день рождения был.

Я округлила глаза, пытаюсь дышать спокойно. Я боялась того, что все они скажут обо мне, когда узнают.

— Богиня грома и молний, — усмехнулся Эксаль, — да, Долли? Чистой воды Зевс.

Я краснела сильнее, когда он так на меня смотрел.

— Синьора Еррера, могу я вас... позвать? — высунулась голова горничной из двери на кухню, — это очень важно.

Альба сверкнула глазами со злостью и ворчливо ушла в ту сторону, пока Роб сунул телефон в карман и, сделав глоток кофе, сказал:

— Пять минут до выезда, — напомнил о времени Эксалью, — пойду покурю.

Мы остались втроём. Франко был сразу же отпущен на пол, а для меня помахали рукой, подзывая.

— Приеду сегодня пораньше, — притянул меня и усадил к себе на колени мужчина, — возьмём сына и уедем поужинать, хорошо? — его губы скользнули теплотой по моей щеке к виску, — что-нибудь с детским залом, — он хмыкнул, — возможности остаться наедине у нас крайне малы.

Словно в ответ его словам Франко деловито забрался между нами, сел, впившись пальчиками в наши руки, и запрокинул голову вверх, разглядывая близко находящихся нас. А мы будто были для него двумя стенами домика, прикрывающего его от всего на свете.

— А Роб? — коснулась его носа своим я, — он же...

— Говорил вам не делать этого, и естественно никто не стал меня слушать! — ворчал водитель, пока стоял у двери в эту комнату.

Я дёрнулась.

— Заткнись, черт тебя дери! — рыкнула Альба с другой стороны, — я тебе для чего маяковала не говорить? Ну-ка брысь обратно в гараж!

Тут я уже совсем испугалась, схватила Франко и почти побежала с ним на улицу. Он же хотел в сад!

— Стоять! — притормозила меня Альба, — отпусти ребенка и... иди сюда, моя дорогая! — пропела она.

Я сглотнула. И просяще посмотрела на Эксалью, пока тот беззаботно допивал свой кофе уже стоя над столом.

— Мам, не наседай на неё, — понял меня мужчина.

А после с улыбкой подошёл, поцеловал сперва вытирающего после него щечку сына, а потом меня, только в губы и не стесняясь.

— Где-то в пять, — сообщил он мне, — помогу собрать Франко.

И он пошёл под осуждающим взглядом Роба к нему же.

— Недолго ты вытерпел, — пробурчал водитель, — я ещё приеду, когда отвезу тебя, и спрошу у неё насколько ты козел. Так что вечером можешь ждать от меня скандала.

Эксаль снисходительно его оглядел.

— Она тебе и слова не расскажет, — смешок от мужчины, — ты же знаешь Долли. А

насчёт скандала, то начинай сейчас, у тебя минута, прежде мы выедем из гаража, и я скажу тебе куда ты ещё должен будешь сунуть свой нос.

От них стало слышно только бурчание.

— Ну! — указала мне на стул напротив неё Альба, — давай, детка. Садись. Ты должна сказать мне, что вы с ним решили.

Я её не поняла, потому и нахмурилась. Спасла меня вошедшая в зал та самая горничная, которая отчиталась:

— Синьора, вы оказались не правы, — улыбнулась она, — я просмотрела всю комнату и... внесите в список покупок новый гамак. Этот отстирывать вы точно не захотите, а новый... на нём не будет крови.

Лицо Альбы было жутким. Её горящие огнем глаза стали еще круглее, губы растянулись в оскале, а из груди донесся свист.

— Ты была самым выгодным из моих вложений, Долли! — она вскочила и обняла меня, — лучшая! Так... как же легко тебе удалось... — она захохотала, — всё! Осталось дождаться Инес и... как же я счастлива! Только представь! Идеальная семья! — она села обратно на свой стул, — нужно составить план, как заставить его развестись с этой мразью... — пробубнила себе под нос она, — так... подожди, — её взгляд на меня, — что он тебе сказал? К-кем назвал? Твой статус относительно него?! Ну!

Я помотала головой.

— Нет?! — нахмурилась она, — тогда сегодня и скажет... а если нет, то... господи, что же он задумал? А я... — она застыла, — отдай мне все презервативы, которые я тебе давала, — она явно что-то задумала, — он и в самом деле женится на тебе очень быстро, Долли. Ты же хочешь за него замуж? — пока я мотала головой, — хочешь, я сказала. И не успеет наиграться тобой, как мы поймем его в уже отработанный капкан, — она снова расплылась в улыбке, — Мария, — к горничной, — езжай в аптеку и купи самые действенные витамины для беременных. Чтобы, — смешок, — они нам заранее помогли».

Я смотрела на улыбающегося Эксаля.

— Вы с мамой крайне странные аферистки, — усмехнулся он, — в чем смысл того, чтобы заставить меня сделать и так совершенное бы действие? — смешок, — я не про появление Холли — если ты помнишь, я его откладывал по определённым причинам, а про свадьбу. Мама знала, что я на тебе женюсь. В чём смысл торопить меня?

Я сперва пожала плечами, но потом поняла:

— Она хотела избавиться от Инес, — я потёрла щеку от усталости, — говорила мне, чтобы я рассказывала тебе, что Инес... она... мне надоела и... что-то вроде того. Чтобы ты с ней быстрее развёлся и перестал её лечить.

Я опустила голову. Эксаль довольно кивнул.

— Ни разу от тебя такого не слышал, — он был рад, что я не передавала ему такое, — а маме ты рассказывала какой я неподдающийся твоему влиянию?

Я не смогла сдержать улыбку.

— И ты ещё спрашиваешь почему я тебя люблю, — кивнул он, — ты хоть и хитрая, как мама, но добрее неё многократно.

Тут я была согласна. Альба иногда переходила все границы.

— В задницу её за это чмокни, — прошипела Карина с кресел сзади.

— Подставляй, — сделал шаг ко мне Эксаль, — нет? Долли, ты не слышала? Моя сестра сказала куда тебя целовать, — он встал рядом со мной, потом подвинул меня и встал за мою кафедру, — не возмущайся, дорогая, — смешок от него, — мне тут комфортнее, так что я воспользовался твоим замешательством и...

— Ответчик, будьте добры вернуться на своё место, — устало выдохнула судья.

— Меня жена не отпускает, — спёр на меня Эксаль, — к тому же вы жаждете быстрее закончить этот маскарад, как и я. Потому планируете вызвать мою мать. Я же, в свою очередь, хочу удостовериться, что никто не станет ни на кого нападать.

Тут я была ему благодарна, так что быстро закивала для судьи.

— Ладно, — пробурчала женщина, — в таком случае подведём некоторые итоги, а после вызовем свидетеля. Итак, ответчик, вы открыто признавали ваши отношения, то есть вашу измену первой вашей жене Инес. Так?

Эксаль дёрнул щекой.

— Так, — скрестил на груди он, — разве я похож на того идиота, который станет прятаться в такой ситуации? Все знали к чему всё ведёт, потому я хотел максимального доверия от Долли и остальных членов семьи, — он кивнул, — вот в чём ещё загвоздка, Долли. Я не стал бы скрывать от тебя что-либо, ты и сама это знаешь. Если, — смешок, — вдруг земля перевернётся, а я разлюблю тебя или меня поразит молния и я влюблюсь в кого-то другого, то ты об этом узнаешь первой. Будь уверена, — ухмылка, — однако, уверяю тебя, что так просто от меня ты не отделаешься. Нет! Не так. Ты вообще от меня не отделаешься. Понятно?

Я медленно кивнула, не понимая откуда у него столько слов. Он так много говорил только когда пьяный.

— Второй итог, — поджала губы судья, — ваша дочь появилась так же из учета планов Альбы Еррера.

Я помотала головой.

— Холли была... сделана, только когда прошло пять месяцев с того разговора, — покраснела я.

— Восемь, — поправил Эксаль, — три месяца до смерти Инес, плюс один до нашей свадьбы, и четыре в браке.

Я могла только кивнуть.

— Тоже случайность? — хмыкнула судья.

Эксаль повёл головой, раздумывая.

— В какой-то мере ошибка, — он поджал губы, — открыто ребенка мы не планировали. Особенно я.

Я решила добавить:

— Я даже сильно испугалась сначала, когда... — я выдохнула и вернулась в свои воспоминания:

«Эксаль даже закрыл глаза. Почти зажмурился, если быть точной. Ему явно не нравилось то, что я сказала. А я... с моих губ медленно сползала улыбка.

— Какое счастье! — разбавила тишину своим криком Альба, — малыш! Наконец-то! — она почти плясала, — ох, как же я этого ждала, — она громко рассмеялась, — как ждала!

Она так не радовалась, даже когда зареванная я спускалась сказать ей, что уже который приступ Инес... унес её вместе с собой. Или когда через месяц мы с Эксалем тихо и по-семейному расписались, чтобы не делать из трагедии праздник. Или... но сейчас в её глазах было столько радости, что Эксаль на её фоне выглядел бледным, разочарованным и... холодным.

— Накупим кучу распашонок... рубашек! И, — женщина почти задохнулась, — а... а если господь совсем меня порадует и... это будет девочка?!

Тест с двумя полосками перед Эксалем почти испепелялся его взглядом.

— Прости, — прошептала я.

Альба дёрнулась и замолчала, переводя взгляд с почти плачущей меня на собственного сына.

— Долли, — протянул мужчина, — я не... если ты помнишь, тут виноват я, а не ты, — он понуро кивнул, — снова я. Поэтому... мама, выйди из комнаты. Мы обсудим и скажем тебе, что решили.

Женщина застыла.

— Насчет чего решили? — сощурила глаза она, — какого чёрта ты не рад?! И-и что ты задумал?!

— Мама, — зло скрестил на груди руки Эксаль, — выйди. Я сейчас совсем не хочу с тобой спорить.

Альба скривилась, но вылетела из комнаты и рванула, кажется, к себе.

— Мне казалось... — прошептала я.

Он обожал Франко. Любил меня — я успела удостовериться в этом за последние месяцы. Реально любил, как и я его. А тут... сегодня утром я встала с уверенностью, что что-то не так. Альба сама дала мне этот тест. И вот: мой муж совсем не рад тому, что у нас будет ребенок.

— Я боюсь, — выдохнул Эксаль, — Долли, только представь... — его глаза бегали, — как ты себя чувствуешь? — он показался и в правду испуганным, — Долли, я звоню Робу... черт его побрал сегодня отпроситься! — он что-то быстро набирал в телефоне.

— Зачем? — не поняла я, — мне отлично. Я даже... Альба сказала, что меня будит тошнить, но... пока я только... от вас слышу, что мне плохо.

Я склонила голову и стёрла первые слёзы.

— Долли, — позвал меня к себе мужчина, — тебя расстроило... слушай, мы справимся, честно. Я найму докторов лучше, чем были у Инес, и мы...

Я ткнула носом в его шею и догадалась:

— Ты думаешь, что я тоже заболею? Как она?

Он застыл.

— Она была здорова полностью до того момента, как в ней не... появился малыш, — пробурчал он, — мой малыш. Как и в тебе сейчас.

Я не сдержала улыбки.

— Я тоже хочу девочку, — прошептала для него.

— Так, — остановил себя и меня он, — теперь я начинаю радоваться, Долли. Не... вселяй в меня хорошие надежды, они имеют свойство не сбываться.

Мои губы накрыли его. Когда я успела так к нему привыкнуть?

— Тогда, — прошептала, — ты всё-таки рад?

— Если ты не будешь болеть, то я буду самым счастливым на свете, — ответил мне Эксаль».

А в настоящее время мы всё ещё стояли близко друг к другу и молчали.

— Вы болели? — решила спросить судья у меня.

Я помотала головой.

— Вообще нет, — улыбнулась, — Холли только заставляла меня много есть. Я... растолстела на десять килограмм и... до сих пор не смогла сбросить.

— Всего десять? — удивилась судья, — как же странно вы иногда видите мир, истец.

— А я говорил, что ты лишь перестала быть тощей, — кивнул Эксаль.

Я была с ними не согласна. Тощей я была до тех пор, пока меня Альба не раскормила.

— То есть беременность пошла вам на пользу? — кивнула судья, — а вашей семье?

— Она была фарфоровой статуэткой, — раздался голос Альбы от дверей, — Карина, милая, будь добра — вернись и посиди с Хьюго, пока мы будем решать проблемы здесь.

Она медленно и гордо прошла мимо рядов кресел, цокая каблуками и с поднятой головой.

Оглянувшиеся к ней те, кто был в зале, молча напряглись. Альба возвышенно дошагала до стойки Эксаля, который он стоял у моей, и оскалилась:

— Добрый... вечер, да, — она кивнула важно, — уже вечер, Долорес. Ты потратила целый день всех присутствующих из-за собственной прихоти. Ничего не меняется.

— Мы договаривались, мама, — скрестил руки на груди Эксаль, — и ты помнишь до чего мы дошли. Будь добра — выдай своё признание, которое поведала мне, и мы поедem домой.

Альба дернула щекой.

— Ваша честь! — она даже не посмотрела на сына, — я та единственная, кто будет говорить в этом зале правду.

— Так давайте, свидетель, — сощурила глаза судья, — мы все ждем. Пожалуй, я задам вам несколько вопросов, — она кивнула, — как складывались ваши отношения с истцом?

Альба медленно повернула голову ко мне.

— Замечательно, — улыбнулась она, — те два года... с половиной, когда в ней ещё

теплилось уважение ко мне, помимо... адекватности.

— Мама, — поджал губы Эксаль.

— За несколько последних лет я четко уяснила один факт, — пропела Альба, — беременность ужасно меняет женщин! Только представьте какие изменения произошли с моей юной и кроткой невесткой.

— Вы сами мне сказали... — начала было я.

— Ах! Вот оно! — перебила меня Альба, — слышите? Эта наглая манера влезать в чужой разговор, когда её не просят.

Судья нахмурилась.

— Продолжайте, истец, — покачала головой она, — у вас есть возражения?

Я кивнула.

— Вы сами говорили мне, чтобы я не молчала, — напомнила ей, — чтобы я высказывала вашему сыну, если он делает что-то, что мне не нравится.

— М, — усмехнулся Эксаль, — то есть этим занимался не я один, — смешок от него, — тогда чего ты хочешь сейчас, мама?

Альба скривилась.

— Я хочу вашего развода, — она высоко приподняла подбородок, — это первое здоровое желание от твоей жены за последние месяцы, — она поймала его злой взгляд и решила объяснить, — вы ужасная пара! Вы ссоритесь!

— Последний месяц и только из-за тебя, — кивнул Эксаль.

— У вас огромная разница в возрасте и уме! — снова женщина.

— Вас не смущало это, когда вы сводили их, — хмыкнула судья.

— Девушка имеет откровенные беды с... головой! — фыркнула Альба, — она выдумщица и... имеет огромную склонность лгать! Я... — она смешно вытянула лицо, — я их не сводила.

Мы с Эксалем и Робом посмотрели на неё с сомнением. Она не смутилась!

— Назовите это как вам хочется, но именно из-за вас они стали парой, — ответила судья, — по крайней мере так быстро.

Альбе было плевать, она качала головой, как бы говоря этим, что все мы врем.

— Долорес нужны только его деньги, — подалась вперед женщина, — вы сами слышали из какой семьи и места я её подобрала. Вот и подумайте, насколько сейчас горят её глаза, когда она думает об обогащении за наш счёт!

— За мой, — поправил её сын, — и никто никого не подбирал, — он был зол, но сдерживался, — и у самой Долли крайне мало понимания сколько и чего она может получить, — он усмехнулся, — дом, в котором мы живем, полностью принадлежит ей, а она отказывается от него. К чему тогда это говорить?

Альба покачала головой.

— С компании она получит больше! — обрадовалась догадке она.

— Вообще нет, — ответил ей Эксаль, — тут большая сумма сразу, а там много небольших и раз в какое-то время. Такая себе идея.

Я ничего не поняла. Муж медленно пробрался к моей ладони, сжав пальцы и улыбнувшись. Теперь мы стояли, держась за руки.

— Это ты ничего не понимаешь, — рыкнула Альба, — а вот я верю своей дочери больше, чем этой... бессовестной!

— Насчёт чего? — наклонилась из-за Эксаля я.

Он мне её загоразживал.

— Невинная девочка оказалась совсем не невинной! — объяснила мне со смехом женщина.

— Вы сами-то себе верите? — судья переводила взгляд с меня на свекровь, — она своего мужа стесняется, с которым была в отношениях два года.

Я поджала губы.

— Я его не стесняюсь, — пробурчала я.

— Да-а? — хихикнул Эксаль, — приедем домой и мыться отдельно ты больше не будешь.

Я вспыхнула! И начала мотать головой.

— А всё! — был счастлив мужчина, — первое слово. Всё-о!

Забрала у него руку и отвернулась. Он оставался довольным.

— Факты измены говорят сами за себя, — напомнила о себе Альба, — и... да, дорогой, прости меня за это, но... я должна быть честна с судом! Поэтому, ваша честь! Мой сын изменял, продолжает и сто процентов будет продолжать изменять своей... надеюсь бывшей жене! Я свидетель.

Эксаль отвлёкся от меня и полностью повернулся к своей матери.

— Например? — он скрипнул зубами, — мама, у нас был разговор. И я сообщил тебе, что я тебя за это не прощу.

В её глазах что-то мигнуло, но тут же исчезло.

— Я бы не стала... — начала она.

— Врать? — хмыкнул Эксаль, — но именно это ты делаешь. Что ж, я тебя услышал и воспринял, мама.

Он повернулся ко мне всем телом и уставился куда-то в противоположную стену, пока глаза женщины бегали.

— И что ты сделаешь? — выдохнула она.

— Вы так и не сказали, когда именно стали свидетелем измены вашего сына, — напомнила судья.

— Да погодите вы, — отмахнулась Альба, — с-сын?

Ей было страшно.

— Ты же понимаешь, что разведи ты нас, то моё решение не изменится? — он кивнул и взглянул на неё, — но если мы с Долли будем вместе, то уедем максимум в другой город, но если нет, то я буду явно настроен на... что-то неординарное, вроде другой страны.

Лицо Альбы вытянулось от удивления.

— Помимо того, что я поставлю в вину наш развод именно тебе, потому как так и было, а значит тебя будет обеспечивать сестра, либо ты сама, что более вероятно, — мужчина смотрел на неё холодно, — ты же не думала, что я оставлю всё, как было раньше? Теперь у меня не будет обузы в виде Инес, малышей я оставлю Долли, потому как тут очевидно, с кем они будут чувствовать себя лучше. Буду прилетать два-три раза в неделю к детям и любимой, отмечу это, жене, а тебе буду слать отписки, вроде «С днём рождения, мама» раз в год. К тому же, не думаю, что сама Долли пожелает возобновить общение с той, кто испортила ей всю жизнь, — он хмыкнул, — ну это развитие событий произойдет в том случае, если Долли откажется общаться со мной после развода. А она обидчивая.

Тишина оглушила. Альба усиленно думала.

— Вот именно... — прошептала сквозь зубы женщина, — эта зараза испортила нам

всем жизнь, а ты... любит он её, — она фыркнула, — было бы что там любить.

Я потёрла лоб с усталостью. Голова ныла болью.

— Сядем? — позвал Эксаль меня.

И я не смогла отказать.

— Вы раздумываете? — спросила у Альбы судья, — в таком случае я жду продолжения от вас, истец. Расскажите о том, что именно стало для вас разрушающим моментом отношений.

Я села, забрала у недовольного этим Эксалья руку и кивнула.

«Шестой месяц беременности подкрался незаметно. Небольшой живот, лёгкая сонливость и вечное желание есть — вот, что было со мной всегда. А ещё радость, потому что вечно таскающий меня по врачам Эксаль стал спокойнее, а вот его мама наоборот — как-то странно ворчала на меня уже вторую неделю.

Но сегодня всё должно быть прекрасно, потому что Эксаль разрешил мне переделать вечно закрытую спальню Инес в детскую для Франко! Мы узнали, что у нас будет девочка, отчего Альба, я и сам отец были очень рады, а значит нужно было сделать отдельную комнату для уже почти трёхлётнего мальчика, чтобы он привыкал, что у него будет маленькая сестренка.

Мы выбирали обои и мебель вчера с самим малышом, а сегодня его папа сказал подойти к Альбе и попросить её все заказать, если я хочу сделать это до того, как он приедет.

— А мы к вам с просьбой, — сели на диван к женщине мы с малышом.

Франко довольно протянул бабушке планшет, на котором уже вёе было выбрано и даже добавлено в корзину. Осталось только добавить адрес, сколько всего нужно (из обоев и краски, потому что пол и всё, что строители успели там поменять, вроде покрытия стен, мы сменили).

— Сын мне вчера сказал, — Альба кивнула, — завтра вечером всё привезут. Я заказала.

Улыбка с моего лица сползла сразу же.

— Когда? — не поняла я, — мы же только что выбрали?

Мы с Франко переглянулись. Он даже планшет отложил к себе на колени.

— Я занята, Долли, — отмахнулась от меня женщина, — не видишь — у меня сериал. Что тут не ясно? Сегодня утром я заказала всё для отделки той комнаты. Завтра привезут. Послезавтра строители приступят, — она важно кивнула, — я нашла вполне себе неплохой бежевый в этот раз.

Я поджала губы.

— Но мы выбрали голубой, — нахмурилась я.

— Господи, что сегодня с тобой? — фыркнула Альба, — какой ещё к черту голубой? Ты сегодня дашь мне спокойствия?!

— С машинками, — прошептала я, — красными. Мы выбирали с Франко.

Она сузила на мне глаза.

— Ты с ума сошла? — отвернулась от меня к телевизору на стене она, — никаких обоев. Мы похожи на твою пьющую мамашу? — смешок от неё, — к слову — она ещё жива? Что-то мы давно её не обсуждали.

Горло сдавило. Я тяжело дышала, но встала рывком.

— Эксаль разрешил выбрать мне, — дрожащим голосом сказала женщине я, — и я выбрала. И... и я не хочу бежевый. Да и Франко не хочет, а это его комната и...

— Сходи поспи, — отправила меня ледяным голосом, — тебе явно нездоровится, если

ты... посмела повисить на меня тон!

— Это мой обычный голос, я не кричала, — смотрела ей в глаза я, — и Эксаль...

— Я сказала тебе подняться наверх и выспаться! — рыкнула она, — мерзавка! И бежевые стены будут такими, поняла меня?

Я смотрела на неё с мольбой.

— Ты не слышала?! — почти закричала она, — забрала ребенка и исчезла! Кто тебе вообще право дал так со мной говорить?!

Я почти захлебнулась от обиды. Слезы на глазах рванули ручьями, а Франко и в самом деле закричал от плача. Я взяла его на руки и отправилась утешать его там, куда мне приказали уйти. И мне уже совсем не хотелось никаких комнат и обоев, если даже такое мне нельзя было здесь решить. Я просто хотела... нет, мне дали шанс — радостное желание, которого никогда у меня не было. Я была счастлива как никто другой, а затем это счастье отобрали с криком. Мне казалось, что в этот момент меня вернули домой к той самой матери, которую упомянула вмиг ставшая злой Альба.

— Да? — мурчащий голос Эксаля по телефону.

Я не хотела ему звонить. Просто ни я, ни Франко успокоиться не могли уже полчаса.

— Долли, дорогая, я немного занят, но давай, если ты не можешь выбрать какую-то кроватку или обои хочешь, то я освобожусь, приеду и мы обязательно выберем вместе? Договорились?

Я медленно кивнула, качая вытирающего щёчки Франко.

— Я... — снова задохнулась от слез я, — м-можно мы сходим погулять в сад? Т-там вроде стало солнечно у-уже и...

— Что случилось? — Эксаль стал строгим и взволнованным сразу же, — Долли, что с голосом? Ты в порядке? Что с Холли? Тебе плохо?

Я замотала головой, а после... все хлынуло само собой:

— А-альба сама всё к-купила-а...

Тишина в телефоне была несколько секунд.

— Ты поэтому плачешь? — он явно услышал хныкающего Франко на фоне меня, — мне казалось я дал четкие распоряжения ей. Минуту, Долли. Вернее, — он тяжело вздохнул, — одень Франко потеплее и спускайтесь в сад. Я буду через двадцать минут. И не плачь, — просьба, — сейчас я приеду и помогу тебе заказать всё, что ты захочешь.

Стоящая в проёме дверей Альба дернула глазом.

— Ну-ка отключи вызов, — прошептала с угрозой она.

Мои глаза расширились, а сама я замотала головой и прошептала для мужа:

— Альба сейчас будет ругаться...

Женщина закрыла глаза от ярости.

— Да? — протянул Эксаль, — тогда ставь на громкую связь. Готово? — он дождался пока я отвечу «да», — отлично. Мама, спустись вниз. Сядь, выпей чаю. И не говори моей жене и слова, пока я не приеду. Она расстроилась, а ты хочешь напугать её ещё больше. Ты должна понимать, чем это чревато, поэтому давай — чай и спокойный диалог со мной. Долли точно не нужны эти сёезы.

— Она на меня орала только что, — ухмыльнулась Альба, — как умалишенная базлала, а я должна была терпеть?!

— Это неправда, — прошептала я.

— Лжет и не краснеет! — фыркнула женщина, — и... сын, ты на самом деле разрешил

ей устроить бедлам у нас дома? То безвкусное нечто, что она предложила...

— Мама, будь... сегодня спокойнее, — явно шел Эксаль, — я уже еду. Что насчет комнаты, то это дело Долли, — он усмехнулся, — даже если она захочет заколотить там окна и покрасить всё в чёрный, то мы с Франко тяжело вздохнём и продолжим спать втроем в одной комнате.

— Мы хотели машинки, — улыбнулась я, — красные.

— Тем более, — улыбнулся Эксаль, — это очень мило и вполне логично, Долли. Франко одобрил?

Я покивала с улыбкой сквозь слезы.

— О-он сам ткнул в них пальчиком, — я готова была прыгать от радости.

— Как здорово, — тоже улыбался мужчина, — значит машинки. А кровать?

— Какие к чёртовой матери машинки?! — вернула меня на землю Альба, — вы с ума оба сошли? Никаких обоев вообще! Этот дом...

— Мой, мама, — осадил её Эксаль, — Долли, и наших детей. У тебя есть квартира и дом отца. Где правила устанавливаешь только ты. Хотя Долли явно и не претендует на общие комнаты первого этажа, как и второго. Здесь же полностью её воля, как и в общем-то во всем доме. Поэтому, будь спокойнее, мама. И прими то, что тут ты выбирать не можешь.

Я снова смотрела на неё с мольбой. Она на меня — с жадной убийства».

— Бессовестная лживая дрянь! — взвизгнула на весь зал Альба, — это мой дом! И скоро ты в нем станешь никем!

— Всё ещё нет, мама, — закинул ногу на ногу Эксаль, — он весь её, если ты забыла. Тот был лишь на четверть, а этот весь.

Альба почти задохнулась от возмущения.

— Ты тогда накричал на меня, как приехал, — обиженно сузила глаза она, — на родную мать! С криком!

Эксаль поджал губы.

— Я просил за это прощения, — он кивнул, — однако моя вина лишь в этом — в остальном твоя. К тому же ты тогда обижалась на всех вокруг две недели, пока я не оплатил тебе отдых на месяц. Как раз в качестве извинения.

Женщина фыркнула.

— Такое себе путешествие вышло! — она была недовольной, — дрянной отель! И персонал... фу!

Эксаль кивнул.

— Это не умоляет того факта, что я просил тебя обходиться с моей беременной женой лучше, — он дёрнул ногой.

— Как с хрустальной вазой! — прорычала Альба.

— Она ей и была! — повторял её тон муж, — и сейчас является, но тогда было совсем по-другому, мама. Она носила ребенка. Расстраивалась она — это происходило и с Холли. Да даже и так! Я умолял тебя быть с ней мягкой! Она могла заболеть в любую секунду, а ты строила из себя львицу, защищающую свою землю! И к чему это привело? Сейчас ты лжешь всем вокруг, что плохие все, кроме тебя!

Все молчали, а Альба... из её глаз вдруг хлынули слезы, пока она искала в сумочке платок.

— Я... — она всхлипнула, — я не хочу, чтобы ты меня бросал! — взвыла она, — я не... ты бы знал, как я её возненавидела тогда! Она должна была меня слушаться, но начала

точить клыки и... даже я так не могла на тебя влиять, а стоило ей тогда и сейчас показать в глазах слёзки, как мать становилась плохой, а чёртова всеми проклятая Долли хорошей и самой любимой-ой!

Эксаль нахмурился.

— Какой ужас, — холодно произнес мужчина, — мне тебя жаль, мам. Не лги себе, что это не так, однако я убедился сколько всего нехорошего ты успела натворить за последнее время, поэтому нет — мы всё равно уедем.

Женщина взвыла.

— Хотите я... — я почти встала, желая её успокоить.

— Пошла вон, мерзавка! — совсем разошлась Альба, — ты всё испортила! Всю мою жизнь! Всю его жизнь! И да — я признаю, что пыталась навязать ему этих чёртовых нянь! Но он... ни в какую! Сколько их я перепробовала! И как ты была искала, и совсем уж... развязную! А он хоть бы хны! Последние три вообще были... прости господи! И силой она его... так он на меня не орал только потому, что ты убежала, сучка! А он за тобой!

Я округлила глаза.

— То есть она тогда реально... сама к тебе? — смотрела в глаза мужа я.

— Да, Долли, — потянулся ко мне он.

Его пальцы проскользили по моей щеке. Тепло и уютно.

— Что ещё не так?! — продолжала орать Альба, — пожар тот! Ну я и что?! У меня просто не было сил терпеть её, и я готова была... на грех!

— Пожар? — переспросила судья, — тут поподробнее.

Я кивнула.

«Холли появилась на свет быстро. Эксаль привёл аргументы, чтобы мне сделали кесарево сечение под общим наркозом. Поэтому, когда я проснулась, рядом на кушетке посапывала моя дочь. Холли Еррера. Дома Альба закатила праздник, впервые взяв на руки внучку. Франко ревниво лип ко мне сильнее обычного. Всё шло своим чередом. До одного момента.

Я почувствовала дым не сразу. Сперва запахло так, будто на кухне что-то сожгли, а после заволокло теменью. Как назло, лестницу и террасу второго этажа мы закрыли от детей на ремонт, поэтому двери в комнату были закрыты с той стороны. А значит я сперва позвала на помощь, а после, не услышав ответа, схватила двоих малышей на руки, попросила Франко закрыть личико тканью, сама накрыла Холли и начала спускаться вниз. Все закончилось на удивление неплохо. Эксаль отвёз нас после в больницу, где подтвердили, там подтвердили что мы в порядке. Но я чувствовала себя странно от одного момента — в доме не было никого, кроме нас. Альба, когда мы вышли, стояла с дворецким и горничными в нескольких метрах... держа в руках любимый цветок из своей комнаты. А вот приехавший с работы Эксаль, который, как оказалось, звонил мне в ужасе на брошенный в комнате телефон, сперва помог нам сесть в машину, пока пожарные ехали к нам, а когда начали разбираться... Альба сказала, что мы уехали втроем. Она сказала, что в доме уже никого спасать не нужно. Потому что там никого нет».

— Случайность! — прорычала женщина, — да, я признаю, что нечаянно подожгла свечой эту противную штору, которую хотела заменить уже... который день! Я это признала и сказала и полиции! Я случайно! — она указала сыну на меня, — и откуда мне было знать, что они вернулись?

— Потому что мы никуда не уезжали, — поджала губы я, — и вы это знали.

У нее был такой взгляд, будто она хочет меня ударить.

— Я извинилась перед тобой! — фыркнула она.

— Какие вы все молодцы, — покачала головой судья, — извиняетесь постоянно. Будто это решит то, что вы натворили. Что сказала полиция, ответчик?

— Несчастный случай, — кивнул Эксаль, — случайность. Привлекать к ответственности было некого и незачем. Мы просто переехали в тот дом, где жили до... побега Долли. И чтобы загладить вину меня и мамы я подарил его той, кто пострадал больше всех, — он улыбнулся мне.

Я смутилась.

— Ага! — рассмеялась Альба, — конечно! Больше всех! Ты видел, что мой цветок заболел и засох?!

Я впервые посмотрела на неё с яростью.

— Вы чуть не убили своих внуков, — прошипела я, — и говорите про цветок?!

Её глаза полыхнули.

— Да как ты смеешь, поганка? — рычала Альба, — из какого дерьма я тебя вытянула, а сейчас ты можешь открывать на меня рот? Да я тебя сейчас в грязь так окуну...

— Нет! — остановила её судья, — я не могу! Истец, что было дальше?

— Снова няни, — поджала губы я, — много нянь, которых она подсовывала, а после та, к-которая была первая и... — я хрюкнула, — присосалась.

Губы Эксаля расползлись в усмешке.

— Я тебя обожаю, Долли, — сжал мои пальцы он.

— Не обожаешь! — рассвирепела Альба, — потому что твоя любимая жена звала ещё одного свидетеля!

Я успела забыть про него, пока хитрый и ставший совершенно ласковым Эксаль обнимал меня, медленно водя пальцами по плечу. Я успела соскучиться по нему так сильно, что хотелось поцеловать его прямо здесь и сейчас, забраться на колени, впиться в губы и... уехать с ним как можно дальше от всех.

— Значит, наконец, последний свидетель, — кивнула судья, — однако большого значения, как мне стало понятно, его слово не внесёт, потому как... истец, вы забираете своё заявление на расторжение брака?

Я неловко улыбнулась ей, а после кивнула. Было немного стыдно за то, что я не поверила мужу, а сделала всё...

— Ваша честь, — кивнул, широко шагая, Хьюго, — Долорес, — он подошёл к сидящей мне, обойдя Эксаля с другой стороны, встал на одно колено и... — выходи за меня замуж!

— Я тебе сейчас шею сверну! — хмыкнул разъярённый Эксаль, пока я держала его за рукав рубашки.

— Что ты там вякнул?! — Карина.

— А я знала! — орала громче всех Альба.

— А я было подумала, что приключения закончены, — судья.

И только я молча глядела на смотрящего на меня снизу вверх мужчину круглыми от шока глазами.

— Долорес, он козёл, а моя жена откровенная ханжа, — встал и отошёл подальше Хьюго, потому что удерживаемый мною Эксаль решил всё решить... пинком.

— Т-так я же замужем... — прошептала я, — и он не... и я его люблю.

В голове ничего не складывалось.

— Карина, оформляй развод! — выбрался-таки из моего захвата муж, — эта скотина совсем страх потеряла! Нет, ты слышала?! Он хочет жениться на моей жене!

Хьюго решил убежать. И ему повезло, потому что охранники поймали Эксаля быстро и даже проводили обратно до меня, где он продолжил говорить:

— Так, всё. Хьюго, начни работать. Говорят, это вполне прибыльное дело. Карина — развод. Быстро, иначе я лишу тебя дивидендов и заберу Трисси. Мама... мы всё решили. Роб, заводи машину. Ваша честь, — он усмехнулся, — мы так больше не будем. И Долли! — он резко подкинул меня сперва на руки, а после на плечо, — я тебя поймал, мы едем домой!

Я взвизгнула, зацепилась за него руками, и он потащил меня на выход.

— Вам нужно подписать бумаги! — крикнула нам вслед судья, — ответчик! Вот я так и подумала, что всё закончится подобным образом!

На фоне где-то кричала Карина, бегая за своим мужем с чем-то тяжёлым. Их пыталась остановить Альба. А мы вышли на жаркую улицу, распугав своим видом прохожих. И стоило Эксалью опустить меня на сиденье и сесть самому, как на меня напал хохот! Словно... между нами ничего плохого не было. Словно всё это было просто кошмаром, который оборвался, как только я проснулась. Ведь тот, кого я люблю, снова был рядом.

— Я тоже рад, что ты меня не бросила, — напомнил мне о том, что я сама чуть не совершила, мужчина, — ты...

Я порывисто подалась вперед, впечатавшись в его губы с силой. Его рука скользнула вниз по моей спине с жаром.

— Альба идёт, — напомнил о себе Роб на переднем сидении, — синьора Еррера?

— Я поеду на такси, — она впиалась ногтями в опущенное стекло водителя, — Карина подает заявление, пока её муж... господи, почему сегодня всё идёт наперекосяк? Хотя хм... сын? Вы не развелись. Я же теперь не...

— Приедешь позже, значит сможешь нам собрать вещи уже вечером, — заставил её ахнуть Эксаль, — ладно, мы поехали. Дети одни. Роб.

Она не успела ничего сказать — мы двинулись с места, она резко убрала руку со стекла, а моё сердце заколотилось от радости.

— Хочу снова к пляжу, — вспомнила сгоревший дом я, — и террасу побольше. И чтобы сразу спуск к песку, а не... Франко раздражала та песочница, что у него была.

— Посмотрим варианты вечером, — мужчина снова обнял меня, ткнувшись носом макушку, — уйдёшь так ещё раз, и я поймаю и запру тебя дома навсегда.

Я хмыкнула.

— Если к тебе ещё какая-нибудь няня присосется... — я расплылась в улыбке, — ой, Роб, остановись у аптеки, мне бы...

Эксаль напрягся.

— Долли? — перестал улыбаться он.

— Я схожу, — отстегнулся водитель, — что взять кроме детских витаминов?

Я смутилась.

— Тест... — прошептала, — два.

Я больше смотрела на вытягивающееся лицо Эксаля, от выражения которого было как-то снова боязливо.

— Опять? Хотя... Разбирайтесь сами, — сбежал от нас Роб.

За ним хлопнула дверь.

— Почему так уверена? — довольно откинулся на спинку сидения Эксаль, — хотя

теперь понятно почему ты сбежала, скрывалась и плакала. Может сразу в больницу?

Я помотала головой.

— Знаешь, — он хихикнул, — в этот раз, честное слово, это не случайность.

Я удивлённо на него взглянула.

— Так ты тоже...

Планировал.

Больше книг на сайте - Knigoed.net